

НЕПРОСТО
ВЕРНУТЬ
ОБМАНУТОЕ
ДОВЕРИЕ...

18+

ОТ АВТОРА
СЕРИИ-БЕСТСЕЛЛЕРА
«БУМАЖНАЯ ПРИНЦЕССА»

ЭРИН УАТТ

РАСКОЛОТОЕ КОРОЛЕВСТВО

Annotation

С тех пор как Хартли Райт узнала Истона Ройала, ее жизнь встала с ног на голову: сплетники шепчутся о ней на каждом углу, враги плетут интриги, число завистников растет день ото дня. Поэтому когда после аварии девушка теряет память, она решает, что не может доверять никому, даже Истону, который обещал защищать и оберегать ее. Не помня собственного прошлого, но доверяя собственной интуиции, Хартли решает держаться подальше от парня с дурной репутацией, который разрушает все, к чему прикасается. Она должна начать все с чистого листа.

Истон не может без Хартли. Ему жизненно необходимо, чтобы она все вспомнила. На что решится привыкший получать от жизни все Ройал, чтобы вернуть себе расположение Хартли, которая решила все забыть?

- [Эрин Уатт](#)
 -
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Об авторе](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
-

Эрин Уатт

Расколотое королевство

Erin Watt
CRACKED KINGDOM

Copyright © 2017 by Erin Watt

© Е.Прокопьева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Лили, свету жизни.

Глава 1

Истон

Все кричат.

Если бы не мое состояние шока – и факт того, что я пьян в стельку, – то мне, наверное, удалось бы распознать голоса в этой мешанине, уловить, кому они принадлежат, понять смысл колких слов и злобных обвинений, доносящихся со всех сторон.

Но сейчас все это кажется мне одной бесконечной звуковой волной, симфонией из ненависти, тревоги и страха.

– ...вина твоего сына!

– Черта с два его вина!

– ...подам в суд...

– Истон.

Я сажу, обхватив лицо руками, и потираю глаза огрубевшими от мозолей ладонями.

– ...здесь вообще? ...вас нужно вывести отсюда в наручниках, сукин вы сын... агрессия...

– ...с удовольствием посмотрю на твои попытки... я тебя не боюсь, Каллум Ройал. Я окружной прокурор...

– Помощник окружного прокурора.

– Истон.

Глаза сухие и чешутся. И ко всему прочему, уверен, налиты кровью. Они у меня всегда краснеют, когда я напиваюсь вдрызг.

– Истон.

Кто-то шлепает меня по плечу, и среди общего гула голосов выделяется один. Я вскидываю голову и вижу перед собой свою сводную сестру, в голубых глазах которой застыла тревога.

– Ты сидишь без движения уже три часа подряд. Поговори со мной, – мягким голосом просит Элла. – Дай знать, что с тобой все в порядке.

Все в порядке? Как я могу быть в порядке? Вашу мать, да посмотрите, что сейчас происходит! Мы сидим в частной комнате ожидания главной больницы Бэйвью – Ройалам не приходится ждать в общей приемной реанимации с какими-то там нищесбродами. Где бы мы ни появились, к нам особое отношение. Даже в больницах. Когда в прошлом году Рида, моего

старшего брата, пырнули ножом, его мигом отвезли в хирургическое отделение, словно он сам президент, и, естественно, он занял операционный стол вместо кого-то, кто, возможно, нуждался в операции больше него. Но имя Каллума Ройала творит чудеса в этом штате. Да что там в штате – черт, по всей стране! Все знают моего отца. Все боятся его.

– ...привлечь твоего сына к уголовной ответственности...

– Твоя чертова дочь виновата в...

– Истон, – снова доносится до меня настойчивый голос Эллы.

Я игнорирую ее. Сейчас она для меня не существует никто из них: ни Элла, ни папа, ни Джон Райт, ни даже мой младший брат Сойер, которому позволили выйти к нам после того, как наложили ему на висок несколько швов. Тяжелая автомобильная авария, а Сойер отделался лишь царапинами.

В отличие от его брата-близнеца, который...

Который что?

Черт, если бы я сам знал! О состоянии Себастиана ничего не известно с тех самых пор, как мы приехали в больницу. Его окровавленное изломанное тело быстро увезли куда-то на каталке, а его семью загнали в эту комнату, ждать новостей о том, будет ли он жить или умрет.

– Если мой сын не выживет, твоя дочь за это заплатит.

– А ты уверен, что это твой сын?

– Чертов ублюдок!

– А что? Я считаю, всем твоим мальчишкам не помешает сдать тест на ДНК. Может, сейчас и сделаем? Мы как раз в больнице. Возьмем у всех кровь и выясним, кто из них Ройал, а кто – выродок О'Халлорана...

– Папа! ХВАТИТ!

Полный муки голос Хартли вонзается в меня, словно нож. Для меня сейчас не существует никого, кроме нее. Хартли сидит в уголке комнаты на протяжении трех часов. Как и я, она за все это время не произнесла ни слова. До этого мгновения. И вот она вскакивает на ноги и бросается к своему отцу с пронзительными обвинениями. Глаза полыхают от ярости.

Я не понимаю, что здесь делает Джон Райт. Он терпеть не может свою дочь. Сначала отправил ее в школу-пансион. Потом, когда она вернулась в Бэйвью, не разрешал ей жить дома. Сегодня вечером он кричал на нее, сказал, что она больше не член их семьи, и угрожал, что отошлет ее младшую сестренку.

Но когда машины скорой помощи забрали Хартли, близнецов и их девушку, мистер Райт был первым, кто отправился следом в больницу. Может, он хотел позаботиться о том, чтобы Хартли никому не рассказала, какая он сволочь.

– Зачем ты здесь? – крики Хартли ворвались в мои мысли. – Я не пострадала в аварии! Со мной все нормально! Ты мне не нужен, и я *не хочу*, чтобы ты оставался здесь!

Райт что-то кричит в ответ, но его слова пролетают мимо меня – я слишком занят тем, что наблюдаю за Хартли. С тех пор как ее машина врезалась в «рейндж ровер» близнецов рядом с особняком ее отца, она всем повторяет, что с ней все нормально. Хотя лично мне она этого, конечно, не говорила – Хартли даже ни разу не посмотрела в мою сторону. И мне не за что ее винить.

Это моих рук дело: сегодня я сломал ей жизнь. Из-за меня она села в машину в тот самый момент, когда из-за поворота вылетел автомобиль моих братьев. Не будь она так сильно расстроена, может, успела бы заметить их вовремя. И может, Себастиан не был бы... на грани жизни и смерти.

Черт побери! Ну почему никто ничего нам не говорит?

Пусть Хартли и настаивает на том, что не пострадала, да и врачи разделяют это мнение, раз позволили ей прийти в комнату ожидания после обследования, я считаю, у нее неважный вид. Ее слегка шатает. Она тяжело дышит и выглядит бледнее, чем белая стена за ее спиной, от чего ее кожа резко контрастирует с иссиня-черными волосами. На ней нет ни царапинки. Облегчение от осознания этого отнимает у меня оставшиеся силы, потому что Себастиан был весь в крови.

К горлу подступает тошнота, когда перед моими глазами вспыхивают картинки аварии. Осколки лобового стекла, усыпавшие тротуар. Тело Себастиана. Красная лужица. Вопли Лорен. Слава богу, Донованы уже забрали ее домой. Девчонка кричала не переставая с той самой секунды, как приехала в главную больницу Бэйвью, до тех пор, пока ее не увезли.

– Хартли, – раздается тихий голос Эллы, и я понимаю, что моя сводная сестра тоже заметила ее мертвенную бледность. – Присядь. Ты не очень хорошо выглядишь. Сойер, принеси Хартли воды.

Младший брат молча исчезает. С тех пор как увезли его близнеца, он напоминает зомби.

– Со мной все хорошо! – яростно возражает Хартли, скидывая со своей руки руку Эллы, и, снова пошатнувшись, разворачивается к своему отцу. – Себастиан Ройал пострадал из-за *тебя*!

У Райта отвисает челюсть.

– Да как ты *смеешь* намекать...

– Намекать? – со злостью перебивает его Хартли. – Я не намекаю! Я констатирую факты! Истон не приехал бы к нам домой, не угрожай ты, что

отошлешь мою сестренку! А я бы не поехала за ним, не отправься он к тебе!

Мне хочется возразить, что это все моя вина, но я слишком слаб и труслив, чтобы сделать это. Но от правды не скрыться. Я – причина того, что случилось. Авария произошла из-за меня, а не из-за отца Хартли.

Хартли снова пошатывается, и в этот раз Элла не церемонится – хватая Хартли за руку и заставляет ее опуститься на стул.

– Сядь, – приказывает ей моя сводная сестра.

В это же время мой папа и отец Хартли снова схлестываются взглядами. Я еще никогда не видел старика таким взбешенным.

– Сейчас, Ройал, тебе ничем не откупиться.

– Это твоя дочь была за рулем, Райт. Ей повезет, если свой следующий день рождения она не встретит в тюрьме.

– Если кого-то и отправлять в тюрьму, так это твоего сына. Да всем твоим сыновьям там самое место!

– Не смей мне угрожать, Райт. Я могу сделать так, что мэр приедет сюда через пять минут.

– Мэр? Думаешь, у этого жалкого ничтожества хватит смелости уволить меня? Я выиграл в этом богом забытом округе больше дел, чем любой другой окружной прокурор за всю историю Бэйвью. Жители города спустят с него три шкуры, а ты...

Впервые за эти три часа я решаюсь заговорить.

– Хартли, – хрипло зову я.

Мистер Райт останавливается на середине фразы, резко разворачивается ко мне, глазами метая в меня молнии.

– Не говори с моей дочерью! Слышишь, маленький ублюдок? Не говори ей ни слова!

Я не обращаю на него внимания. Мои глаза прикованы к бледному личику Хартли.

– Прости меня, – шепчу я ей. – Это все моя вина. Авария произошла из-за меня.

Ее глаза расширяются.

– Не говори с ней! – Удивительно, но это произносит мой собственный отец, а не отец Хартли.

– Каллум! – Элла, похоже, изумлена не меньше моего.

– Нет, – грохочет его голос, ройаловские голубые глаза смотрят прямо на меня. – Истон, больше ни единого слова. Речь идет об уголовном преследовании. А он... – папа бросает на Джона Райта такой взгляд, словно тот является носителем вируса Эболы, – ...помощник окружного

прокурора. Ни единого слова про аварию, если рядом нет наших юристов.

– Как это типично для Ройалов! – презрительно усмехается Райт. – Вы всегда прикрываете друг другу задницы.

– Твоя дочь врезалась в машину моего сына, – шипит в ответ папа. – Вся вина исключительно на ней.

Хартли тихонько поскуливает. Элла вздыхает и гладит ее по плечу.

– Ты ни в чем не виновата, – говорю я Хартли, ни на кого не обращая внимания. Как будто в этой комнате нас всего двое. Я и эта девчонка. Первая девчонка, с которой мне хотелось проводить время и при этом не раздеваться. Девчонка, которую я считаю другом. Девчонка, с которой я хотел не просто дружить.

И из-за меня сегодня ей пришлось столкнуться с яростью моего отца. Из-за меня ее мучает чувство вины за аварию, которая не произошла бы, не пояись там я. Мой брат Рид когда-то называл себя Разрушителем, считая, что ломает жизни всех, кого любит.

Но он ошибался. Я единственный, кто все разрушает.

– Не беспокойтесь, мы уже уходим, – рычит Райт.

Я напрягаюсь, когда он сердито шагает к Хартли.

Словно пытаюсь защитит, Элла обнимает ее одной рукой за плечи, но мой папа коротко качает головой.

– Пусть идут, – рывкает он. – Этот отморозок прав, им тут не место.

Паника сковывает мне горло. Я не хочу, чтобы Хартли уходила. Особенно, вместе со своим отцом. Кто знает, что он может с ней сделать, когда они останутся наедине?

Хартли, видимо, считает точно так же, потому что она уклоняется, когда отец пытается схватить ее. Но и руку Эллы она тоже с себя стряхивает.

– Я никуда с тобой не пойду!

– У тебя нет выбора, – отчеканивает он. – Я по-прежнему твой официальный опекун, нравится тебе это или нет.

– Нет! – Голос Хартли напоминает раскат грома. – Я никуда не пойду!

Она вдруг поворачивается к моему отцу.

– Послушайте, мой папа...

Но слова повисают в воздухе, потому что Хартли вдруг валится вперед и падает на пол. Звук, который раздается, когда ее голова ударяется о плитку, будет жить со мной до самой моей смерти.

К ней, кажется, тянутся сотни рук, но я оказываюсь рядом с ней быстрее всех.

– Хартли! – хватая ее за плечо, ору я. – Хартли!

– Не трогай ее, – рывкает мой отец и пытается отодвинуть меня в сторону.

Я вырываюсь, но отпускаю ее и ложусь на пол рядом с ней.

– Хартли. Харт. Это я. Открой глаза. Это я.

Но ее веки не шевелятся.

– Отойди от нее, подонок! – орет Райт.

– Истон. – Это Элла, и ее голос пронизан ужасом. Она показывает на голову Хартли, где сбоку сочится тоненькая струйка крови.

Меня начинает тошнить, и это не из-за алкоголя, по-прежнему присутствующего в моих венах.

– О боже! – выдыхает Элла. – Она сильно ударилась головой!

Я прогоняю страх.

– Все хорошо. Все будет хорошо. – Я поворачиваюсь к папе: – Найди доктора! Она ранена!

Кто-то хватается за плечо.

– Я сказал, отойди от моей дочери!

– Сам отойди от нее! – выплевываю я в ответ отцу Хартли.

За моей спиной начинается какая-то суеда. Шаги. Снова крики. В этот раз я позволяю оттащить себя. Все повторяется, как с Себастианом. Хартли кладут на каталку, доктора и медсестры отдают друг другу приказы и увозят ее.

Я, совершенно подавленный, ошарашенно смотрю на пустой дверной проем.

Что сейчас было?

– О боже! – повторяет Элла.

Мои ноги больше не в силах удерживать вес тела. Я падаю на ближайший стул и хватаю ртом воздух. Что. Сейчас. Было?

Все это время Хартли чувствовала себя плохо, но не признавалась? Или может, не понимала? Но санитары скорой помощи обследовали ее!

– Они сказали, что с ней все в порядке, – хрипло говорю я. – Они даже не стали ее госпитализировать.

– С ней все будет хорошо, – успокаивает меня Элла, но ее голос звучит не очень убедительно.

Мы оба видели кровь, наливающийся багровый синяк на ее виске, расслабленный рот.

Ох, черт, меня сейчас вырвет!

Стоит отдать Элле должное – она не отскакивает, когда я вдруг складываюсь пополам и блюю на ее туфли. Вместо этого она гладит меня по волосам и убирает их со лба.

– Все нормально, Ист, – шепчет Элла. – Каллум, принесите ему попить. Не знаю, куда запропастился Сойер, когда я отправила за водой его. А вы, – думаю, она обращается к мистеру Райту, – по-моему, вам пора. Можете подождать новостей о состоянии Хартли где-нибудь в другом месте.

– С радостью, – с отвращением отвечает отец Хартли.

Я понимаю, что он ушел, потому что атмосфера в комнате становится менее напряженной.

– С ней все будет хорошо, – снова говорит Элла. – И с Себастианом тоже. Со всеми все будет хорошо, Ист.

Но ей не удастся убедить меня, и я снова блюю.

Я слышу, как Элла шепчет себе под нос:

– Господи, Рид, ну когда ты уже *доберешься* сюда?

И мы снова ждем. Я пью воду. Папа и Сойер молча сидят. Элла обнимает Рида, когда он наконец появляется. Ему пришлось ехать сюда напрямик из университета, и вид у него усталый. Но сейчас все-таки три часа ночи. Мы все устали.

Первыми нам сообщают новости о Себастиане. Наибольшие опасения вызывает его травма черепа. У него отек мозга, но врачи пока не знают, насколько это серьезно.

Мой самый старший брат, Гидеон, появляется почти сразу же вслед за Ридом, как раз вовремя, чтобы услышать про Себа. Гид блюет в мусорную корзину в углу комнаты, хотя, по-моему, в отличие от меня он не пьян.

Несколько часов спустя в дверном проеме появляется другой доктор, не тот, который оперировал Себа, и ему явно очень не по себе, когда он окидывает взглядом комнату ожидания.

Я неуверенно поднимаюсь со стула. Хартли. Он пришел, чтобы сообщить о Хартли.

Глава 2

Хартли

Я просыпаюсь от яркого света, бьющего в лицо. Сонно моргаю, чтобы разглядеть хоть что-то сквозь белые пятна перед глазами.

– Ну наконец-то! Спящая красавица проснулась. Как ты себя чувствуешь?

Снова вспышка света. Я поднимаю руку, чтобы закрыться от него, и чуть не теряю сознание от пронзившей меня боли.

– Ну хоть живая, а? – произносит тот же голос. – Давайте-ка введем ей тридцать миллиграммов торадола, но только проследите, чтобы не было кровотечения.

– Слушаюсь.

– Отлично.

Услышав металлический лязг, я мощусь, не понимая, откуда доносится звук.

Что со мной произошло? Почему мне так больно, что даже зубы ноют? Я попала в аварию?

– Осторожно. – Чья-то рука прижимает меня к чему-то мягкому... Видимо, матрасу. – Не вставай.

Раздается механическое жужжание, и часть кровати за моей спиной поднимается. Мне удастся приоткрыть одно веко, и сквозь ресницы я вижу поручень, краешек белого халата и темное пятно.

– Что случилось? – охрипшим голосом спрашиваю я.

– Ты попала в аварию, – отвечает темное пятно рядом со мной. – Подушка безопасности раскрылась и сломала тебе пару ребер слева. Твоя барабанная перепонка лопнула. В результате нарушения вестибулярного баланса, а также диспноэ – это затрудненное дыхание – ты потеряла сознание и довольно сильно ударилась головой. У тебя сотрясение и небольшая травма головного мозга.

– Травма головного мозга?

Я поднимаю руку к груди, не переставая морщиться от боли, и прижимаю ладонь к сердцу: очень больно. Я медленно опускаю руку.

– Оно все еще бьется, если ты это хотела узнать, – говорит тот, первый, голос. Должно быть, доктор. – Таким невысоким девушкам, как ты, лучше

сидеть подальше от руля. Сила сработавшей подушки безопасности сравнима с ударом однотонного грузовика.

Я вновь опускаю тяжелые веки и пытаюсь вспомнить, но безуспешно. Ощущение пустоты и одновременно наполненности.

– Ты можешь сказать мне, какой сейчас день недели?

День... Я мысленно перебираю их. Понедельник, вторник, среда... Какой из них правильный?

– Как... долго... я здесь? – удается вымолвить мне.

В горле пересохло, но я не понимаю, как на это могла повлиять авария.

– Вот, – произносит женский голос, подталкивая к моим губам соломинку. – Попей.

Вода кажется манной небесной, и я жадно глотаю ее до тех пор, пока соломинку не убирают.

– Пока хватит. Мы же не хотим, чтобы тебя начало тошнить.

Тошнить от воды? Я облизываю сухие губы, но у меня нет сил возразить. Остается лишь откинуться на подушки.

– Ты здесь уже три дня. Давай сыграем в игру, – предлагает доктор. – Можешь сказать мне, сколько тебе лет?

О, ну это просто!

– Четырнадцать.

– Хм.

Они с медсестрой обмениваются странными взглядами. Неужели мне дали слишком сильные для моего возраста лекарства?

– Как тебя зовут?

Я открываю рот, чтобы ответить, но в голове пусто. Я закрываю глаза и пробую еще раз. Ничего. ПУСТОТА. Я в панике смотрю на доктора.

– Не могу... – Я вздыхаю и лихорадочно трясую головой. – Это...

– Не переживай, – он непринужденно улыбается, как будто нет ничего особенного в том, что я не могу вспомнить собственное имя. – Дайте ей еще дозу морфина и бензо-коктейль^[1] и позовите меня, когда она очнется.

– Хорошо, доктор.

– Подождите! – окликаю я, слыша, как его шаги начинают удаляться.

– Тихо. Все будет хорошо. Твоему телу нужен отдых, – удерживая меня рукой за плечо, говорит медсестра.

– Мне нужно знать... – начинаю я и тут же поправляю себя: – Мне нужно спросить.

– Никто никуда не уходит. Мы все будем здесь, когда ты проснешься. Обещаю.

Мне слишком больно шевелиться, и я позволяю уговорить себя,

решив, что она права. Доктор будет здесь, потому что это больница, а доктора работают в больницах. Почему я здесь, как получила травмы – эти вопросы могут подождать. Морфин и бензо-коктейль – что бы это ни было – должны помочь. Я задам все свои вопросы, когда проснусь.

Но сплю я не очень хорошо: слышу шум и голоса – громкие и тихие, взволнованные и злые. Я хмурюсь и пытаюсь сказать взволнованному голосу, что со мной все будет в порядке. И еще все время *Хартли, Хартли, Хартли...* Это имя словно поставили на повтор.

– Она скоро поправится? – спрашивает глубокий мужской голос. Тот самый, что произносил имя Хартли. Меня так зовут?

Я тянусь на этот голос, как цветок к солнцу.

– Все указывает на это. Почему бы тебе не поспать, сынок? Если будешь продолжать в том же духе, то закончишь на кровати рядом.

– Было бы здорово, – хрипло отвечает первый голос.

Доктор смеется.

– Отличная позиция!

– Значит, мне можно остаться?

– Нет, вон отсюда!

«Не уходи», – мысленно умоляю я, но голоса не слушают меня, и вскоре я остаюсь одна в темной, удушающей тишине.

Глава 3

Истон

Крыло имени Марии Ройал главной больницы Бэйвью напоминает морг. У всех находящихся в роскошной комнате ожидания на лицах отпечаток скорби. Черная туча, нависшая надо мной, вот-вот поглотит меня целиком.

– Пойду глотну воздуха, – бормочу я Риду.

Он с подозрением прищуривает глаза.

– Не наделай глупостей.

– Это не я запихнул собственного ребенка в крыло, названное в честь его матери, которая покончила жизнь самоубийством, не так ли? – с вызовом спрашиваю я.

Элла, стоящая рядом с моим братом, устало вздыхает.

– Ну и куда бы ты отвез Себа?

– Куда угодно, но точно не сюда. – Похоже, эти двое совсем не чувствуют витающего здесь негатива. Эта больница всегда была для нас плохим местом: здесь умерла мама. Себ все никак не выйдет из комы, а моя девушка чуть не раскроила себе череп.

Рид и Элла как-то косо смотрят на меня, а потом разворачиваются друг к другу, чтобы начать молчаливый разговор. Они встречаются уже больше года и, похоже, научились понимать друг друга без слов. Но я догадываюсь, что речь идет обо мне. Элла мысленно передает Риду, что волнуется, как бы я не слетел с катушек, а Рид уверяет ее, что я не сделаю ничего, что могло бы поставить нашу семью в неловкое положение. Но стоит ей отвернуться, как брат одаривает меня мрачным взглядом, предупреждая, чтобы я не терял голову.

Я выхожу из этой комнаты грусти, тяжелые автоматические двери захлопываются за моей спиной, и бреду по одному из широких, отделанных белым мрамором коридоров больничного крыла, построенного на деньги моего отца. Здесь тихо, в отличие от приемной на первом этаже, где плачут дети, кашляют взрослые и царит вечная суета.

Персонал в чистейшей униформе бесшумно входит и выходит из палат, где лежат богатые пациенты. В конце концов, кто-то из них тоже может построить новое крыло, так что здесь за ними ухаживают с особенной

заботой: удобные матрасы, дорогие простыни, дизайнерские больничные рубашки. Интернам и ординаторам вход сюда разрешен лишь в сопровождении квалифицированного доктора. Естественно, что за привилегию находиться в одной из этих VIP-палат вы должны хорошенько раскошелиться. Харт оказалась в одной из них лишь потому, что я обещал устроить настоящий ад, если ее переведут в общую палату. Папе это не нравится. Он считает, что это равносильно преступлению, но я пригрозил ему, что обращусь в прессу и скажу, что во всем виноват я. Отец сказал, что оплатит неделю, но я готов снова поругаться с ним, если ей понадобится больше времени. Посмотрим – буду решать проблемы по мере их поступления.

На полу возле мусорной корзины я вижу своего брата Сойера.

– Чувак, ты как? Хочешь перекусить? Или принести тебе что-нибудь попить?

Он поднимает на меня пустые глаза.

– Я только что проблевался.

Может, он все-таки хочет пить? Парень похож на ходячего мертвеца. Если Себ в ближайшее время не очнется, то следующим Ройалом, оказавшимся на больничной койке, будет Сойер, а не я.

– Что там? – спрашиваю я, заглядывая в корзину. Замечаю обертку от фастфуда, коричневые картонные коробки из VIP-буфета и парочку бутылок из-под энергетика. – «Гэторейд»? Давай принесу тебе еще одну.

– Я не хочу пить, – еле слышно произносит Сойер.

– Ну ладно. Просто скажи мне, чего хочешь. – Как будто он сам знает. Голос у него, как у безумного.

Брат, пошатываясь, встает на ноги.

– Ничего.

Я спешу встать рядом и кладу руку на его плечо.

– Эй, скажи, что тебе нужно.

Сойер скидывает мою ладонь.

– Не трогай меня, – шипит он во внезапном приступе гнева. – Себ не лежал бы сейчас здесь, если бы не ты.

Я хотел бы возразить, но он прав.

– Все верно, – соглашаюсь я, а горло сжимается.

На лице Сойера отражаются все его страдания. Он сжимает челюсти, чтобы губы не дрожали, но я знаю своего младшего братишку. Он в секундах от того, чтобы не сорваться, поэтому я притягиваю его в объятия и крепко сжимаю, хоть Сойер и сопротивляется.

– Прости.

Он сжимает в кулаке мою футболку, как будто от нее зависит его жизнь.

– Себ поправится, правда?

– Еще как! – Я хлопаю брата по спине. – Очнется и будет ржать над нами из-за того, что мы плакали.

Сойер не в силах ответить мне. Эмоции мешают ему нормально дышать. Он держится за меня добрую минуту, а потом отстраняется.

– Пойду посижу с ним немного, – отвернувшись к стене, говорит Сойер.

Себ вечно спасает каких-нибудь животных и злоупотребляет смайликами с сердечками вместо глаз, Сойер же – брутальный мужик. Мало говорит, почти не показывает своих эмоций. Но без своего близнеца он одинок и напуган.

Я сжимаю его плечо и позволяю уйти. Близнецы должны быть вместе. Если кому и под силу вытащить Себа из комы, так это Сойеру.

Сам же отправляюсь в конец другого коридора, где находится палата Хартли. Одна из бесшумных медсестер приветствует меня у двери.

– Простите, никаких посетителей, – говорит она и показывает на цифровой экран справа от двери, на котором мигает значок «Не беспокоить».

– Я член семьи, Сьюзен. – Я прочитал имя на бейджике, потому что пока еще ни разу не сталкивался с сестрой Сьюзен.

– Не припомню, чтобы у мисс Райт были братья, – медсестра взглядом дает мне понять, что прекрасно знает, кто я, и разгадала мою ложь.

Но не в моем характере сдаваться. Я обаятельно улыбаюсь.

– Кузен. Только что прилетел.

– Простите, мистер Ройал. Никаких посетителей.

Вот я и попался.

– Послушайте, Хартли – моя девушка. Мне нужно увидеть ее. Она подумает, что я последний козел, раз ни разу не пришел проведать ее. Она обидится, а мы ведь не хотим добавлять ей страданий, верно? – Я вижу, как медсестра смягчается. – Ей бы очень хотелось увидеть меня.

– Мисс Райт нужен покой.

– Я не задержусь, – обещаю я. Но сестра Сьюзен не сдается, и мне приходится обратиться к тяжелой артиллерии. – Мой отец хочет знать о ее самочувствии. Каллум Ройал. Можете проверить бумаги. Везде стоит его имя.

– Но вы же не Каллум Ройал, – замечает она.

– Я его сын и его доверенное лицо, – нужно было попросить папу

вписать меня во все необходимые документы, чтобы мне можно было свободно посещать ее. Я впервые пытаюсь попасть в палату без него, так что даже не представляю, каким влиянием пользуется его имя. Но мне нужно попасть туда. И это крыло, в конце концов, построено на его деньги.

Сестра Сьюзен снова хмурится, но отступает в сторону. Все-таки есть преимущество в том, что твоя фамилия красуется на фасаде здания.

– Смотрите, не утомите ее, – говорит медсестра и, бросив на меня предостерегающий взгляд, уходит.

Я дожидаясь, когда она скроется за углом, и только потом вхожу. Конечно, я хочу, чтобы Хартли отдыхала, но она сможет поспать и после того, как я увижу ее своими собственными глазами, убедившись, что с ней все в порядке.

Я тихо обхожу диван и кресла в гостиной зоне палаты. Как и Себ, она спит. Но в отличие от Себа бывает в сознании. Утром доктор сказал папе, что сегодня или завтра Хартли полностью придет в себя.

Я придвигаю одно из тяжелых кресел к кровати и беру ее за руку, стараясь не задеть датчик на пальце. При виде ее обездвиженного тела, окруженного трубками и проводками, тянущимися от тонких рук к капельнице и всяким аппаратам, у меня внутри все переворачивается. Хочется отмотать время назад, заставить земной шар крутиться в обратном направлении, чтобы мы снова оказались в ее квартирке, где я кормил ее буррито из передвижной закусочной на углу после тяжелой смены в ресторане.

– Привет, Спящая красавица, – я поглаживаю ее руку большим пальцем. – Если тебе так сильно не хотелось в школу, сказала бы мне. Мы могли бы просто прогулять уроки или подделать справку от врача.

Хартли не шевелится. Я поднимаю глаза на монитор над ее головой, сам не зная, что хочу там увидеть. Аппарат издает ровный сигнал. Ее палата не такая пугающая, как палата Себа. Он лежит в кислородной маске, а звук прибора, поддерживающего его дыхание, леденит душу похлеще музыкального сопровождения в фильмах ужасов.

Мне нужно, чтобы Хартли очнулась и взяла меня за руку. Я провожу свободной ладонью по лицу и заставляю себя настроиться на позитивный лад.

– Знаешь, пока ты не появилась, я хотел пропустить этот последний учебный год. Но теперь рад, что так и не решился. Нам будет весело. Поедем в Сен-Тропе на День благодарения. Здесь становится все холоднее, и я уже устал носить пальто и теплые ботинки. А на Рождество поехали в Андерматт в Альпах. Но если ты катаешься на лыжах, можно остановиться

в Вербье. Там просто офигенные высокие склоны, хотя, может, тебе больше понравится Санкт-Мориц? – Я смутно припоминаю, как некоторые девчонки из «Астора» только и болтали о том, какой там классный шопинг.

Хартли не отвечает. Вдруг ей вообще не нравятся лыжи? Тут меня осеняет, что мы едва ли успели узнать друг друга до аварии. Я почти ничего не знаю о ней.

– Или можем поехать в Рио. У них потрясные новогодние вечеринки. Паш ездил туда пару лет назад и сказал, что там было не меньше двух миллионов человек.

Ну да. С ее-то травмой головы ей вообще может быть не до вечеринок.
Блин, Ист, иногда ты такой тупица!

– Или давай лучше останемся здесь. Сделаем ремонт в твоей квартире. А может, найдем новое место для тебя и твоей сестры Дилан, если тебе удастся уговорить ее жить с тобой. Как тебе план, нравится?

Но даже ее веки остаются неподвижными. Внутри разрастается страх. Себ и Хартли, оба без сознания – это выше моих сил. Так нечестно. Рука, которой я держу ладонь Хартли, начинает дрожать. Такое ощущение, словно я стою на краю обрыва, который вдруг начинает обрушаться. Бездна зовет меня, обещая мирный покой во тьме, если я упаду в нее.

Опустив голову, я кусаю ворот своей футболки, пытаюсь взять эмоции под контроль. Я отлично понимаю отчаяние и безнадежность Сойера. Хартли появилась в моей жизни в тот самый момент, когда я находился в глубочайшей депрессии, и заставила меня смеяться, заставила подумать, что за всеми этими пьянками, тусовками и беспорядочным сексом есть будущее. А сейчас ее свет потух.

С ней все будет хорошо. Соберись, парень. Слезы в футболку ни черта не изменят.

Я делаю глубокий вдох и подношу ее руку к своим губам.

– Ты скоро поправишься, детка. – Я говорю эти слова главным образом для того, чтобы успокоить самого себя. – Ты скоро поправишься, Харт.

Она должна поправиться – ради себя и ради меня.

Глава 4

Хартли

Сердце. Сердце. Это слово все время крутится в моей голове. Что-то насчет моего сердца. *Нет. Харт*^[2]. *Хартли!*

Распахнув глаза, я хрипло говорю:

– Хартли. Меня зовут Хартли Райт.

– Золотая звездочка прекрасной пациентке в синем, – произносит знакомый голос.

Я поворачиваю голову на бок и смотрю на доктора. Мы улыбаемся друг другу – я, потому что он здесь, как и обещал, а он, потому что его пациентка очнулась и назвала свое имя.

Передо мной появляется стакан с водой с трубочкой, который подносит Сьюзен (так написано на бейджике): кругленькая медсестра, чей затылок едва достает до нагрудного кармана доктора.

– Спасибо, – благодарю я, и на этот раз бумажный стаканчик не убирают от меня почти сразу, позволяя высосать воду до последней капли. Сьюзен поднимает изголовье моей кровати, механизм жужжит.

– Ты знаешь, где находишься? – спрашивает док и светит фонариком мне в глаза. На его бейджике написано: «Дж. Джоши».

– В больнице. – Мой ответ – всего лишь догадка, но присутствие доктора и медсестры, а также отвратительная синяя рубашка в розовый цветочек вселяют в меня уверенность в том, что я права.

– В какой именно?

– А в Бэйвью их несколько? – Здорово. Я даже знаю, где я. Откидываюсь назад, чтобы устроиться покомфортнее. Теперь понятны мои провалы в памяти, когда я очнулась в первый раз. Видимо, у меня были серьезные травмы, раз мне потребовалась госпитализация, и, наверное, из-за них я не понимала, что происходит.

Доктор постучал кулаком по деревянному изножью кровати.

– Два из трех – это не так уж и плохо.

– Что случилось? – Я уже задавала этот вопрос? Кажется, да, но, видимо, ответа в тот раз не получила. По крайней мере, на ум ничего не приходит. Когда я закрываю глаза и пытаюсь вспомнить, как сюда попала, передо мной лишь черная пустота. У меня болит все тело, так что, похоже,

повреждения серьезные. Меня сбил грузовик? Я выпала из окна второго этажа? Или покупала продукты и меня сильно ударили по голове?

– Ты попала в дорожно-транспортное происшествие, – говорит доктор. – Твои физические травмы заживают прекрасно, но вот судя по тому, что ты говорила, когда приходила в сознание до этого, у тебя ретроградная потеря памяти, вызванная травмой, которую ты получила, когда упала в больницу.

– Погодите, что? – Он только что вывалил на меня столько всего!

– У тебя потеря памяти из-за...

– В смысле амнезия? – перебиваю я его. – Это по-настоящему?

– По-настоящему, – соглашается док Джоши с едва заметной улыбкой.

– И что это значит?

– Если в двух словах, то все твои сформировавшиеся воспоминания типа первого дня в детском саду, первого поцелуя или крупной ссоры со своим парнем, вероятно, к тебе вернуться.

У меня открывается рот. Он шутит, не иначе.

– Значит, моя память может ко мне никогда не вернуться? Такое возможно?

Я оглядываюсь вокруг в поисках камеры, ожидая, что сейчас кто-то выпрыгнет и заорет: «Сюрприз!» Но ничего подобного, конечно же, не происходит. В палате нет никого, кроме Сьюзен, доктора и меня.

– Возможно, но ты молодая, так что едва ли все будет настолько серьезно.

Я останавливаю свой взгляд на докторе Джоши.

– Настолько серьезно? – В моем голосе начинают звучать истерические нотки. – Я же ничего не помню!

– Это тебе сейчас так кажется, но на самом деле ты помнишь многое. Судя по тому, что мы наблюдали – когда ты спала и сейчас, пока мы с тобой разговариваем, – похоже, у тебя сохранилась процедурная память. Это моторные навыки и все то, чему ты научилась в своем развитии, типа способности говорить. О некоторых своих способностях ты не узнаешь, пока не попробуешь. Например, ты не представляешь, что умеешь кататься на велосипеде, но лишь до тех пор, пока не сядешь на него. Но что самое важное, через пару недель отдыха и курса восстановления ты будешь в полном порядке.

– В полном порядке? – пустым голосом повторяю я. Как я могу быть в полном порядке, когда мои воспоминания пропали?

– Да. И не закливайся на плохом. – Он записывает что-то в карту и отдает ее сестре Сьюзен. – А сейчас я расскажу о самом сложном, что ждет

тебя в процессе восстановления.

– Это хорошо, что я лежу, раз потеря памяти еще не самое страшное.

Док Джоши улыбается.

– Видишь, зато ты не потеряла чувство юмора. – Но его улыбка тут же угасает, а лицо становится серьезным. – Очень вероятно, что твои автобиографические воспоминания вернутся к тебе. Однако не делай поспешных выводов, когда будешь общаться с людьми. Их воспоминания о тех или иных событиях отличаются от твоих. Ты меня понимаешь?

– Не очень.

Это правда. Я мало понимаю, как могу помнить свое имя, но не иметь ни малейшего понятия о том, что случилось со мной? Почему я помню, что это больница, а трубка в моей руке – капельница, или что гармонический ряд – это сумма бесконечного количества членов, но не свой первый поцелуй?

Доктор стучит по поручню кровати, чтобы привлечь мое внимание.

– Я доктор? – спрашивает он.

– Да.

– Почему?

– Потому что вы одеты в медицинский халат. И у вас эта штука, – *стетоскоп*, услужливо подсказывает мне мое сознание, – на шее, и говорите вы как доктор.

– А если бы мой халат и стетоскоп были на Сьюзен, не решила бы ты, что доктор она?

Наклонив голову, я смотрю на медсестру. Сьюзен улыбается и прижимает ладони к лицу. Я мысленно надеваю на нее халат и стетоскоп и вижу ее в точности, как он описал – доктором.

– Видишь ли, истина – понятие переменное и зависит от суждений того или иного индивида. Если бы ты увидела Сьюзен в коридоре, то могла бы сказать, что видела доктора, хотя на самом деле это одна из наших самых опытных медсестер. Воспоминание твоей матери о том, как ты одолжила платье у своей сестры, которое та тебе пообещала, будет отличаться от воспоминания об этом событии этой же сестры. Если ты поссорилась со своим парнем, его представление о том, кто виноват, будет не таким, как у тебя. Я посоветовал членам твоей семьи и друзьям не говорить с тобой о твоём прошлом до тех пор, пока не будет подтверждено, что ты полностью утратила эти воспоминания. Я напишу тебе записку в школу, а ты, в свою очередь, должна будешь предупредить об этом своих одноклассников. Их рассказы о прошлом могут изменить твои воспоминания или даже заменить их.

Меня начинает бить дрожь, когда я осознаю предостережение доктора. Поговорка «у каждой истории две стороны» начинает казаться страшной.

– Мне это не нравится, – говорю я доктору.

– Знаю, мне бы тоже не понравилось.

Я решаю, что должна скорее сама все вспомнить.

– Как много времени займет процесс восстановления памяти?

Может, мне удастся спрятаться ото всех до этого момента?

– Дни, недели, месяцы или даже годы. Мозг до сих пор остается великой загадкой, даже для врачей и ученых. Прости. Хотелось бы ответить тебе как-то получше. С другой стороны, как я уже говорил ранее, кроме ушибленных ребер, ты в отличном физическом состоянии.

Медсестра достает маленький флакон и вводит в него иглу шприца. Я наблюдаю за этим с легким беспокойством.

– Вы можете дать мне какое-то лекарство, чтобы помочь вспомнить?

– Конечно, – Сьюзен стучит по шприцу.

– А сообщить мне хотя бы незначительные детали о том, что произошло? – умоляю я. – Кто-то еще пострадал из-за меня? – Сейчас это самое важное. – В машине были другие люди? Кто-нибудь из моих родных?

Я стараюсь вспомнить свою семью, но четкой картинки не выходит. Только какие-то тени. Одна, две... три? Доктор упоминал маму и старшую сестру, а значит, я должна быть самой младшей в семье из четырех человек. А может, моя мама развелась и у меня трое братьев и сестер? Как я могу не знать этого? Кровь стучит в висках. Незнание убивает меня.

– Ты ехала одна. В другой машине было трое молодых людей, – говорит док Джоши. – Двое не пострадали, но один парень находится в критическом состоянии.

– О боже, – у меня вырывается стон. Хуже не придумаешь. – Кто это? И что с ним? Это моя вина? Почему я не помню, что произошло?

– Так твое сознание хочет тебя защитить. Это часто бывает с пациентами, пережившими тяжелый психологический стресс. – Он похлопывает меня по руке перед тем, как уйти. – Меня это не очень беспокоит, значит, и тебя не должно тоже.

Не беспокоит? *Чувак, я лишилась рассудка в прямом смысле слова!*

– Готовы принять парочку посетителей? – спрашивает медсестра после того, как доктор ушел.

Она вводит лекарство в пластиковый мешочек, висящий на крючке рядом с моей кроватью.

– Не думаю...

– Она очнулась? – щебечет голос из двери.

– Ваша подруга ждала несколько часов, чтобы увидаться с вами. Мне ее впустить? – спрашивает сестра Сьюзен.

Сначала у меня возникло желание сказать «нет». Я еле жива. Все тело болит, такое ощущение, что ушиблены даже пальцы на ногах. Меня совсем не привлекает мысль о том, чтобы улыбаться и притворяться, что со мной все хорошо, ведь обычно перед другими людьми нужно держать лицо.

Но еще хуже то, что любое общение с моими друзьями и семьей может привести к тому, что мои воспоминания могут оказаться чужими, а не моими собственными. Я утратила часть себя, и лучше бы мне держаться в полной изоляции, иначе моя память никогда не восстановится.

– Да, – я смогу собирать воспоминания по кусочкам. Сравнивать и сопоставлять факты. Когда они будут подтверждаться более чем одним источником, то их можно считать правдой. А с физической болью я справлюсь – меня гложет лишь неопределенность. Я киваю и повторяю: – Да.

– Она очнулась, но поберегите ее.

Я наблюдаю, как к моей кровати приближается блондинка с длинными блестящими волосами. Не узнаю ее. От разочарования мои плечи никнут. Если она ждала несколько часов, значит, должна быть моей близкой подругой. Так почему же я не помню ее? *Думай, Хартли, думай!*

Док сказал, что я могу помнить не все, но он ведь не имел в виду, что я забыла дорогих мне людей, правда? Такое вообще возможно? Разве те, кого я люблю, не должны быть высечены в моем сердце, врезаны в него так глубоко, что их никогда не забыть?

Я ныряю в темную бездну своего сознания, чтобы попытаться выудить имя. С кем я близка? В голове вспыхивает образ хорошенькой рыжеватой блондинки с веснушками по всему лицу. Кайлин О’Грэйди. После имени возникает целый коллаж картинок: гуляем в парке после школы, шпионим за мальчиком, вместе ночуем в ее комнате футбольной фанатки, идем на уроки музыки. Я удивленно сжимаю кулак. Уроки музыки? Я вижу себя склонившейся над скрипкой. Я играла на скрипке? Придется спросить об этом у Кайлин.

– Давай, иди сюда, пожалуйста, – говорю я, стараясь не обращать внимания на боль, которая появляется при малейшем движении. Плевать, главное – мои воспоминания возвращаются ко мне. Док Джоши ничего не знает. Я широко улыбаюсь и протягиваю руку к Кайлин.

Она игнорирует ее и останавливается в шагах пяти от кровати, словно я заразная. Но достаточно близко, чтобы заметить нулевое сходство с образом, всплывшим в моей памяти. Лицо этой девушки овальное, брови

разлетаются резкими черточками, волосы гораздо светлее, и на лице нет ни единой веснушки. Кайлин могла, конечно, перекрасить волосы, но с ее милым конопатым лицом ей никогда не превратиться в эту холодную недружелюбную блондинку с красивой фигурой.

И ее одежда... Кайлин всегда любила носить джинсы и фланелевые рубашки на размер больше. На девушке, которая сейчас стоит передо мной, кремовая юбка длиной до колен с черно-красными полосками и блузка в тон с длинными рукавами с кружевами на манжетах и воротничке. На ее ногах красуются стеганые балетки с блестящими черными носками, украшенными золотистыми буквами «С». Волосы с одной стороны убраны назад и закреплены заколкой с теми же самыми буквами, усеянными стразами – черт, а может, это даже бриллианты.

Она выглядит так, словно сошла с рекламы на страницах дорогого журнала.

Я хмурюсь и опускаю отвергнутую руку на колени.

– погоди, ты не Кайлин, – прищурившись, говорю я. Девушка кажется смутно знакомой. – Ты... Фелисити?

Глава 5

Хартли

– Она самая, – блондинка осторожно приподнимается на цыпочках, чтобы посмотреть на мешочек капельницы. – Хм, морфин. Тебе хотя бы дают приличные наркотики.

Фелисити Уортингтон я знаю в основном благодаря ее репутации – типа как какую-нибудь знаменитость – наверное, поэтому мне удалось вспомнить ее саму, а не то, общались мы с ней или нет. Уортингтоны – видные фигуры в Бэйвью: живут в огромном доме на побережье, ездят на дорогих машинах, а их дети устраивают грандиозные вечеринки, фотографиями с которых пестрят аккаунты в «Инстаграме» и которые вы ни за что не захотите пропустить.

Я даже представить себе не могу обстоятельства, при которых мы с Фелисити могли бы подружиться, что уж говорить о том, почему она сидела в больнице и ждала, чтобы повидаться со мной.

– Поверить не могу, что я первая, кто тебя навестил, – говорит Фелисити, перебрасывая светлые волосы через плечо.

– Я тоже, – что-то в ней вызывает во мне смутную тревогу.

Она выгибает идеальную по форме бровь.

– Слышала, ты частично потеряла память. Это правда?

Мне бы хотелось сказать «нет», но подозреваю, что моя ложь будет тут же раскрыта.

– Да.

Фелисити вытягивает руку и щелкает украшенным кристаллами ногтем по трубке моей капельницы.

– И еще твой доктор сказал, что нам нельзя восполнять твои пробелы в памяти, потому что это может слишком сильно запутать тебя.

– Тоже верно.

– Но ты уже умираешь, как хочешь все узнать, правда? Почему я здесь? Как мы стали подругами? Что с тобой произошло? Эти дыры в твоих воспоминаниях необходимо заполнить, разве не так? – Она обходит кровать, а я наблюдаю за ней, как за крадущейся змеей.

– Почему ты здесь? – Какое-то шестое чувство подсказывает мне, что мы далеко не подруги. Наверное, это из-за того, как Фелисити смотрит на

меня, словно я часть какого-то научного эксперимента или опытный образец, а не человек.

– Моей бабушке сделали операцию на бедре. Она лежит через две палаты от твоей, – Фелисити показывает на дверь.

Звучит логично.

– Ого, надеюсь, она скоро поправится.

– Я передам ей твои пожелания, – отвечает Фелисити и смотрит на меня так, словно ждет еще вопросов.

Я чуть не закусываю язык, чтобы удержаться и не задать их. У меня накопилась целая куча, но мне не нравится, что отвечать будет именно Фелисити.

Она не выдерживает первая.

– Разве ты ничего не хочешь узнать?

Много чего. Я перебираю вопросы, чтобы задать самый безопасный.

– Где Кайлин? – Я осторожно двигаю шеей, стараясь не обращать внимания на пронзительную боль.

– Какая Кайлин? – Фелисити хмурится, по-настоящему растерявшись.

– Кайлин О’Грэйди. Маленькая, рыженькая. Играет на виолончели. – Фелисити продолжает тупо смотреть на меня, и я добавляю: – Она моя лучшая подруга. Мы вместе учились у мистера Хейза в Центре искусств Бэйвью.

Похоже, проблемы с памятью не у меня одной.

– О’Грэйди? Мистер Хейз? Ты в каком веке живешь? Этот педик сбежал из города два года назад, примерно в то же самое время, когда О’Грэйди переехали в Джорджию.

– Что? – Я ошарашенно моргаю. – Кайлин живет в доме по соседству с нами.

Лицо Фелисити приобретает странное выражение, которое я не могу разгадать, но от него у меня по спине пробегают мурашки.

– Сколько тебе лет, Хартли? – спрашивает она, наклонившись над изножьем моей кровати, и в ее золотисто-карих глазах сверкает что-то похожее на ликование.

– Мне... Мне... – В голове вспыхивает число «четырнадцать», но чувствую я себя старше. Как мне не знать свой собственный возраст?

– Мне пят... семнадцать, – быстро исправляюсь я, в то время как у Фелисити округляются глаза.

Она прижимает руку ко рту и тут же опускает ее.

– Ты не знаешь, сколько тебе лет? Невероятно!

Фелисити вытаскивает свой телефон и начинает что-то печатать.

Похоже, он новый, но опять же у нее всегда были гаджеты самой последней модели, дизайнерская одежда, дорогие сумки.

– Кому ты пишешь? – требовательно спрашиваю я. Звучит грубо, но и она ведет себя соответственно.

– Всем, – отвечает Фелисити, бросив на меня такой взгляд, словно моя голова пострадала куда больше, чем диагностировал доктор.

Я нажимаю кнопку вызова медсестры.

– Можешь уходить, – сообщаю я девице. – Я устала и не заслуживаю такого обращения.

Поверить не могу, что у этой пигалицы хватило смелости прийти ко мне в палату и насмеяться из-за того, что у меня травма головного мозга. От злости на глаза наворачиваются слезы, и мне приходится украдкой смахнуть их. Я не собираюсь проявлять слабость перед Фелисити Уортингтон. Пусть у нее больше денег, чем у меня, но это не значит, что я заслуживаю такого бестактного отношения.

Видимо, лед в моем голосе привлек ее внимание. Она опускает телефон и дует губы.

– Я пытаюсь помочь. Сказала всем нашим друзьям, что мы должны беречь тебя.

Очень сомневаюсь. Я указываю на дверь.

– Можешь помогать снаружи.

– Ладно. Тогда пришло к тебе твоего парня.

– Моего кого? – Получается почти крик.

На ее лице появляется ядовитая усмешка. Где-то вдалеке звучат тревожные колокольчики, но я почти не обращаю на них внимания.

– Моего кого? – повторяю я, в этот раз тише.

– Твоего парня. Кайла Хадсона. Ты же помнишь его, правда? Это была любовь с первого взгляда, ваш роман закрутился, как в диснеевских мультиках. – Она прижимает руки к груди. – Вы были так влюблены! Смотреть было *тошно*, как вы миловались у всех на виду, но потом случилось *это*.

Она ловко закинула удочку, и я, наперекор всякому здравому смыслу, спрашиваю:

– Что случилось?

– Ты изменила ему с Истоном Ройалом.

– Истоном Ройалом? Изменила? – Слова Фелисити звучат настолько нелепо, что я даже начинаю смеяться. – Так, ладно, это уже просто какой-то абсурд. Можешь идти.

Если ей так хочется сочинять истории, могла бы придумать что-то

более правдоподобное. Рядом с Ройалами Уортингтоны кажутся белой швабью. Особняк Ройалов на побережье Бэйвью такой огромный, что его видно со снимков спутников. Помню свои восхищенные возгласы, когда побывала там в... В каком я тогда была классе? Шестом? Седьмом? Мы с Кайлин тогда говорили, что, хотя братьев Ройал аж пять, у них такой огромный дом, что, наверное, они целыми днями не видят друг друга. Даже шанс просто случайно столкнуться с Истоном Ройалом был таким мизерным, что о том, чтобы завести с ним интрижку, не могло быть и речи.

Понятия не имею, зачем Фелисити рассказывать мне такие небылицы. Наверное, ей просто стало скучно ждать, когда ее бабушка поправится. Буду думать так. В этом есть хотя бы какой-то смысл.

– Но это правда, – не унимается она.

– Ага, ну-ну, – внутренний голос не обманул меня насчет Фелисити, и я в нем уверена. Скоро все детали моего прошлого прояснятся.

– Тогда что ты на это скажешь? – Она пихает мне под нос экран своего телефона.

Я моргаю. Потом еще раз. И еще раз, потому что не могу поверить своим глазам. На фоне неоновых огней пирса передо мной стоит темноволосый красавчик, запустив руки в мои волосы. Я обнимаю его за талию. Наши губы слились в поцелуе, от которого впору покраснеть. Под фото стоят хештеги и, видимо, ник Истона: #сладкаяпарочка #ИстонРойал #простоРойалы @F14_flyboy.

– Не может быть, – качаю я головой.

– Может-может. Фотографии не лгут, – говорит Фелисити, убирая телефон, и шмыгает носом, как будто я серьезно оскорбила ее чувства. – Бедный Кайл. Ты его не заслуживаешь, но он простил тебе измену. Он тоже здесь, ждал, пока ты очнешься, но боялся войти. Я сказала, что пойду первая. Знаю, это трудно, но води себя по-человечески, когда я позову его.

Бросив на меня испепеляющий взгляд, она разворачивается на пятках в своих балетках и направляется к двери.

Пусть идет, потому что сейчас я нахожусь в полнейшем смятении. Мой парень Кайл? Измена? Истон Ройал? Мысли останавливаются на его имени, а сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Откуда эти эмоции – из-за чувств к Истону Ройалу или потому что фотография, которую показала мне Фелисити, оказалась такой полной страсти? Чтобы я целовалась с кем-то из Ройалов – это просто невозможно! Что уж говорить про то, какие у нас на фото довольные лица.

Ройалы, можно сказать, владеют этим городом. С их богатством они в два счета утрут нос семье Фелисити. «Атлантик Эвиэйшн» – один из самых

крупных работодателей в стране. Я могла сблизиться с Истоном Ройалом с той же ничтожной вероятностью, как выиграть в лотерею. Что там говорил доктор? Истина зависит от того, кто ее излагает, верно? Но, как сказала Фелисити, фотографии не лгут.

Дверь со скрипом открывается. Я поворачиваюсь на звук и вижу коренастого парня с волосами цвета зрелой пшеницы, маленькими глазками и тонкими губами. Должно быть, это и есть Кайл Хадсон. Вид у него такой, что ему хочется оказаться сейчас где угодно, но только не в моей больничной палате. Он нехотя подходит к гостинной зоне и останавливается в нескольких шагах от изножья кровати. Я подношу палец к кнопке вызова медсестры.

И тут же отчитываю себя: «Хватит вести себя, как ребенок».

– Привет, Кайл.

Непривычно как-то произносить его имя. Я роюсь в памяти, пытаюсь отыскать какие-то воспоминания или чувства, но тщетно. Как он может быть моим парнем? Если бы мы были вместе, то во мне же должны были пробудиться какие-то эмоции, верно? Но в голове чернеет пустота. И зачем я изменила ему? Мы поссорились? Решили на время расстаться? Я была пьяной? Или может, я просто плохой человек? Нет, я не чувствую себя плохой, но, с другой стороны, как это можно почувствовать?

– Привет, – отвечает парень, старательно разглядывая плитку на полу.

– Как дела? – спрашиваю я.

Может, ему просто не нравятся больницы и сейчас он чувствует себя не в своей тарелке? Но все же странно, что именно я, у которой скоро появятся пролежни от того, что так долго валяюсь на больничной койке, задаю этот вопрос.

– Хорошо. – Кайл просовывает руки себе под мышки и бросает взгляд в сторону двери, как будто ждет, что кто-то войдет и спасет его. Чего, конечно же, не происходит, и он вновь опускает глаза в пол и бормочет: – Хм, рад тебя видеть.

Если его радость выражается вот так, то мне даже знать не хочется, какой он, когда ему скучно. И я встречалась с этим парнем? Влюбилась в него с первого взгляда? Меня влечет к нему так же сильно, как влекло бы к камню. Может, мы все-таки не встречались, а лишь сходили пару раз на свидания и поняли, что мы не подходим друг другу?

Но Истон Ройал? Ни за что не поверю, что встречалась и с ним. Нет-нет-нет. Да и как мы вообще познакомились? Он из богатой семьи, а значит, учится в частной академии «Астор-Парк», ну а я, насколько помню, учусь в Норте.

Я жду, пока Кайл скажет еще что-нибудь, но он продолжает молчать, а у меня с языка вдруг слетает:

– Прости, но я тебя не помню.

– Знаю, – он наконец поднимает взгляд на меня. Его глаза какого-то грязного сине-карего оттенка, и в них нет ни капельки тепла ко мне. – Все нормально. Фелисити мне все рассказала.

– И что именно она тебе рассказала?

– Что ты потеряла память, потому что упала. У тебя там под повязкой есть швы? – О, разговоры о моих травмах его оживили. Совсем не удивительно.

Я поднимаю руку к бинту на голове.

– Есть парочка.

– А что с тобой еще не так? Ну, типа, считать и все такое ты можешь? – Он скрещивает руки на груди и, прищурившись, изучает меня.

Мне больше нравилось, когда он изучал пол.

– Да, я могу считать, говорить и все остальное. Просто кое-чего не помню. – Например, что мы с тобой встречались. А мы целовались? Он видел меня голой? Эта мысль тревожит. Я натягиваю свое тонкое больничное покрывало повыше.

Кайл не только замечает этот жест, он словно читает мои мысли, как если бы они вспыхивали у меня на лбу.

– Да, мы трахались, если ты это хочешь знать. Тебе нравится делать минет, и ты вечно лезла к моему члену. Я не могу в люди с тобой спокойно выйти, так ты любишь распускать руки. Ведешь себя очень непристойно, знаешь ли. Мне не раз приходилось просить тебя поумерить свой пыл.

Я чувствую, как мое лицо заливается краской. Подумать не могла, насколько это унижительно, когда теряешь память.

– О, прости.

Кайл не обращает внимания на мои слова, он вошел в раж.

– Как-то раз ты разозлилась на меня и закрутила шашни с Истоном Ройалом, чтобы отомстить мне. Но я простил тебя.

Я разозлилась. Закрутила шашни с Истоном. Кайл простил меня. Я пытаюсь переварить услышанное, но это сложно.

– Мы ссорились?

– Не, ты просто шлюха. Может, ты вешалась и на других парней из «Астора», но Фелисити рассказала мне только про Истона... В смысле я знаю только про него.

Часть меня сгорает от стыда от одной мысли о том, что я могла «вешаться на парней», но другая – кипит от злости из-за того, что мой

собственный бойфренд называет меня шлюхой. И еще я очень разочаровалась в себе: оказывается, у меня отвратительный вкус на парней. И он только что сказал, что единственным доказательством моей измены послужили слова Фелисити?

– Откуда ты знаешь, что Фелисити сказала тебе правду? – с вызовом спрашиваю я.

Истина – понятие переменное, верно? То, что рассказывала Фелисити, могло сильно отличаться от того, что произошло на самом деле. Может, она видела с Истоном кого-то другого... Однако на той фотографии определенно была я.

– И зачем бы она стала врать?

То, каким тоном Кайл говорит это, кажется мне странным, но у меня нет ответа даже на вопрос о том, откуда Фелисити вообще знает о моем существовании, что уж говорить о том, с чего ей распускать обо мне злобные сплетни.

– Не знаю. Но в таком случае расскажи мне, что произошло, – не сдаюсь я.

Раз уж мои воспоминания могут никогда ко мне не вернуться, как предположил доктор Джоши, я не собираюсь отгораживаться от внешнего мира до тех пор, пока не вернется память, и мне остается лишь постараться узнать столько информации, сколько возможно.

Ухмылка Кайла превращается в презрительную усмешку.

– Хочешь деталей? Вообще-то, вы миловались не прямо передо мной. Он приревновал меня к своей бывшей, с которой я переспал, и решил отомстить мне через тебя. Привез тебя на пирс и сделал несколько фоток, где вы лижетесь. Не знаю, перепихнулись вы или нет. Но скорее всего, да, потому что ты та еще шлюха, а этот парень повидал больше кисок, чем гинеколог. Ему стоит лишь дыхнуть в вашу сторону, и вы, девчонки, уже готовы спустить трусы. Но ты должна быть счастлива, потому что я простил тебя. Еще бы! Ты так старательно умоляла меня. – Он делает пальцами жест, ясно давая понять, что в знак извинения я сделала ему не один минет, а три.

Фу.

– Почему ты простил меня? – Будь я на его месте, ни за что бы не захотела больше встречаться с такой ужасной девушкой. Не могли же мои минеты быть настолько хорошими.

– Потому что я хороший парень, а хорошие парни не бросают таких жалких созданий типа тебя. – Он показывает на кровать. – Тем более что ты можешь отплатить мне добром за добро, когда пойдешь на поправку.

Его плотоядный взгляд, устремленный на меня, не оставляет сомнений, как именно я должна буду отплатить.

По-моему, я собираюсь проболеть как можно дольше.

– Ну так что, Харт-лэй^[3], когда ты собираешься выписываться отсюда? – Он коверкает мое имя, но трудно сказать, специально ли – быть может, упаси бог, Кайл дал мне такое ласкательное прозвище. Внутри у меня все сжимается.

– Понятия не имею.

– Ладно, – он вряд ли слушает, что я говорю, да и ему плевать. – Позвони, когда тебя выпишут. Мы снова начнем встречаться.

Я бы ответила Кайлу твердым «нет», но решила, что нет нужды ему что-то говорить. Он сам все поймет, когда я вернусь в школу и не позвоню ему. Лучше уж буду монашкой, чем окажусь на коленях перед этим придурком. Да и мой ответ ему, судя по всему, не так уж и нужен – он проходит через гостиную зону и проскальзывает за дверь.

Боже, прежняя Хартли совершенно не разбиралась в людях – ни в тех, кого выбирала в друзья, ни в тех, с кем встречалась.

Глава 6

Истон

Проторчав битый час у сестринского поста, я наконец замечаю свою жертву. Засунув руки в карманы, я степенно подхожу к стойке, пытаюсь ничем не выдать свое отчаяние.

– Док Джоши, можно вас на минутку?

Он пронесится мимо меня, полы белого халата развеваются, открывая под ним синюю униформу.

– Следите за потреблением жидкости в двести пятой палате и докладывайте о любых признаках боли в животе или повышении температуры. – Он передает медсестре карту. – Когда приедет доктор Ковентри?

– В течение часа, сэр, – отвечает круглолицая медсестра, делая какие-то заметки.

Доктор хмурится.

– Так поздно? Мне бы не помешало перекусить сейчас.

– Я могу принести вам бургер, – предлагаю я, пытаюсь завладеть его вниманием, и это срабатывает, потому что он поворачивается ко мне.

– А ты кто такой?

Я открываю рот, чтобы ответить, но медсестра делает это первой:

– Это Истон Ройал, сэр. – И добавляет: – Сын Марии Ройал.

Спасибо, чудесная сестра! Потом я куплю вам цветы.

– Истон Ройал, значит? – Джоши чешет голову ручкой, на конце которой зажигается белый фонарик. – И в чем дело?

– Я бы хотел узнать о состоянии Хартли Райт. Моя сестра сказала, что вы приходили и рассказали все им. Но я был у своего брата, поэтому не могли бы вы повторить еще раз для меня? Хартли моя девушка, и я ни в коем случае не хочу облажаться. – Я улыбаюсь – или, скорее, пытаюсь.

– Твоя девушка, говоришь? – Он вздыхает и убирает ручку в карман. – Все непросто. Когда твоя подружка упала, то очень сильно ударилась головой и получила ушиб фронтальной доли головного мозга. Явных повреждений компьютерная томография не показала, но она не дает полной картины. – Доктор пожимает плечами. – Мы можем лишь констатировать у пациента потерю памяти, большей частью автобиографической, а значит,

она не помнит конкретные эпизоды, например, как ты пригласил ее на школьный бал, ваш первый поцелуй, ну и все в таком духе. Она может даже не вспомнить, что вы встречались. Мы не знаем, насколько серьезна эта потеря памяти, но... – Джоши умолкает, как будто есть еще новости, похуже тех, которые он только что мне сообщил.

Я весь напрягаюсь.

– Но что?

– Но вчера Хартли сказала, что ей четырнадцать, так что, похоже, она потеряла память о событиях трех прошедших лет или около того. Вы встречались как раз в этот период времени?

Оцепенев, я лишь качаю головой. Себ никак не приходит в себя, а Хартли потеряла память. Поверить не могу во все это дерьмо!

– Вот такая невезуха, сынок. Но воспоминания могут вернуться к ней. Еще рано, но я бы порекомендовал тебе немного подождать, прежде чем рассказывать ей о тех славных днях, что вы провели вместе. Ну, а если в ваших отношениях имели место и плохие моменты, то потеря памяти – это даже хорошо. Хотел бы я, чтобы моя первая жена тоже потеряла память. Наш развод мог бы тогда закончиться не так печально. – Док подмигивает мне, толкнув кулаком в плечо. – Еще вопросы?

– Она очнулась?

– Была в сознании, когда я заходил к ней пару часов назад. Можешь лично в этом убедиться. И замолви за меня словечко перед своим отцом, хорошо? – преувеличенно весело говорит доктор и уходит.

Я опускаю голову на грудь и начинаю считать в обратном порядке от тысячи, чтобы не броситься за ним и не разбить ему голову о плитку.

«Избив доктора, ты не ускоришь возвращение памяти Хартли», говорит моя лучшая сторона.

«Нет, но зато мне станет легче», возражаю я сам себе, в отчаянии сжимая пальцами переносицу.

Могильная тишина больницы, нарушаемая лишь приглушенными голосами, механическими сигналами и щелчками аппаратов, сводит меня с ума. Я хочу уйти отсюда, но стоит мне выйти на улицу, как тревога становится такой сильной, что хочется содрать с себя кожу. Ничего не поделать. Мне нужно оставаться здесь, рядом с Себом и Хартли.

Я иду к палате Хартли, легонько стучу и открываю дверь.

– Мам? – доносится ее слабый голос.

– Это всего лишь я, детка, – отвечаю я, огибая диваны и кресла, отделяющие больничную койку от остальной палаты.

Внутри снова все сжимается, стоит мне увидеть ее – такую маленькую

и беззащитную под белыми простынями. Я приседаю на корточки рядом с кроватью и беру ее за руку, стараясь не сдернуть зажим на ее пальце.

– Э-э-э... – Хартли смотрит на наши соединенные руки, затем на мое лицо.

Пустота в ее глазах выбивает почву из-под ног. Она понятия не имеет, кто я. Доктор предупреждал меня, и все же я не был готов, до конца не осознал, что она действительно потеряла память. Этот факт лишь маячил где-то на задворках моих мыслей как что-то малозначительное, не особо важное. Может оттого, что я был слишком самоуверен и думал, что она вспомнит меня несмотря ни на что? Нет, это потому, что я не хотел принять правду. Теперь она обрушилась на меня, и больше нельзя ее игнорировать.

– Это я, Харт. Истон.

Ее глаза округляются, и в них появляется узнавание. Стоп! Она знает меня. Я делаю долгий выдох. Наконец-то снова могу дышать. Почему-то ее присутствие действует на меня успокаивающе.

– Блин, Харт, я так рад, что ты в порядке!

– Ты все время называешь меня Харт. – Она продолжает смотреть на меня. – Это мое прозвище?

Я молчу, потому что до меня вдруг доходит, что никто никогда так не называл ее, и я сам стал называть ее так только после аварии. Мне кажется, благодаря такому обращению мы становимся ближе. Она для меня больше, чем просто Хартли. Она Харт, мое сердце.

Господи! Первый раз в жизни в голову пришли такие сентиментальные бредни. Ни за что и никогда не скажу ей этого вслух.

Так что я лишь пожимаю плечами и отвечаю:

– Это я придумал тебе такое прозвище. Не знаю, называет ли тебя так кто-то еще. – Тут я беру ее руки и подношу к своим губам. Кончики ее пальцев розовые, как у меня. Наверное, ей стало лучше. Правда, несколько ногтей короче остальных. Видимо, сломались во время аварии. Я провожу самым коротким по своей нижней губе. – Эти два дня были для меня настоящим кошмаром, детка. Хотя могло быть куда хуже. Все время себе это повторяю. Все могло быть совсем дерьмово. Ну, как ты себя чувствуешь?

Повисает тишина, и через мгновение она отнимает руку от моих губ. Я смотрю на нее: в широко раскрытых глазах Хартли отражается неподдельная тревога с примесью... страха?

– Хартли? – неуверенно спрашиваю я.

– Истон... Ройал? – она говорит это так, как будто раньше никогда не произносила мое имя вслух.

Черт. *Черт!*

Хартли действительно не помнит меня.

Ее розовая кожа становится такой же белой, как простыни на кровати.

– Меня сейчас стошнит, – хрипит она и начинает давиться.

Я поворачиваюсь в разные стороны в поисках какой-нибудь емкости. Ничего, кроме отставленного подноса с почти нетронутой едой, не попадает. Я ставлю его на колени Хартли как раз вовремя. Она старается, чтобы ее стошнило на поднос, но это оказывается не так-то просто. По ее бледному лицу струятся слезы.

Выругавшись, я нажимаю кнопку вызова.

– Хартли Райт нужна помощь.

Метнувшись в ванную, я выскакиваю с полотенцем и вытираю ей лицо. Хартли начинает плакать еще сильнее.

– Что мне сделать? – с мольбой спрашиваю я. – Хочешь воды? Или может, мне отнести тебя в душ?

– Уходи. Пожалуйста, просто уходи, – всхлипывая, отвечает она.

Дверь в палату распахивается, и влетает круглолицая медсестра. Ее недавно веселое лицо сейчас выражает предельную серьезность. Она одаривает меня испепеляющим взглядом.

– Можете идти, мистер Ройал.

Медсестра вызывает подмогу, и вскоре палата оказывается заполненной людьми, которые отталкивают меня, чтобы помочь Хартли. Я стою на месте, как идиот, с мокрым полотенцем в руке, в то время как остальные стягивают простыни, приносят салфетки для лица. Один из санитаров хватается за плечо.

– Прости, приятель, но мы вынуждены попросить тебя уйти. Пациенту нужны процедуры.

– Но я...

– Нет! – Он даже не дает мне закончить, и я вдруг оказываюсь в коридоре с грязным полотенцем в руках, пялясь на закрытую дверь.

– Ну что, навестил свою подружку? – раздается за моей спиной ехидный голос.

Я разворачиваюсь и сердито смотрю на Фелисити Уортингтон.

– Что ты здесь делаешь?

Она фальшиво улыбается мне.

– Моя бабуля сломала ребро и теперь восстанавливается после операции. Она могла бы умереть из-за своего почтенного возраста и хрупких костей, но спасибо, что спросил.

– Прости, – бурчу я.

Конечно же, и здесь я облажался. От неловкости переступаю с ноги на ногу, ощущая кислый запах рвоты.

– От тебя разит так, словно ты искупался в недельном самогоне и рвоте. Ты что, после аварии ни разу не принял душ?

Я принимаюсь: от меня и в самом деле разит. Не потому ли стошнило Хартли? Я сворачиваю полотенце. Рядом с комнатой ожидания есть душевые. Мне не мешает воспользоваться одной из них. Тогда можно будет вернуться сюда и извиниться перед Хартли.

– И чем вы занимались? – Фелисити идет за мной по пятам.

– Спасибо за твою притворную заботу, но я очень переживаю за Хартли и своего брата.

– Когда он очнется, снова впадет в кому, учуяв исходящую от тебя вонь. – Она машет рукой перед лицом. – Поверить не могу, что всерьез рассматривала тебя в качестве своего бойфренда. Ты любишь сквернословить и от тебя скверно пахнет. Бе-е-е.

– Ты перепутала меня с кем-то, кому действительно есть до тебя дело.

Фелисити морщит нос и отступает назад.

– Я бы посоветовала тебе пойти принять душ, прежде чем снова отправляться к Хартли, но это уже вряд ли поможет. Она все равно не узнает тебя. – Презрительно усмехнувшись, Фелисити поворачивается, чтобы уйти.

Как она узнала, что произошло в палате Хартли? Я хватаю ее за руку и разворачиваю к себе.

– И что, черт побери, это значит?

– Фу, не трогай меня! – Она смахивает мою руку.

– Повтори, что ты только что сказала, – требую я.

– Ты не расслышал? – приторно-сладким голосом спрашивает Фелисити. – У твоей девчонки амнезия. Хартли ничегошеньки не помнит, в том числе и то, почему вся твоя семья предпочла бы, чтобы она исчезла с лица земли. Но не волнуйся, милый, я разъяснила ей ситуацию.

– Ты разъяснила ей ситуацию? – в негодовании спрашиваю я.

Если Фелисити переступила порог палаты Хартли и навешала ей лапшу на уши, то я буду душить ее, пока она не задохнется.

– Ты что, еще пьяный? Боже мой, готова поклясться, что так. Вот умора! Наверное, ты до смерти напугал ее. Вонючий здоровый амбал, который признается в своей вечной любви. – Я из последних сил сдерживаюсь, а Фелисити заливается неподдельным дьявольским смехом. – Кто бы мог подумать, что Санта решит сделать мне подарок еще до Рождества!

Фелисити убегает по коридору, и ее длинные волосы развеваются за спиной, словно флаг.

От такой чертовской несправедливости во мне кипит злость. Я не пил ни капли спиртного с вечера аварии. Едва удержавшись от порыва броситься вслед за Фелисити и снести ее с ног, я слышу, как за мной открываются и закрываются двери. Обернувшись, вижу сердито шагающую по коридору медсестру. Бегу за ней.

– Сейчас никаких посетителей, – предугадывая мой вопрос, говорит она.

– Ладно, но скажите, что с ней произошло?

– У нее потеря кратковременной памяти, и то, о чем вы с ней говорили, вызвало нарушение вестибулярного аппарата, отчего ее и вырвало. Док Джоши сказал вам, чтобы вы не мешали ей вспоминать все самостоятельно.

– Но я ничего такого не говорил... – и тут же умолкаю, потому что держал ее за руку, целовал ее пальцы, сказал, что чертовски волновался за нее.

Этого промедления хватает, чтобы медсестра снова набросилась на меня.

– Что бы вы там ей ни сказали, из-за этого ее вырвало, так что в следующий раз будьте поосторожнее, или мы больше не позволим вам навещать ее.

– Хорошо, – говорю я сквозь сжатые зубы и позволяю ей уйти.

Мне хочется закричать, но медсестра и без того уже недолгобливает меня, так что не буду давать еще один повод не пустить меня к Харт в палату. Я пытаюсь собраться с мыслями и сосредоточиться. Сначала самое важное: Харт больна, мне нужно быть сильным ради нее; Себ в коме, ему нужно, чтобы я не падал духом. Я приказываю себе думать только о хорошем. Все живы. Пусть с травмами, но живы. И скоро все наладится.

Я возвращаюсь в гостиную для VIP-персон и удаляюсь в заднее помещение, где находятся душевые. Насухо обтерев себя полотенцем, надеваю ту же одежду, в которой был, и иду в палату Себа. Изо всех сил стараюсь не шуметь, открываю задвижку двери и вхожу.

Сойер сидит ссутулившись в изножье кровати. Он находится в палате с тех самых пор, как Себа привезли из операционной. По-моему, он ничего не ел и не спал. Такими темпами Сойер присоединится к своему брату. Зная близнецов, я не стал бы удивляться, что он именно к этому и стремится. Эти двое неразделимы – даже встречаются с одной девушкой.

Я пересекаю комнату и кладу ладонь брату на плечо.

Сойер вздрагивает.

– Он очнулся?

– Нет, но я присмотрю за ним. Иди поспи нормально.

Сойер стряхивает с себя мою руку и бросает на меня свирепый взгляд.

– Отвали! Мы не хотим, чтобы ты был здесь. Это все из-за твоей подружки. – Он показывает большим пальцем на больничную койку.

– Себ поворачивал на скорости семьдесят, – огрызаюсь я.

– Да пошел ты! – выплевывает брат. – Иди ты на хрен вместе со своей девчонкой. Если бы не она, он бы тут не лежал. Мы ездили по той дороге миллион раз, и никаких аварий.

– Да вы чуть не переехали меня у того дома, – не подумав, вступаю я в спор.

– Ты хочешь сказать, что это вина Себа? – Сойер вдруг вскакивает на ноги и встает прямо передо мной. – Хочешь сказать, что он сам вогнал себя в кому? Это все та сука! Та сука! – повторяет он, покраснев от ярости. – Надеюсь, что она сдохнет!

Резко развернувшись, я выхожу из палаты. Лучше это, чем вырубить раздавленного горем брата.

Оказавшись в коридоре, я сползаю вниз по стене. Черт, ну и дела! Хартли не притворялась. Она действительно меня не помнит, а когда узнала мое имя, ее стошнило. Брат в коме, а его близнец молится о смерти моей девушки.

Мне ничего от тебя не нужно. С нашей первой встречи у меня от тебя лишь одни проблемы. Ты можешь только разрушать.

Слова Харт, те самые, которые она сказала мне прямо перед аварией, преследуют меня. Это моя вина. Напившись до потери пульса, я был уверен, что смогу решить все проблемы, но вместо этого сделал только хуже. Боже мой! Если кто-то и заслужил оказаться на больничной койке, так это я.

Глава 7

Хартли

– Скажите, а есть в медицине такой термин, когда забываешь то, что происходит прямо сейчас? – спрашиваю я у медсестры Сьюзен, когда она помогает мне лечь обратно в кровать на свежие простыни.

Ее щеки становятся еще пухлее, когда она улыбается.

– Это называется антероградной амнезией.

– Я могла сама ее вызвать? Ну, вроде как хотела засунуть себе палец в горло, чтобы меня вырвало, а вместо этого заехала себе в глаз? – От стыда мне хочется забраться под кровать и спрятаться там. Я только что заблевала колени самому красивому парню во вселенной. – Нет, лучше скажите, нет ли у вас специального аппарата, при помощи которого я могла бы вызывать амнезию у остальных?

– Ничего страшного, мисс Райт. Вас всего лишь стошнило. Такое с любым может произойти. Обычное явление. Дурнота, головокружение, потеря равновесия – все это вы можете испытывать из-за удара головой.

– Прямо корзина с ужасами. – Я прикладываю руку к голове, чтобы загородиться от света.

– Вы быстро идете на поправку, – уверяет сестра, прикрепляя ко мне трубки и аппараты. – Сказать по правде, так быстро, что доктор Джоши уверен, уже завтра вам можно будет отправиться домой. Разве это не здорово?

Похлопав меня по руке, медсестра шаркающей походкой выходит из палаты.

Не знаю, насколько это здорово. Когда родители пришли навестить меня, в палате воцарилась атмосфера осуждения, как будто они злились на меня за мои травмы. Хотелось бы мне, чтобы кто-нибудь в деталях рассказал, как именно произошла авария или хотя бы свою версию событий. Интересно, как там второй пострадавший? Что значит «находится в критическом состоянии»? Нужно было спросить у сестры Сьюзен. Может, Фелисити или Кайл знают. Почему я не попыталась выудить у них полезную информацию вместо того, чтобы выслушивать о том, с кем я спала или не спала. Хотя, увидев Истона Ройала, я решила, что они оба просто морочили мне голову.

Ни за что не поверю, что Истон Ройал проявил ко мне интерес. Я неприметная. У меня обычные черные волосы и такие же обычные серые глаза. Заурядное лицо с маленьким носом, невыразительной переносицей. Иногда у меня может вылезти прыщик. Я среднего роста и моя грудь среднестатистического второго номера.

У Истона Ройала такая темная и густая шевелюра, что ему самое место в рекламе краски для волос. А его глаза такие голубые, что, клянусь, я слышала шум прибоя, когда он моргал. Видимо, у него тоже потеря памяти, раз он вошел в мою палату и прижал мою руку к своим созданным для поцелуев губам.

Я подношу пальцы к своим губам. В нос тут же ударяет запах больничного мыла, и я с отвращением опускаю их.

Кайл был прав в одном: Истон Ройал мне определенно нравится. Что неутешительно, потому что, во-первых, может оказаться, что он был прав и в остальном, а во-вторых, я не могла бы сделать ничего более глупого в своей жизни, чем влюбиться в парня статуса Истона Ройала.

И где вообще мы с ним могли познакомиться? Или с Фелисити, раз уж на то пошло? Кайл же, в отличие от них, похож на ученика Норта. Могу предположить, что мы с Кайлом каким-то образом пробрались на вечеринку «Астор-Парка», а там поссорились. Истон был настроен благожелательно и позволил мне наброситься на него?

Нет, такой сценарий кажется совсем неправдоподобным, но никакое другое более реалистичное объяснение в голову не приходит.

Из меня вырывается тихий крик безнадёжного отчаяния. Ненавижу, что приходится теряться в догадках. Это ужасно. Зато остальные все обо мне знают. Так нечестно. Мне нужны фотографии. Хотя... Фото, которое показала мне Фелисити, лишь еще больше сбilo меня с толку. Там *были* я и Истон. Мы *целовались*. Зачем? Как? Когда? На все эти вопросы у меня нет ответов. Надо узнать все самой, а значит, я должна вернуть себе свой телефон, компьютер и сумочку – не обязательно в таком порядке.

Попрошу маму, когда она снова придет навестить меня.

* * *

– Как поживает моя любимая пациентка? – напевает док Джоши, входя в палату на следующее утро. На угловатом лице красуется неизменная улыбка.

– Хорошо. – Мне не без труда удастся сесть. – Вы уже видели моих

родителей?

Мама вчера так и не пришла. Я плохо спала, потому что волновалась, как бы не пропустить ее визит.

– Разве они не заходили вчера вечером? – несколько удивленно спрашивает док Джоши.

– Я... Наверное, я проспала их посещение.

– Скорее всего.

Но на самом деле я так не думаю. Должно быть, они злятся на меня, хотя я не понимаю почему. Из-за аварии или причина в чем-то другом? Пустота в груди разрастается, порождая другую боль, не физическую. И что хуже всего, меня начинает пожирать чувство вины. Мне очень нужно знать, как там второй пострадавший. Может, мне поможет доктор Джоши... Спрошу у него.

– Док, – окликаю я.

– Хм? – Он занят моей карточкой.

– Как дела у второго пострадавшего, который был в критическом состоянии?

– М-м-м, не могу ничего сказать, Хартли. Правила о конфиденциальности и все такое. – Он вытаскивает фонарик и направляет его на один из моих зрачков. – Как сегодня с памятью?

– Отлично.

– И конечно, ты не врешь.

– Нет.

Он снова что-то мычит, проверяя второй зрачок. По-моему, доктор мне верит.

– Так состояние второго пациента по-прежнему остается критическим?

– Нет. Сейчас оно у него стабильное.

У него. Точно. Мне уже говорили.

– У него переломы? Потеря памяти? Какие у него повреждения?

Док Джоши выпрямляется и грозит мне фонариком.

– Нет, у него все кости целы, но больше ты от меня ничего не услышишь. – Он убирает фонарик и делает пометки в моей карточке.

Я выгибаю шею, чтобы прочитать, что он пишет, но там одни сплошные каракули. Тогда задаю ему другой вопрос:

– Он когда-нибудь поправится?

– Не вижу причин, препятствующих его выздоровлению. Но сейчас тебе лучше думать о собственном. Справишься?

Я откидываюсь на подушки – уверенность дока Джоши успокаивает

меня.

– Да.

– Как ты себя чувствуешь сегодня?

– Хорошо.

Он тычет пальцем мне в грудь. Я морщусь.

– Ладно, немного болит.

– Доктор Джоши.

При звуке маминого голоса мое сердце наполняется радостью.

– Мама! – кричу я, обрадованная ее приходом.

«Конечно, она пришла, – уверяет меня тихий голос. – Как же иначе?»

Действительно. Вчера она, наверное, тоже приходила, только как раз в тот момент, когда я закрыла глаза. Заглянула в палату, подумала, что я сплю, и не захотела тревожить меня...

– Хартли, – резким тоном говорит она.

Док оборачивается и приветствует ее.

– Миссис Райт, доброе утро!

Улыбка на моем лице тут же гаснет, стоит маме сделать шаг вперед. Она даже не смотрит в мою сторону, только на доктора. Что происходит? Почему она не подходит, чтобы обнять меня, поцеловать в щеку, потрепать по руке?

– Доброе утро. Я побеседовала с медсестрами, и они сказали, что Хартли могут выписать прямо сегодня. Я бы хотела, чтобы она вернулась в школу уже завтра. На носу выпускные экзамены.

Я изумленно таращусь на нее. У меня болит голова, состояние такое, будто меня переехал цементовоз – дважды, и я по-прежнему не помню ничего за последние три года. Разве мне не положено отдохнуть еще пару дней, прежде чем снова взяться за учебу?

Док хмурится.

– Да, я подумывал о том, чтобы выписать ее, но сейчас, после утреннего осмотра, считаю, что ей лучше остаться в больнице еще на сутки. Посмотрим, какие результаты будут завтра.

– А я считаю, что ее лучше выписать сегодня. – На удивление, мамин голос звучит твердо. – Медсестра сказала, что последние двадцать четыре часа ее жизненные показатели находятся в норме. Ей больше не нужна капельница, раз можно обойтись обезболивающими таблетками. Нет никаких причин оставлять ее еще на день.

Мама делает шаг назад, протягивает руку в дверь и втаскивает в палату отца.

При виде него мое сердце подпрыгивает. Сначала мне кажется, что это

от радости, но... нет, не совсем. Скорее от беспокойства.

Но почему я так боюсь видеть собственного отца?

Он держит телефон возле уха, но чуть опускает его, чтобы обратиться к нам.

– Какие-то проблемы?

– Джон, они хотят оставить Хартли еще на день. – Мама чересчур взволнована этим. Не понимаю, что такого, если я останусь в больнице на одну ночь?

– И что с того? Пусть оставляют. – Отец снова подносит телефон к уху и отворачивается.

– Хорошо. – Док делает запись в карточке.

Я вижу, как за спиной врача мама подходит к папе и тянет его за руку. Он бросает на нее сердитый взгляд, но она не сдается. Между ними происходит тихий разговор, который мне не разобрать, зато я вижу, как мама потирает пальцы. Папа переводит взгляд с нее на спину доктора.

Сбросив звонок, он решительно подходит к Джоши.

– Это все по-прежнему за счет Каллума Ройала, верно?

За счет Каллума Ройала? Я делаю большие глаза. Зачем мистеру Ройалу оплачивать мое лечение?

Док поднимает брови.

– Понятия не имею. Лучше вам узнать об этом в бухгалтерии.

– Почему вы не знаете? – требовательно спрашивает папа. – В конце концов, так вы зарабатываете деньги!

Я не умерла в аварии, но сейчас вполне могу сделать это от стыда. Док чувствует мою неловкость. Он подмигивает мне и пытается разрядить обстановку.

– Я отвечаю за то, чтобы ваша девочка поправилась. Еще одной ночи будет вполне достаточно. – Доктор хватает мой большой палец на ноге и шевелит им в стороны. – Тебе ведь нравится в главной больнице Бэйвью? Каждый день новые простыни, и все внимание направлено только на тебя.

Я буду беспрельдно счастлива, если больше не увижу ни одной медсестры до конца своих дней.

– Еда здесь тоже хорошая, – с иронией добавляю я.

– Рады стараться. – Доктор вешает карточку на мою кровать.

Кивнув родителям, он выходит из палаты. Едва дождавшись, когда за ним захлопнется дверь, мама бросается к моей кровати и отдергивает простыни.

– Пойдем!

– Куда пойдем? – недоуменно спрашиваю я.

– Мы уходим. Ты не проведешь здесь больше ни дня. Знаешь, сколько стоит эта палата? – Она снимает с моего пальца датчик и отбрасывает его в сторону. – Как маленькая машина. Вот во сколько обходится в Бэйвью ночь в частной палате.

Мама опускает мои ноги на пол и протягивает мне небольшую сумку, которую я даже не заметила.

– Джон, поговори с медсестрой и узнай, что нужно сделать, чтобы ее выписали. В любом случае мы забираем ее.

– Я позвоню в бухгалтерию, – ворчит папа.

– Какой смысл? Сегодня утром мне позвонили и сказали, что Ройалы отказываются оплачивать дальнейшее лечение Хартли, потому что они уверены, что в аварии виновата она. – Мама поворачивается ко мне, охваченная злостью. – Поверить не могу, что ты чуть не угробила Ройала! Ты хоть представляешь, во что это вылилось нашей семье? Мы уничтожены. Уничтожены! Что ты стоишь? Одевайся! – рывкает она, яростно сверкая глазами.

Но я не могу двинуться с места, оцепенев от услышанного. Мистер Критический пациент – один из мальчишек Ройалов? Брат Истона? Нет. Этого не может быть. Тогда зачем Истон приходил ко мне и держал меня за руку, словно я не имею никакого отношения к травмам его брата?

– Шевелись давай! – взвизгивает мама.

Я подскакиваю с кровати, и меня чуть не сбивает с ног прилив тошноты от накатившей боли. Мама хватается за руку и толкает в сторону ванной. Ухватившись за раковину, я наклоняюсь над унитазом и извергаю пять ложек овсяной каши, которые мне удалось впихнуть в себя за завтраком.

Не замечая моего состояния, мама продолжает бушевать.

– Когда завтра вернешься в школу, постарайся быть со всеми милой. Никаких скандалов! Никаких конфликтов! Иначе ты погубишь нашу семью! Твой отец может потерять работу! Мы можем лишиться нашего дома! От Паркер может уйти муж! А вас с сестрой отправят к бабуле, а не в престижную закрытую школу на севере.

К бабуле? Этой старой карге? Она бьет людей ложкой. Я поворачиваю кран и сую под него бумажное полотенце. Вытирая лицо, решаю, что мама все слишком драматизирует. Она любит делать из мухи слона. Если кто-то прольет пунш даже на плиточный пол, она станет кричать, что ей никогда не вывести это пятно и пол навсегда испорчен. Или если индейку на День благодарения слегка передержат в духовке, мама сочтет, что есть ее уже нельзя. Еще она всегда угрожала, что отошлет нас куда-нибудь подальше,

чтобы мы ходили по струнке, но ни разу не выполнила своих угроз – и тут я
замираю, вдруг осознав, что она недавно сказала.

А не в престижную закрытую школу на севере.

Глава 8

Хартли

На следующий день мама все-таки оставляет меня дома, не сдерживая обещания. Док Джоши выписал меня с одним условием: эту неделю я проведу дома. Не ожидала, что родители последуют его указаниям, но они меня удивили.

Не сказать, чтобы прошедшие шесть дней были веселыми. Травмы хорошо заживают. Я больше не испытываю затруднений при дыхании и могу ходить. Но создается впечатление, что чем лучше я себя чувствую, тем напряженнее становится атмосфера в доме. Мама постоянно критикует меня. Младшая сестра – Дилан – едва ли перекинулась со мной парой слов. Старшая – Паркер – даже не приехала меня навестить. Я провела в больнице неделю, а она даже не удосужилась провести меня?

Завтра мне предстоит вернуться в школу, и я даже думать не хочу, как меня там встретят, раз уж даже собственная семья не особо-то жалуется.

Вечер воскресенья я провожу, шатаясь по дому, который кажется таким знакомым и таким чужим одновременно. В моей комнате пахнет, как в запертом подвале, словно она простояла закрытой все три года, что я училась в школе-пансионе. Покрывало на кровати кажется незнакомым, как и белый ламинированный стол в углу и небольшая коллекция школьной формы в шкафу, состоящая из рубашек и свитеров.

Белые стены сияют чистотой. Фиолетово-голубое покрывало на кровати и шторы в тон со складками от картонки, в которую они были упакованы, – единственные яркие пятна во всей комнате.

Я перебираю вешалки: одежды у меня не так уж и много. В центре висят два дорогих темных шерстяных блейзера, украшенные красно-белозолотистой вышивкой на нагрудных карманах. В накладном кармане одного из них я нахожу скомканную бумажную салфетку. Слева от блейзеров – ряд белых рубашек: три с длинными рукавами и две с короткими. Рядом с ними висят худи на молнии и темно-синий свитер. На полу стоят пара белоснежных теннисных туфель, судя по виду – да и по запаху – совершенно новых, и поношенные черные лоферы.

Еще у меня есть три пары джинсов, две пары леггинсов и две дурацкие плиссированные юбки в темную сине-зеленую клетку. Последние, видимо,

часть моей школьной формы. Мама сообщила мне, что я учусь в частной академии «Астор-Парк», самой привилегированной (и самой дорогой) частной школе в штате. Так решилась загадка, каким образом я познакомилась с Фелисити и Истоном, и, вероятно, с Кайлом, хотя мне до сих пор не все понятно.

Мама не стала объяснять, почему я учусь в «Астор-Парке» или почему три года провела в школе-пансионе в Нью-Йорке. А еще не предупредила меня, что на протяжении тех лет, пока я отсутствовала, моя спальня служила кладовкой, а все мои личные вещи отдали в секонд-хенд. Когда я спросила ее, где мои сумка и телефон, она сказала, что они уничтожены в аварии. Эти новости так огорошили меня, что пропало всякое желание задавать еще какие-либо вопросы. Я надеялась, что смогу сложить кусочки моего прошлого благодаря телефону – в нем фотографии, переписка, странички в социальных сетях, но из-за аварии это стало невозможным.

Оставшаяся часть шкафа пустует. В маленьком комодике напротив кровати я нахожу нижнее белье, простые бюстгалтеры и парочку милых толстовок. Должно быть, у меня поменялся вкус, стал более скромным. Но все равно трудно поверить, что это вся моя одежда. Смутно припоминаю, что когда-то этот стенной шкаф ломился от шмоток, которые я покупала в *Forever 21* и *Charlotte Russe*. Они были дешевыми, но прикольными и яркими.

Видимо, когда я училась в школе-пансионе, мои вкусы изменились, став такими же пресными, как диетические хлебцы. Не уверена, что это прогресс. Я копаюсь в столе, пытаюсь отыскать ключи к своему прошлому, но там ничего нет: ни старых открыток, ни фотографий, ни даже исписанных карандашей. Все вещи в ящиках новые. Даже в тетрадях нет ни единой записи, как будто завтра первый школьный день, а не третий месяц семестра.

В верхнюю тетрадь вложены расписание и карта школы. Я вытаскиваю их. Математика, история феминизма, музыка. Оглядев комнату, я нигде не нахожу свою скрипку. Она осталась в школе?

Выскочив за дверь, я зову маму.

– Что стряслось? – спрашивает она, появившись у подножья лестницы с кухонным полотенцем в руках.

– Где моя скрипка?

– Твоя что?

– Моя скрипка. Я ведь все еще играю, да? У меня в расписании стоит музыка. – Я показываю ей его.

– Ах, вот в чем дело. – Она презрительно фыркает. – Ты уже почти не

играешь, но тебе нужны были курсы по выбору, и мы записали тебя на музыку. Ты пользуешься школьной скрипкой.

Мама уходит. Ответ получен, но он не кажется мне исчерпывающим. Я снова потираю запястье, собираясь вернуться в свою комнату, но вдруг замечаю фотографии, развешенные на стене коридора. Что-то в них не так. Я медленно подхожу и внимательно разглядываю каждую. Вот снимки моей старшей сестры Паркер, с рождения до свадьбы. Фотографии Дилан, моей младшей сестры, заканчиваются ее девятым днем рождения, значит, сейчас она в восьмом классе.

В конце коридора висит семейный фотопортрет, и снят он, похоже, относительно недавно, потому что я на нем отсутствую. Видимо, это был ужин в отеле или типа того, судя по высоким потолкам, огромным картинам в позолоченных рамах и обитым бархатом стульям. Все нарядно одеты: папа в черном костюме, мама в красном платье со стразами, на Паркер простое черное платье и жемчужное ожерелье, а на Дилан свитер и фиолетовая юбка. У всех на лицах улыбки – даже у Дилан, которая язвительно выдавила из себя «А, это ты», когда я вернулась домой, и тут же исчезла в своей комнате, не желая больше со мной пересекаться.

И именно этот семейный портрет дает ответ на вопрос, что же не так с фотографиями на стенах: меня нет ни на одной из них.

Моя семья в буквальном смысле вычеркнула меня из своей жизни.

Чем я провинилась три года назад: подожгла дом, убила нашего питомца, любимца всей семьи? Я роюсь в памяти, но там пусто. Даже не могу вспомнить, как меня выслали. Самое четкое сохранившееся воспоминание – свадьба Паркер четыре года назад. Помню, как рассердилась, что мне не налили шампанского во время тоста, но потом все-таки раздобыла себе немного в компании с миниатюрной темноволосой девочкой, вроде бы моей кузиной Дженнет. И нам обоим стало плохо после первого же фужера. Наверное, стоит ей позвонить. Может, она сможет помочь мне заполнить пробелы, раз никто в этом доме не горит желанием.

Я тащусь на первый этаж, чтобы найти маму. Она моет посуду. Синий джинсовый фартук повязан вокруг талии, губы недовольно поджаты.

– Что опять? – с раздражением спрашивает она.

– Можно мне взять твой телефон?

– Зачем? – Раздражение переросло в подозрение.

Я прячу руки за спиной и изо всех сил стараюсь не выглядеть виноватой – ну что такого в том, чтобы поболтать с собственной кузиной?

– Я думала позвонить Дженнет.

– Нет, она занята, – безразличным тоном отвечает мама.

– Но сейчас девять часов вечера, – возражаю я.

– Уже поздно, чтобы кому-то звонить.

– Мам...

Трель дверного звонка раздается прежде, чем я успеваю закончить фразу. Мама бормочет что-то вроде «слава богу», ставит кастрюлю, которую только что драила, на сушилку и торопливо идет к входной двери.

Я смотрю на ее сумку: из нее торчит телефон и так и манит меня. Интересно, она заметит, если я позаимствую его хотя бы минут на десять? Осторожно крадусь вдоль кухонной столешницы. Что сделает мама, если поймает меня? Мой собственный телефон она уже забрать не сможет, думаю я, ощущая легкий прилив паники.

– Это твой парень, пришел повидать тебя, – объявляет мама и, схватив меня за локоть, добавляет шепотом: – Мальчик учится в «Асторе».

Я собираюсь спросить, откуда она это знает, когда вижу его: Кайл Хадсон стоит рядом с дверью и с любопытством оглядывает мой дом, как будто ни разу здесь не бывал. На нем джинсы в обтяжку, слишком тесные для его коренастой фигуры, и темно-синяя школьная спортивная куртка с точно такой же вышитой эмблемой слева на груди, как на кармане моего блейзера.

– Я заехал узнать, как у тебя дела, – говорит он, почти не глядя на меня.

– Все хорошо.

Это первый раз за всю неделю, когда он поинтересовался моим самочувствием.

Кайл шаркает ногой по плитке.

Мама щипает меня за бок.

– Хартли хочет сказать, что очень рада твоему визиту. Просто она потрясена, насколько заботливый у нее бойфренд. Присаживайся, – она указывает на диван в гостиной. – Принести тебе чего-нибудь?

Кайл качает головой.

– Я хотел взять Харт-лэй в «Френч-твист». Там собираются наши из «Астора».

Я сжимаю зубы. Мне совсем не нравится, как он произносит мое имя.

– Конечно, – весело щебечет моя мать. – Пойду принесу кошелек.

Но она остается на месте, ожидая, что Кайл остановит ее. А он лишь поднимает брови в предвкушении.

– Знаете, я устала. – Я освобождаюсь от маминой хватки. – Мне не хочется тусоваться.

– Мы не собираемся в клуб, Харт-лэй. Это всего лишь пекарня.

Да, он правда сама забота.

– Она поедет. Может, переоденешься? – предлагает мама и уходит, чтобы принести деньги.

Я опускаю глаза на свои темные потертые джинсы и темно-синюю толстовку с белыми полосками на рукавах.

– А что не так с моей одеждой?

– Все, – отвечает Кайл.

Я поднимаю подбородок.

– Я не буду переодеваться.

– Ну и ладно. Твои проблемы. Только не жалуйся мне, когда тебя поднимут на смех.

– Поднимут на смех? Мы что, в средней школе? Кому какое дело, во что я одета? – Я раздраженно качаю головой, а потом, не испытывая желания оказаться с ним в одной машине, добавляю: – И вообще, я могу сама доехать.

– Тебе нельзя. У тебя нет водительского удостоверения, – вернувшись с кошельком, говорит мама и напоминает мне: – Оно пропало вместе с твоей сумкой.

Об этой проблеме я не подумала.

– Но мам...

– Не хнычь! Вот двадцать долларов. – Она сует банкноту мне под нос. – Этого должно хватить.

Кайл морщится.

– Да, вполне, – заявляю я и убираю двадцатку в карман.

– Отлично. Желаю вам хорошо повеселиться. – Мама чуть ли не выпихивает меня за порог.

Как только дверь за моей спиной захлопывается, я поворачиваюсь к Кайлу.

– Я не верю, что мы вообще встречались. Ты обращаешься со мной, как с какой-то дешевкой, а я не испытываю к тебе совершенно никаких чувств. Если мы еще до этого не расстались, давай сделаем это прямо сейчас.

– У тебя амнезия. Что ты можешь знать? Поехали. – Он показывает пальцем в сторону внедорожника, криво припаркованного на нашей подъездной дорожке. – Фелисити ждет.

– Я не хочу никуда ехать! Сколько раз мне еще тебе повторить?

Он смотрит на меня, потом на небо, потом опять на меня. На его лице застыло раздражение – это видно по сжатым в одну линию губам, глубоким морщинам на лбу и потемневшим глазам.

– Я вообще-то пытаюсь помочь тебе. Ты ведь ни фиги не помнишь, верно?

Я киваю, потому что отрицать это не имеет никакого смысла.

– А завтра ты возвращаешься в школу, верно?

Ощущение такое, словно я оказалась на скамье подсудимых и мой папа ведет перекрестный допрос, но снова киваю.

– Тогда ты наверняка хочешь получить хотя бы некоторые ответы сегодня, чтобы завтра и до конца учебы в «Асторе» не слоняться по коридорам, как дурочке?

Я оборачиваюсь и вижу, как с порога мне машет мама, и снова перевожу взгляд на Кайла. Его приманка срабатывает, я не могу отказаться. Не знаю, что ждет меня в пекарне, но он прав: встретиться с одноклассниками в неформальной обстановке во много раз лучше, чем идти завтра в школу с завязанными глазами.

– Хочу получить ответы сегодня, – наконец тихо отвечаю я.

– Тогда поехали.

Он идет к внедорожнику, не дожидаясь меня. Я бегом догоняю его, хватаюсь за ручку дверцы и взбираюсь на пассажирское сиденье.

– И мы расстаемся, – пристегиваясь ремнем безопасности, говорю я.

– Да плевать! – Кайл нажимает на кнопку запуска двигателя. Из динамиков грохочет кантри.

Протянув руку, я убавляю громкость. Кайл бросает на меня убийственный взгляд, но я не убираю пальцы с переключателя. В этой битве победа будет за мной.

– Как долго мы встречались? – спрашиваю я.

– Что?

– Как долго мы встречались? – повторяю еще раз.

Если уж сегодня будет вечер ответов на мои вопросы, пора получать их уже сейчас.

– Не знаю.

Фелисити что-то говорила о том, что наш роман начался почти сразу же, как я перевелась в их школу. Если предположить, что учеба началась в конце августа, а сейчас близится День благодарения, то мы встречаемся не дольше трех месяцев.

– Я спрашиваю не про конкретную дату, а общий срок.

Он неловко ерзает.

– Наверное, несколько недель.

– Недель?

– Ну да, недель.

У него проблемы либо с памятью, либо с математикой. А может, и с тем, и с другим.

– Мы занимались сексом? – Меня тошнит от одной только мысли об этом, но я должна знать наверняка.

– Ага. – Он усмехается. – Я только поэтому и согласился с тобой встречаться. Знаешь, тебе даже пришлось умолять меня. Ходила за мной по коридорам, садилась рядом за ланчем. Даже оставила свои трусики в моем шкафчике. – Впервые за все время Кайл оживился. – Так что я решил позволить тебе поскакать на моей лошадке.

– Чудесно, – слабым голосом говорю я. Вряд ли можно опуститься еще ниже, и это касается нас обоих. Похоже, мы идеальная пара.

– Еще вопросы? Хочешь знать, когда и где мы занимались сексом?

– Нет, спасибо.

Диетическая кола, которую я выпила после ужина, начинает бурлить в желудке. Иногда амнезия – это даже хорошо, решаю я. Плохо здесь одно – воспоминания, которые мне предстоит вернуть. Я открываю окно и подставляю лицо ветру.

– Тебя сейчас стошнит? – с паникой в голосе спрашивает Кайл.

– Надеюсь, что нет, – невнятно отвечаю я.

Он вдавливая педаль газа в пол. *Ох, милый! Я хочу избавиться от тебя не меньше, чем ты от меня.*

Глава 9

Истон

Замок на двери квартиры Хартли оказывается таким хлипким, что мне даже не приходится доставать ключ, который я только что взял у домовладельца на первом этаже. Несколько движений рукой, и дверешка распаивается.

В квартире пусто, как и говорил хозяин, но я все равно удивлен, а еще больше морально опустошен. Мне хотелось, чтобы здесь все говорило о Хартли, чтобы здесь были ее вещи, запах, она сама. Но вместо этого в квартире пустота. Десятилетней давности диван с разрезами на подлокотниках исчез. Открытые дверцы кухонных шкафчиков демонстрируют пустые полки. Пропал даже тот дерьмовый стол, который мог рухнуть в любой момент, даже если на него поставить бумажную тарелку. Она пропала. По крайней мере, такое у меня ощущение спустя неделю. Родители забрали Хартли из больницы, и с тех пор я больше не видел ее и ничего о ней не слышал.

Все эти дни были мучительной пыткой. Я писал ей. Пытался звонить. Даже проезжал мимо ее дома, словно какой-то извращенец, в надежде, что увижу ее в одном из окон. Но мне не повезло. Видимо, родители скрывают ее от всех.

Мне лишь остается надеяться, что с ней все в порядке. Одна из медсестер призналась – после лстивых уговоров – что Хартли выписали слишком рано, и с тех пор меня не покидает тревога за нее.

Черт, почему она не перезванивает?

Необходимость почувствовать себя рядом с ней, хоть как-то ощутить близость и привела меня сегодня вечером в ее старую квартирку.

Я бросаю рюкзак на кухонную столешницу и заглядываю в холодильник, где обнаруживаю три банки диетической колы. Открыв одну, мрачно оглядываю маленькое пространство. Я-то надеялся, что если привезу ее сюда, то помогу вернуть воспоминания, но родители Хартли убрали здесь все подчистую.

Теперь вообще не похоже, что в этой квартире кто-то когда-то жил. Даже грязный выцветший ковер пропал, обнажив дешевый терракотовый линолеум. Чувство беспомощности сдавливает горло так, что становится

трудно дышать. Комната начинает кружиться, и бутылка в рюкзаке зовет меня.

Я сжимаю и разжимаю челюсти. Сердце глухо стучит в груди. Во рту сухо, как в пустыне. В ушах звенит. Выпивка и таблетки всегда были моим лучшим решением всех проблем. Мама покончила с собой – проглочу колесико. Поссорился с семьей – прикончу бутылку «Джека». Повздорил с девушкой – оба средства хороши, чтобы забыться до утра.

Алюминиевая банка в руке с хрустом сжимается.

Ты можешь только разрушать.

Я медленно опускаю банку в раковину и вытаскиваю телефон. Открываю заметки, чтобы посмотреть список мест, где мы были:

Пляж

Пирс

Квартира

Школа

Репетиционный класс

Мой дом (домашний кинотеатр)

Как это ни странно для парня, чьей основной целью в жизни было затащить в постель любую согласную девчонку, я никогда не приводил Хартли в свою спальню. Не знаю даже, дать ли себе за терпение золотую звездочку или кусать локти, что мы так и не сблизились. Мне бы хотелось, чтобы все эти места врезались ей в память и чтобы она увидела, как мы подходим друг другу.

Ты можешь только разрушать.

Я не могу заставить ее память вернуться. Но мне нужно заставить ее вспомнить, какими были наши отношения до того, как вмешалась Фелисити, до того, как угрозы отца напугали ее, до того, как я, пьяная задница, все испортил.

Мы были друзьями. Черт, да она была моим единственным другом женского пола, за исключением Эллы. Нам нравилось проводить время вместе. Я смешил ее. А она... Она пробуждала во мне желание стать лучше, чем я есть.

Я не могу потерять ее. И не потеряю.

Хартли снова живет дома. Со своими сестрами, мамой. И со своим отцом, этим сукиным сыном, который... Меня охватывает чувством тревоги. Я сажусь и отправляю еще одно сообщение:

Я всегда буду рядом с тобой. Несмотря ни на что.

Я смотрю на телефон, мысленно желая, чтобы она ответила мне. Но конечно, Хартли не отвечает. Напоминаю себе, что она еще не поправилась и наверняка принимает серьезные лекарства. Поэтому не отвечает. Блин, мне ненавистна вся эта ситуация. Но если буду заикливаться на ней, от этого мне станет только хуже. До того как Хартли отправили учиться в школу-пансион, отец сломал ей запястье, когда она узнала, что он берет взятки. Правда, Хартли сказала мне, что это произошло случайно, и мне пришлось поверить ей. К тому же только псих станет бить уже и без того получившую травмы дочь.

Я открываю другое приложение на телефоне и начинаю составлять список вещей, которые мне скоро понадобятся. Первым делом – новый темно-синий диван. К нему добавляю два складных стула и маленький деревянный стол. Прежние стулья были пластиковыми, а стол... светлый точно. Из какого-то дерева светлых пород. Из сосны, может быть?

У нее были симпатичные полотенца для рук. Я закрываю глаза, пытаюсь вспомнить их цвет. Серый? Розовый? Или фиолетовый? Черт, не помню. Куплю всех трех, и оставим те, которые понравятся ей больше всего. Еще у Хартли был милый плед, белый в цветочек.

Почувствовав себя лучше от того, что у меня есть план, я принимаюсь распаковывать рюкзак. Сверху лежит бутылка водки «Сирок». Пару секунд обдумываю, не открыть ли ее, и решаю не открывать. Она может понадобиться Харт, и я засовываю ее в шкафчик рядом с холодильником.

На столешницу кладу нашу фотографию, сделанную на пирсе. Мне нужна рамка или магнит. Лучше рамка. Повешу ее на стену. А еще лучше увеличу снимок, так что когда она вернется домой, то увидит нашу невообразимо огромную фотку, на которой мы целуемся, как настоящие рок-звезды. Одобрительно хмыкнув своей находчивости, добавляю еще один пункт в свой список.

В рюкзаке остались лишь сменная одежда и бутылка дешевой водки. Я думал переночевать здесь, но теперь, глядя на голый пол, начинаю сомневаться, что это хорошая идея. Захожу в ванную. Душ все еще работает, напор воды хороший. Домовладелец сказал, что квартиру перекрасили и заменили пол.

Я скидываю спортивные штаны и толстовку на пол и укладываюсь спать, положив голову на рюкзак и скрестив руки на груди. Завтра спрошу у Эллы, где мне купить все это добро из списка.

Может, эта квартира и не поможет Хартли вернуть воспоминания, но у

меня по-прежнему есть мои. И мы создадим новые, куда более счастливые, с ее сестрой и моими братьями.

Я цепляюсь за надежду, что завтра будет лучше, чем сегодня. Как-то раз Элла сказала мне, что когда у тебя дерьмовый день, нужно радоваться, потому что, если завтрашний станет таким же дерьмовым, ты уже будешь знать, что справишься с ним.

Бутылка «Сирок» так и стоит запечатанной. Мне хотелось выпить, но я умудрился справиться с собой. Победа за мной.

Завтрашний день будет лучше сегодняшнего.

Глава 10

Истон

Без пятнадцати десять на экране телефона вспыхивает сообщение от Паша. Я сажусь и потягиваюсь. Спина просто отваливается. Завтра первым делом привезу сюда кровать.

Паш: *Кайл Хадсон. Знаешь такого?*

Я: *Никогда не слышал. Школа?*

Паш: *«Астор».*

Я: *Без понятия, кто это.*

На экране появляется новое сообщение с фотографией:

Он сидит с твоей девушкой и Франком в ФТ.

Я увеличиваю изображение. Ученики сидят ко мне спиной. Кряжистый парень без шеи мне не знаком, но сидящую рядом с ним девушку с водопадом иссиня-черных волос я узнаю где угодно.

Я вскакиваю на ноги. Какого черта Хартли делает в компании этого парня? Напротив них сидит змея Фелисити. Паш начал называть ее Франкенштейн, потому что она жуткая гадина, в которой больше от монстра, чем от человека. Черт, да даже называть ее Франком – это уже оскорбление для всех Франкенштейнов.

Я засовываю руку в рукав куртки, одновременно пытаюсь написать Пашу.

Я: *Иди и убедись, что с ней все в порядке.*

Паш: *Сижу прямо за ними с Дейви. Дейви говорит, что Кайл и Хартли вместе.*

Я: *Черта с два они вместе.*

Какую ложь Фелисити скормила Хартли? Это плохо. Очень плохо.

Вместо того чтобы отправить Пашу очередное сообщение, я звоню ему.

– Чувак, подойди к ним и вмешайся, – приказываю я прежде, чем мой друг успевает пробормотать приветствие. – Ее доктор сказал, что если мы начнем рассказывать Хартли что-то до того, как она сама все вспомнит, это может серьезно повредить ей.

– И что мне им сказать?! – восклицает он.

– Не знаю. Расскажи ей про свой классный замок в Кóлкате. – Паш из

очень древней и очень богатой индийской семьи. Пару лет назад его дед решил построить новое имение, и судя по ленте Паша в «Инстаграме», на его территории может поместиться весь «Астор-Парк» с учениками. Только на то, чтобы обойти первый этаж, понадобится целый час.

– Дейви угрожающе смотрит на меня. Если я встану со стула, она меня убьет.

– Если ты не встанешь со стула, тебя убью я.

– Да, но я не с тобой занимаюсь сексом. Прости, мне пора.

Бесхребетный говнюк. Я залезаю в свой пикап и выжимаю педаль газа. Из этого района города во «Френч-Твист» ехать минут двадцать. Жалко, что Элла там больше не работает, иначе попросил бы ее вмешаться. В отличие от Паша, ей знакомо значение слова «преданность».

Я укладываюсь в двадцать минут, по дороге обливаясь потом от страха, что меня остановит какой-нибудь коп и поездка затянется. Рывком открыв дверь, я окидываю взглядом небольшую пекарню в поисках Хартли, но вижу лишь Паша и его новую девушку, болтающих за кофе.

Он выскакивает из-за стола и машет мне рукой.

– Где они? – рычу я.

– Ушли минут через пятнадцать после того, как я тебе позвонил.

– Блин! – Я поворачиваюсь к Дейви, которая невинно хлопает ресницами. – Что ты слышала? Слово в слово. Я хочу знать все подробности. Ничего не упускай.

– Не так уж и много, – признается Дейви. – Они разговаривали тихо. Единственное, что я уловила, как Хартли говорила Кайлу, что они расстаются.

– Не знал, что она встречалась еще с кем-то, кроме тебя, – встречается Паш.

– Она и не встречалась, – с досадой говорю я.

Как вообще возможно, чтобы память человека напрочь исчезла? Сюда явились люди в черном и стерли всем воспоминания? Хартли ни с кем не встречалась и не тусовалась с учениками «Астора», вечерами работая в забегаловке в восточном районе города, и даже иногда сбегала с уроков, чтобы взять дополнительную смену. А когда не таскала подносы с едой и напитками, то спала. Хартли приходилось нелегко.

Я поворачиваюсь к Дейви и продолжаю допрос:

– Кто из них говорил больше всех?

– Фелисити.

– А кто такой этот Кайл?

– Я его не знаю. Он не из нашей компании.

– А почему здесь была Фелисити?

– Да не знаю я! – восклицает Дейви, вскинув вверх руки, словно желая закрыться от моих бесконечных расспросов.

Паш привстает на стуле.

– Ладно тебе, мужик, успокойся. Дейви помогла, чем смогла.

– Вот именно, – надув губы, поддакивает Дейви.

Паш садится ближе и обнимает за плечи свою девушку, с которой встречается всего десятый день.

– Ты закончил? – холодно спрашивает он меня.

Я закрываю лицо руками. Меня подташнивает от одной мысли о том, сколько вреда могли нанести Хартли Фелисити и этот Кайл, но орать на Паша и его хрупкую подружку бессмысленно – зачем злить друга?

– Да, я закончил. Позвони мне, если еще что-нибудь узнаешь.

– Да-да. – Паш возвращается на свой стул. – Хочешь еще жемчужного чая, малышка? – нежничает он, повернувшись к девушке. *Или может, мне купить тебе тот браслет от Шанель? Это тебя утешит, правда?*

Я выхожу из пекарни, пока не врезал по одному из стеклянных прилавков-витрин ногой от досады и безысходности. Остановившись на тротуаре, обдумываю свои возможности. Меня привлекает лишь одна. И хотя знаю, что мне будут совсем не рады в доме Хартли, я все равно должен убедиться, что с ней все в порядке.

Опуская ногу с бордюра, я вдруг слышу, как кто-то, заикаясь, зовет мое имя.

– Истон?

Я разворачиваюсь на сто восемьдесят.

– Хартли?

Смотрю на вход в пекарню, но не вижу ее. Наверное, у меня слуховые галлюцинации. Может, я так много думал о ней, что мой разум не выдержал. Скоро начну разговаривать с вымышленной Хартли. Вот закрою глаза и...

– Я здесь.

Я опускаю взгляд вниз, на фигуру, скорчившуюся на краю тротуара, в шагах двадцати от меня. Фигура поднимается и превращается в Хартли Райт.

– Что случилось? – спрашиваю я, за две секунды преодолев расстояние между нами. Хватаю ее за плечи, притягиваю под свет и осматриваю с головы до ног. – Ты в порядке?

Хартли такая красивая в свете уличного фонаря: длинные черные волосы шелковым занавесом обрамляют лицо. На ней одна из ее

фирменных огромных толстовок и темные обтягивающие джинсы, в которых ноги выглядят жутко сексуальными. Серые глаза кажутся почти черными, когда она поднимает на меня печальный взгляд.

– Думаю, да.

– Что ты здесь делаешь?

– Ждала автобус. – Она показывает на знак над своей головой.

– Они не ходят так поздно, последний рейс отходит около десяти вечера.

Я знаю это, потому что мой папа устроил так, чтобы здесь появилась остановка, когда Элла работала в пекарне. Несмотря на то что у нее есть собственная машина, она предпочитала ездить на автобусе, даже если это означало ехать в толкотне среди других пассажиров.

– Ой. – Хартли трет руки и дрожит. – Этого они мне не сказали.

Я снимаю свою куртку и набрасываю ей на плечи. Должно быть, «они» – это Кайл и Фелисити.

– Что ты делала с этими двумя?

Она на секунду задерживает на мне тревожный взгляд, а потом отводит глаза и смотрит на тускло освещенную парковку и темный тротуар.

– Они рассказывали мне кое-что, – наконец сознается Хартли и, несмотря на куртку на плечах, снова дрожит.

От страха у меня сводит живот. Черт побери, что они наговорили ей? На самом деле, меня до ужаса пугает масштаб лжи, которой они могли забить ей голову, начиная с той, в которой Хартли и Кайл Хадсон встречались. Или этот больной ублюдок таким образом пытается уложить ее в свою постель? К горлу подступает тошнота.

– Что, например? – охрипшим голосом спрашиваю я.

– Кое-что... – Хартли облизывает губы. – Кое-что плохое.

– О тебе? О тебе нельзя сказать ничего плохого. К тому же они даже не знают тебя.

– Нет. О тебе, – тихо произносит она.

Я чуть отстраняюсь. Вот чего не ожидал, так не ожидал. Знаю, Фелисити ненавидит меня, потому что как-то вечером, напившись, я пообещал ей, что притворюсь ее парнем, чтобы она могла поучаствовать в какой-то там фотосессии, а протрезвев, сказал, что беру свои слова назад, и извинился. А потом отвез Хартли на пирс, и она в первый раз поцеловала меня.

Фелисити решила, что мы смертельные враги, устроила так, чтобы Хартли отстранили от учебы за списывание, а мне сказала, что это только начало.

– Слушай, все, что она наговорила тебе, – просто громадная куча лживого дерьма.

– Она сказала, что ты переспал с девушками своих старших братьев.

– На тот момент они были их бывшими.

За исключением Саванны. Их с Гидеоном отношения любви-ненависти длились на протяжении нескольких лет. В один из их очередных разрывов я убедил ее, что мы можем утешить друг друга без одежды.

Во мне нарастает чувство вины.

На лице Харт мелькает выражение отвращения. Дерьмо. Теперь все, что она запомнит обо мне, будет это.

– Это было до тебя, – уверяю я ее.

Хартли сжимает челюсти.

– Кайл сказал, что ты и с его девушкой переспал, когда они встречались.

– Я даже не знаю, кто такой этот Кайл, – вымученно отвечаю я. Интересно, старик Скрудж так же чувствовал себя, когда Святочный дух Прошлых лет начал обличать все его грехи? Когда я смогу получить передышку?

– Он предупреждал, что ты так скажешь. Потому что он недостаточно богат и популярен в школе, чтобы ты заметил его, но его девушка была очень симпатичной, и на одной из вечеринок у Джордан Каррингтон ты занимался с ней сексом в бассейне прямо на глазах у Кайла.

Внутри у меня все опускается. Вот дерьмо, я вполне мог так поступить. И я совершенно точно занимался сексом в бассейне Каррингтонов. Я занимался сексом во многих бассейнах, со многими девчонками и даже с несколькими молодыми женщинами. Сознательно ли я спал с ними, когда они встречались с другими? Нет. Я бы так не сделал. Но на вечеринке, когда ты пьян и хочешь перепихнуться, вряд ли станешь доставать из кармана анкету и интересоваться, состоят ли они в отношениях, полагая, что раз они готовы прыгнуть на мой член, значит, свободны и могут это сделать.

Но как объяснить все это Хартли? Девушке, которая должна воспринять меня всерьез, девушке, к которой я испытываю сильные чувства, девушке, которой я хочу *понравиться*? Это невыполнимая задача.

Я взволнованно провожу рукой по волосам.

– Да, было дело, я отрывался на вечеринках. Занимался сексом с девушками. Но после того, как познакомился с тобой, я и пальцем ни к одной не прикоснулся. Черт, я даже не был тем, кто сделал первый шаг...

«Это называется “приукрашивать”, – думаю я про себя. – Заткнись!»

– Ты меня поцеловала.

Хартли медленно кивает.

– Да, наверное, я могла так сделать, но, похоже, вопрос в другом: *должна* ли была?

– Харт.

Она не отвечает. Пульс стучит у меня в висках. Воздух стал тяжелым, вязким, гнетущим. Поборов его, я спускаюсь с тротуара, чтобы у Хартли не было другого выхода, кроме как смотреть на меня.

– Харт, – мягко говорю я. – В прошлом я понаделал много дерьма, врать не стану. Но я изменился.

Когда она наконец поднимает глаза, чтобы встретиться взглядами, в них вся боль этого мира.

– Они сказали, тебе нравятся девушки, с которыми ты не можешь быть. Например, твоя сводная сестра Элла. И когда ты понял, что она недоступна, то переключился на меня. Потому что я стану самым запретным из всех плодов, которые ты хотел попробовать, ведь твой брат лежит в коме по моей вине и твоя семья меня ненавидит. Скажешь, что все это неправда?

Вот же сука! Какая дрянь! Надеюсь, что она побыстрее сдохнет!

Я мог бы сказать Хартли правду, но ей и так слишком больно. К тому же, когда Себ очнется, а это обязательно произойдет, Сойер уже не будет ни на кого сердиться. А мы с Эллой так давно в прошлом, что я даже не помню, зачем поцеловал ее тогда в клубе. Наверное, чувствовал себя одиноким, Элла тоже, ну и еще мне понравилось злить своего брата Рида, который за нами наблюдал.

Правда причинит Хартли еще больше боли.

– Скажу, что Фелисити и Кайл рассказывали тебе все это не для того, чтобы помочь.

– Я знаю. Просто мне хочется, чтобы хоть кто-то был честен со мной. Ты сделаешь это для меня?

Ответ застревает в горле.

– Не задавай вопросов, чтобы мне не пришлось лгать, так значит? – Она тяжело вздыхает, прочитав меня, словно открытую книгу. – Раз автобусы не ходят, похоже, везти меня домой придется тебе.

Хартли сильнее кутается в мою куртку.

Мне кажется, что она скорее готова пройти десять миль пешком, чем ехать в моем пикапе, но все равно забирается в кабину. Ее варианты ограничиваются «плохо» и «еще хуже». Из двух зол она выбирает меньшее, поэтому я автоматически выигрываю.

Всю дорогу Хартли молчит, и я тоже, потому что боюсь отвечать на ее вопросы. Когда мы подъезжаем к дому, я решаю не провожать Харт до двери. Если ее отец увидит меня, то ад разверзнется на земле, а ей это совсем не нужно.

Вылезая из машины, она оборачивается.

– Спасибо, что подвез.

– Завтра утром подожди меня на улице у школы. Я пойду с тобой. В «Асторе» легко заблудиться. – И ученики обожают изводить слабых. А сейчас Хартли уязвима как никогда.

На ее губах появляется грустная улыбка.

– Забавно, Кайл сказал мне то же самое. Наверное, он врал не во всем.

Сказав на прощание эти взбудоражившие меня слова, она захлопывает дверцу и убегает в дом.

* * *

Следующим утром папа зовет меня в свой кабинет. Я вваливаюсь в комнату с тарелкой горячей овсянки и торчащей изо рта ложкой.

– Что случилось?

– Хорошо, что ты встал так рано.

Я встал так рано, потому что вообще не спал: всю ночь прокручивал в голове ситуацию с Харт, Фелисити и Кайлом. Последнего я едва помню. Ладно, вообще не помню. Понятное дело, что мы учимся в одной школе, но вряд ли пересекались, от силы здоровались. Однако у него на меня зуб, и, если я действительно переспал с его девушкой, он все еще хочет отомстить. Иначе зачем ему рисковать и вызывать на себя гнев Ройалов, связываясь с нашей девушкой?

Не то чтобы Харт *принадлежит* мне...

Нет, принадлежит.

Черт, ладно, я думаю о ней как о своей девушке. И не хочу, чтобы рядом с ней ошивался этот Кайл Хадсон без шеи.

Мотивы Фелисити тоже прозрачны. Она ненавидит меня, это ясно как божий день. И тоже жаждет мести. И хотя у меня нет никакого желания загладить перед ней свою вину, я уныло признаю, что без этого, скорее всего, не обойтись. Не могу позволить, чтобы Франкенштейн и Крепыш морочили Хартли голову. Она и без того растеряна.

Папа поспешно убирает папку с документами в свою сумку, отвлекая меня от размышлений.

– Ты куда-то собираешься? – спрашиваю я между ложками овсянки.

– Мне нужно в Дубай. Со мной связался Бен Эль-Баз, что-то насчет заказа на десять новых самолетов. Я должен проконтролировать ход сделки лично.

– А как же Себ?

– Его состояние стабильное. Если он очнется, я сразу же прилечу домой, и ты даже не заметишь, что я куда-то уезжал. Ну а пока я рассчитываю на тебя. В мое отсутствие ты должен позаботиться об остальных. Ты самый старший, и к тому же я не хочу, чтобы Элла беспокоилась еще и о близнецах. Сегодня у нее встреча с помощником прокурора по поводу ее показаний.

– Вот дерьмо! – Элле придется давать показания против собственного отца, Стива О’Халлорана. Я не думал, что это произойдет так скоро, но февральское заседание уже не за горами.

– Вот именно. – Папа протягивает мне лист бумаги. – Я получил для тебя освобождение от занятий до конца этой недели и, возможно, на всю следующую, все зависит от того, как будет проходить сделка.

Он застегивает молнию сумки.

– Освобождение от занятий? – Но мне нужно быть в школе, чтобы защитить Хартли! – Я и так пропустил две недели.

Папа склоняет голову набок.

– Кто ты и что ты сделал с моим ненавидящим школу сыном Истоном?

Я неловко переминаюсь с ноги на ногу под его суровым взглядом. Не могу же я сказать ему, почему мне необходимо быть в школе: вдруг он тоже, как Сойер, ненавидит Хартли?

– Я не ненавижу школу. Просто иногда пропускаю уроки, потому что у меня есть дела поважнее.

– И на этой неделе у тебя будет полно важных дел. – Отец опускает ладонь на мое плечо. – В других обстоятельствах я бы не доверил тебе нести такую ответственность даже на минуту, что уж говорить о целой неделе, но это твои братья, и я знаю, что ты любишь их. – Он берет сумку и быстро выходит в холл, где его уже ждет шофер, Дюран. – Следи, чтобы Сойер ел и отдыхал. Позвони, если состояние Себастиана изменится, и будь рядом с Эллой, если ей понадобится плечо, чтобы выплакаться. Увидимся через неделю.

Отсалютовав мне, папа выходит из дома.

Блин.

Я хватаю телефон и пишу Хартли.

Планы изменились. Мой папа улетает в Дубай, и мне нужно проверить, как дела у моих братьев. Если увидишь Эллу, заходи вместе с ней.

Перечитав сообщение, я понимаю, что Харт может не знать, кто такая Элла. Я нахожу фотку, на которой они с Ридом прилипли друг к другу, как две обезьяны, и отправляю ее следом.

Ответ не приходит. Жду три секунды и отправляю еще одно сообщение.

Или с Вэл. На нее можно положиться.

Я снова залезаю в галерею в телефоне, нахожу нашу с Эллой, Вэл и Ридом фотографию у бассейна, сделанную прошлым летом, и, вырезав нас с Ридом, отправляю Харт отредактированную фотку.

Элла блондинка. Вэл – та, что с бобом и родинкой.

По-прежнему никакой реакции. Я смотрю на часы. У меня еще есть время доехать до дома Харт, забрать ее и отвезти в школу. Если потороплюсь, то все успею.

Поставив тарелку на мраморный стол в холле, бегу на кухню, где оставил свой рюкзак. Там Элла ест йогурт с фруктами.

– Куда ты? – спрашивает она.

– К Хартли, потом в «Астор», потом в больницу.

– К Хартли? Это точно хорошая идея, Истон? Может, тебе стоит подождать, когда Себ выйдет из комы?

Развернувшись, я встаю прямо перед Эллой.

– Что ты вообще несешь? Авария произошла не по ее вине.

– Я знаю, но сейчас Сойер ненавидит ее всей душой. Думаю, ему станет только хуже, если он узнает, что ты тусуешься с ней.

– Тогда ничего ему не говори, – отвечаю я, задетый замечанием Эллы.

– Но...

Не обращая внимания на ее слова, бегу к двери. Не хочу ничего слушать, особенно после того, как написал Хартли, что она может положиться на Эллу и Вэл. Вот и еще одна причина, почему мне нужно довезти Хартли до школы и убедиться, что с ней там все будет в порядке.

А потом... Черт, не знаю, что буду делать потом. Может, мне удастся убедить Хартли прогулять уроки и поехать со мной в больницу? Но что она

будет делать там? Если Сойер увидит ее, то просто взорвется.

Какой-то гребаный дурдом, и я не знаю, как мне быть. Подумаю об этом еще раз, когда доберусь до дома Харт.

Отправляю ей сообщение:

Еду за тобой.

Бросив телефон на пассажирское сиденье, я завожу двигатель пикапа и отправляюсь за Хартли. У ворот в конце лужайки проверяю, не пришел ли ответ; в следующий раз проверяю на светофоре, потом на перекрестке рядом с ее домом, но ответного сообщения так и нет.

Подъехав к месту назначения, задумываюсь, стоит ли мне заходить. Ее отец на дух меня не переносит, шансы, что он уже на работе, пятьдесят на пятьдесят. Но решив надеяться на лучшее, я выпрыгиваю из пикапа и быстро иду по дорожке. Иначе Харт может опоздать в школу.

В два шага поднявшись на крыльцо, я звоню в дверной звонок. Раздается громкая трель, и спустя несколько секунд за одной из стеклянных вставок появляется фигура. Дверь открывается, и передо мной оказывается миссис Райт. Черт.

У нее отвисает челюсть.

– Истон Ройал?

Я улыбаюсь своей самой широкой и обаятельной улыбкой, увидев которую монашки хотят потрепать меня по щеке, а мамашки – трахнуть.

– Да. Я заехал за Хартли.

Деревянная дверь захлопывается прямо у меня перед носом, и из-за нее доносится:

– Уходи и больше никогда здесь не появляйся!

Но у меня всегда было плохо с послушанием. Я стучусь в дверь.

– Я пообещал Харт, что заеду за ней.

– Она уже в школе. Занятия начались десять минут назад. А теперь уходи, или я вызову полицию! – кричит мама Хартли. – Мой муж – помощник окружного прокурора! Он посадит тебя в тюрьму!

Проглотив стон, я провожу рукой по волосам. Этот день начался просто ужасно, а ведь еще даже восьми нет!

Глава 11

Хартли

Засунув большие пальцы под лямки рюкзака, я всем киваю и улыбаюсь. Такое ощущение, что я вернулась в детский сад, не чувствуя маминой руки и спотыкаясь, вылезла из автобуса и пробираюсь между ног учителей и старших учеников, выискивая в толпе дружелюбное лицо – хоть чье-нибудь дружелюбное лицо. Истон попросил дожждаться его, но я простояла на краю обочины, кажется, целую вечность.

Мое внимание привлекает блестящее пятно светлых волос. В десяти шагах впереди меня Фелисити. Рядом с ней собрались три такие же блондинки. Часть меня хочет подбежать и спрятаться среди них. Но другая часть знает, что Фелисити откусит мне голову, а потом встанет на мою окровавленную шею. Поэтому незаметно плетусь за ними.

Не знаю, почему она меня ненавидит, но это очевидно. Уверена, это имеет какое-то отношение к Истону, а может, к нам с Истоном. Они встречались, когда я переспала с ним? Меня многое беспокоит из-за потери памяти, но секс – больше всего. Я не могу вспомнить, кто видел меня голой. Кто касался меня. Кого я касалась в ответ. Ничего не могу вспомнить. Но они – парни, которые проходят сейчас мимо меня по коридорам, – видели меня, мою грудь, живот, интимное местечко между ног.

От мысли об этом меня тошнит, я чувствую себя поруганной, даже если связь была по обоюдному согласию. Так что да, больше всего в своей амнезии я ненавижу все, что связано с сексом. Из-за этого я просыпаюсь по ночам, из-за этого скручивает живот и болит голова. Я рассматриваю проходящих мимо парней в надежде на хотя бы смутное узнавание, но все тщетно.

Мой взгляд снова останавливается на Фелисити. Вчера, когда они с Кайлом по очереди перечисляли мне грехи Истона, она даже не трудилась скрыть собственное ликование. Истон – наркоман и пьяница, который всегда готов сунуть свой член в любую доступную дырку. Они оба клялись, что он популярен лишь потому, что его отец владеет этим городом. Я же готова поспорить, это потому, что он чертовски привлекателен, а его улыбка может заставить статую спуститься со своего пьедестала.

Что до меня, то я лгуня и обманщица. Я списывала на контрольной по математике. Фелисити даже намекнула, что я обманом попала в «Астор». Хотя мне совершенно непонятно, как так могло произойти.

Но я не уверена в том, что все, что они рассказывали мне, – правда. У них обоих есть скрытые мотивы, которые я пока не разгадала. Судя по нескрываемой ожесточенности в голосе Кайла, он затаил злобу на Истона из-за своей бывшей девушки – той самой, с которой Истон занимался сексом в бассейне. Ненависть Фелисити тоже как-то связана с Истоном, но то, как она радуется моим обстоятельствам, заставляет думать, что она почему-то ненавидит и меня тоже.

Единственное, что кажется мне правдой, – то, что я переспала с Истоном, хотя, с другой стороны, это самое невероятное из всего, что вывалила на меня Фелисити. Бог сотворил миллиард мужчин, создал идеальное лицо и дал его Истону Ройалу. Когда его темные волосы спадают на правый глаз, руки так и чешутся, чтобы дотянуться и убрать их с лица. А какие синие у него глаза – это просто противозаконно иметь такой потрясающей красоты глаза. У темноволосых парней должен быть дружелюбный и мягкий взгляд, а не пронзительный и синий, который заставляет мечтать об океанах, морях и небесах в самый солнечный прекрасный день. У него широкая грудь и мускулистые руки, но не перекаченные. О нем грезят все девушки «Астор-Парка» в своих снах по ночам.

В голове не укладывается, что Истон, этот образец мужской красоты, мог бы заинтересоваться мной. Я, конечно, не крокодил, но не принадлежу к той лиге, в которой играют Ройалы. Они встречаются с девушками из колледжа, с капитанами школьной команды чирлидеров или президентами сестринств. Ройалы предпочитают девушек при деньгах, девушек, которые числятся в «Дочерях американской революции»^[4], девушек, которые становятся королевами красоты, телезнаменитостями или звездами «Инстаграма». Но они не встречаются с круглолицыми коротышками, которые живут с не стесняющимися сквернословить сестрами, отцами – окружными прокурорами и честолубивыми матерями.

Я могла бы встречаться с Истоном Ройалом с такой же вероятностью, как с одним из членов *BTS*^[5], то есть никогда.

Но вчера вечером он приехал во «Френч-Твист». Дал свою куртку, когда я задрожала – не от холода, а от волнения. В его взгляде было слишком много нежности и душевности для просто знакомого. Холод, который поселился внутри меня, начал оттаивать под пылким взглядом его

голубых глаз. Мне хотелось свернуться калачиком у него на руках и попросить его обнимать меня до тех пор, пока этот кошмар не кончится.

Но когда мы заговорили о вечеринках и всех тех вещах, в которых его обвиняли, он изворачивался как мог. Думаю, он врал и недоговаривал. Но в то же время о чем-то Истон говорил правду. Господи, как же все это сбивает меня с толку! Слова Фелисити и Кайла кружились в голове не переставая, отчего у меня началась мигрень и захотелось поскорее вернуться домой и спрятаться. Но раз я ничего не помню, мне совершенно нечего противопоставить им.

Истон так и не появился. Неужели я действительно надеялась, что он сдержит слово? Храбрюсь как могу.

«Полагайся только на себя. Ты все сможешь. Это всего лишь школа. Она не будет длиться вечно. Ты сможешь».

Может, на меня смотрят не все, но ощущение обратное: как будто я выступаю с речью без одежды, а зрители показывают на меня пальцем и смеются.

Это она потеряла память? Это из-за нее Себастиан Ройал в коме? Это она? Она самая? Она?

«Да!» – хочется закричать мне. Да, я та самая, из-за которой вы споткнулись на ровном месте, та, что списывала у вас лекции по географии, та, что увела вашего бойфренда. *Это я!* Мне хочется закричать, но лишь потому, что я ни черта не помню.

Морально опустошенная, опустив голову на грудь, я поднимаюсь по лестнице огромного трехэтажного здания, в котором размещается почти вся академия «Астор-Парк». По обеим сторонам главного корпуса расположены два длинных крыла. Пешеходная дорожка, ведущая к главному входу, такая широкая, что по ней могут проехать две фуры. Здания окружают бесчисленные акры идеально подстриженных лужаек, все еще зеленых несмотря на то, что уже ноябрь. Наверное, спасает, что это Юг.

Мне бы хотелось, чтобы дорожки тут были уже, проходы – не такими широкими, и чтобы в многолюдных коридорах я была всего лишь одной из сотен учеников, спешащих на урок. Но ощущение такое, будто тут шкафчиков больше, чем самих учеников. Пользуясь картой школы из тетради, я нахожу свой и в безысходности смотрю на замок – я не помню код. Пытаюсь ввести дату рождения, но ничего не происходит.

Ввожу почтовый индекс и год. Замок остается закрытым. Зажмурившись, я пытаюсь вспомнить еще какие-нибудь цифры. В памяти всплывает день рождения Дилан. Но и эта попытка оказывается неудачной,

и я пробую день рождения Паркер. Потом какой-то номер телефона. По-прежнему ничего. С досады кусаю нижнюю губу. Почему я заранее об этом не подумала? Я забыла, что училась в «Асторе», дурацкая униформа сидит на мне так, как будто была пошита для кого-то другого, так с чего бы мне вспомнить код от шкафчика?

– Проблемы, Харт-лэй?

Справа стоит Кайл и самодовольно ухмыляется. Пусть он уйдет! Ни за что не поверю, что встречалась с этим парнем. Пусть я лгунья и обманщица, но *какие-то* принципы у меня все-таки были. А когда я нахожусь рядом с ним, по коже бегут мурашки. По правде говоря, если мы все-таки встречались и спали, я только рада, что не помню этого.

– Нет.

– Готова к первому уроку? – В его голосе слышно ехидство.

Я уже по горло сыта Кайлом и бесполезными подробностями моего прошлого, которыми он меня пичкает. Поэтому, вместо того чтобы ответить, я разворачиваюсь и ухожу.

– Эй! Я с тобой разговаривал! – кричит Кайл мне вслед.

Я продолжаю идти вперед, не обращая внимания на любопытные взгляды и краску стыда, полыхающую на моих щеках.

– Дрянь! – не унимается Кайл.

Ну, он хотя бы перестал притворяться, что мы встречаемся.

Опустив голову, я стараюсь привлекать к себе как можно меньше внимания. Слава богу, во время ланча все были заняты дракой. Блондинка с волосами цвета меда накинута на темноволосую курчавую девушку. Одна из них кричала что-то про деревья и дома. Не частная академия, а цирк какой-то, честное слово!

К концу учебного дня я совершенно измотана – как эмоционально, так и физически – и едва тащусь на математику, тот самый предмет, где меня поймали на списывании. Когда я вхожу в кабинет, там почти никого нет.

Учительница, очень красивая женщина, по которой и не скажешь, что она уже окончила университет, стоит перед классом. Как только она замечает меня, уголки ее накрашенных красной помадой губ опускаются. В отличие от меня, у других с памятью все в порядке. В расписании учительница указана как К. Манн.

– Мисс Райт, рада, что вы вернулись к нам.

Если бы за фальшь давали премии, у мисс Манн был бы главный приз. Опустив голову, я обвожу глазами парты. За какой из них я сидела? Те ученики, которые уже заняли свои места, избегают встречаться со мной взглядом. Им не хочется, чтобы я сидела рядом. Останавливаю свой выбор

на парте в дальнем углу. Взглядов в спину мне с лихвой хватит на год вперед.

– Это не твое место, – сообщает мне кудрявая брюнетка, когда я собираюсь сесть за выбранную парту.

Я глупо моргаю.

– У нас закрепленные места? Тогда где мое?

Сегодня у меня еще не было с этим проблем.

– Нет, тупица. Это место Лэндона. Он сидит здесь с самого начала.

Я расстроена.

– Ладно, тогда где мне можно сесть?

Но вместо того, чтобы ответить мне, брюнетка поднимает руку.

– Мисс Манн, Хартли не может сесть на свое старое место. Это будет нечестно по отношению к Ройалам.

Ройалам... множественное число? Истон тоже ходит на этот предмет? Может, он имел в виду подождать его в классе? Наверное, решил, что я вспомню.

– Точно! – встречается какой-то парень. – Им и без этого проблем хватает.

Я разворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. Его длинные тощие руки кажутся не крепче моего карандаша.

– Я попала в автомобильную аварию, а потом упала и ударилась головой. У меня нет бешенства.

Парень кривит лицо.

– Садитесь здесь. – Мисс Манн указывает на первую парту в правом ряду, у двери.

– Ладно.

Я сердито топаю к столу и опускаюсь на стул. Потом нарочито громко расстегиваю молнию на рюкзаке и с силой опускаю учебник на парту. Честно говоря, я уже устала притворяться невидимкой.

Я здесь. Хотите вы того или нет. Скрестив руки на груди, я сверлю глазами каждого входящего ученика. Кто-то смущается, кто-то вообще не смотрит на меня, а кто-то метает в меня взгляды-кинжалы в ответ. Но Истона среди входящих так и нет. Симпатичная блондинка замирает в дверях, смотрит на меня из-под ресниц, но потом идет дальше, когда другой ученик входит следом и наталкивается на нее.

Я с любопытством слежу за ней. Собрался почти весь класс, и звучит ровный глухой гул голосов. Многие говорят о предстоящем бале и о том, кто с кем пойдет. Кто-то спорит о том, что из-за коллективного сексизма, поддерживаемого школьной администрацией, на матчи отвратительной

мужской баскетбольной команды ходят намного больше зрителей, чем на матчи по-настоящему классной женской команды. И еще говорят о вечеринке у Фелисити. Она пригласила группу – такую известную, что даже все эти богатые детки под впечатлением.

– Я слышала, она заплатила полмиллиона.

– За что?

– За новогоднюю вечеринку. В конце концов, мы в выпускном классе, можем оторваться напоследок как следует.

– Истон, ты идешь? Ой, его нет, – вдруг понимает одна из учениц, но тут же продолжает: – А ты, Элла?

– Все будет зависеть от состояния Себастиана, – отвечает симпатичная блондинка, которая недавно смотрела на меня с порога.

Элла. Сводная сестра. Та самая, которую, по словам Кайла и Фелисити, Истон хотел, но не мог получить. Только не помню почему. Это как-то связано с одним из его братьев, хотя, может, я перепутала ее с другой девушкой.

– О, конечно! Прости, – лепечет наша одноклассница и быстро меняет тему. – Слушайте, сейчас ведь так холодно, правда? Надеюсь, вечеринка будет проходить в доме.

Тихое жужжание голосов не умолкает даже после того, как начинается урок, но мисс Манн даже не пытается уговорить класс. Она делает несколько заметок на доске про пределы на бесконечности и велит нам решить задачи в разделе 3.5. Их там четырнадцать, и все недовольно стонут.

Мисс Манн не обращает внимания на просьбы сократить задания вполтину и садится за свой стол, откуда бросает на меня злобные взгляды каждые минут пять. Фелисити утверждает, что я списывала, и это объяснило бы неприязнь учительницы, но почему-то я не чувствую себя виноватой – если те, кто списывают, вообще чувствуют вину.

Мисс Манн начинает объяснение, и я устремляю взгляд на нее, стараясь сосредоточиться на теме урока. Формулы не самые легкие, но я понимаю базовые принципы, а новые понятия попросту основываются на них. Эта тема усваивается быстро. Когда нам дают время, чтобы решить несколько задач, я заканчиваю раньше всех, да еще и без ошибок. Пока жду, когда закончат все остальные, начинаю листать учебник назад, чтобы посмотреть, с чем у меня могли быть проблемы.

Но не нахожу ни одной. Производные, значения экстремума, открытые и замкнутые интервалы, критические числа – все это мне понятно. Я решаю простую задачу, где требуется найти экстремальные значения $f(x) =$

$2 \sin x - \cos 2x$, проверив себя по ответам в конце учебника.

Меня озадачивают не пройденные разделы. Я не могу понять, зачем мне вообще понадобилось списывать. Я все это *знаю*.

Сбитая с толку, я решаю открыто поговорить с мисс Манн. Когда урок заканчивается, я остаюсь сидеть на своем месте до тех пор, пока мы с учительницей не остаемся вдвоем.

– В чем дело? – с раздражением спрашивает мисс Манн.

– Вы, наверное, уже знаете, что я потеряла память.

– Знаю. На мой взгляд, это очень удобно. – Она окидывает меня презрительным взглядом.

– А на мой вовсе нет, – бурчу я себе под нос, а ей говорю: – Я слышала, что меня обвинили в списывании по вашему предмету, но у меня такое ощущение, что я прекрасно понимаю материал.

– Тогда не списывайте в следующий раз.

– Как так получилось, что я списывала?

Мисс Манн фыркает – наполовину от смеха, наполовину от отвращения.

– Вы хотите услышать от меня ответ на вопрос, зачем вам списывать?

– Нет. Я лишь пытаюсь заполнить пробелы...

– Вам лучше уйти, пока я не начала подозревать, что вы списывали и сегодня. Самый лучший совет, который я могу вам дать, мисс Райт, это не высовываться и стараться как можно меньше привлекать к себе внимание. А теперь извините меня, мне нужно готовиться к завтрашним урокам.

Другими словами: *убирайся вон и никогда больше со мной не заговаривай*. Немного ошарашенная таким исходом, я убираю в рюкзак свои карандаш и учебник. Конечно, я не ожидала, что первый день в школе пройдет легко, но и не думала, что он обернется таким кошмаром. Уже в дверях я оборачиваюсь.

– Простите. Что бы я ни сделала, простите меня.

Но мисс Манн даже не смотрит в мою сторону.

Как только звенит последний звонок, я тороплюсь занять очередь на автобус. Увидев небольшую компанию учеников в конце бульвара напротив «Астор-Парка», я подхожу к ним и останавливаюсь позади девушки в форме «Астора» и классных белых ботинках. Парень перед ней толкает ее в плечо. Она оборачивается и встречается со мной взглядом.

Я виновато улыбаюсь. Девушка хмурится и отходит вперед.

Быть изгоем совсем не весело. Я задумываюсь, на каком автобусе мне ехать домой. Понимаю, что девушка передо мной не горит желанием общаться, но если я сяду не на тот автобус, это будет куда хуже, чем если

мне нагрубят здесь, где всего-то народу раз-два и обчелся.

– Простите, вы не подскажете, какой автобус едет до угла Западной и Восемьдесят шестой улиц? – спрашиваю я, назвав перекресток рядом со своим домом.

– О чем ты говоришь?

Я повторяю свой вопрос и добавляю:

– Я не знаю, на какой автобус садиться.

Девушка закатывает глаза.

– Ты что, тупая? В «Асторе» нет автобусов.

– Она не тупая, она просто притворяется, что не помнит, как чуть не убила Себастиана Ройала, – встревает ее друг.

– Зачем ей вообще разрешили сюда вернуться? А если она снова сядет за руль? Не дай бог, убьет нас всех. – Девчонка передергивает плечами.

– Поэтому ей приходится ездить общественным транспортом. Копы забрали у нее водительское удостоверение. – Парень без колебаний говорит эту ложь. Я смотрю на него, разинув рот.

– Слава богу, – отвечает девушка. – Пойдем. Не хочу больше здесь стоять. Меня тошнит от загазованности.

Парень берет ее за руку, и парочка идет к парковке. От стыда, заслуженного или нет, у меня краснеют щеки. Если так будет продолжаться, кто-нибудь нарисует у меня на груди красную букву и мне придется отзываться на имя Эстер^[6]. На глаза наворачиваются слезы.

Вероятно, в прошлом я совершила нечто по-настоящему ужасное, раз сейчас приходится терпеть все это. Я моргаю, чтобы слезы упали, когда сигналил автомобильный гудок, и вижу выглядывающее на меня со стороны водителя симпатичное лицо.

– Хартли? Наверное, ты не помнишь меня, я Брэн. Мы дружили. Я могу отвезти тебя домой.

В какой-нибудь другой день я, скорее всего, сказала бы «нет». Я не знаю этого парня. Но у меня уже и так дерьмовая репутация, которая не станет хуже от того, что я сяду в машину к незнакомому парню, и мои силы закончились. Я хватаюсь за ручку и залезаю в автомобиль.

Глава 12

Истон

Я приезжаю в больницу чуть позже восьми, но Себа в палате нет. «На диагностике» – такой короткий ответ я получил от медсестры. Его брат-близнец неуклюже пристроился в изножье кровати, пуская слюну на свою руку. Я перекладываю девяностокилограммового парня на матрас и снова пытаюсь написать Хартли.

Как занятия? Мы еще обсуждаем равенство полов на теории феминизма? Для справки: это мой любимый урок.

Она, наверное, подумает, что это неудачная шутка.

А как математика? Было что-нибудь новое и интересное?

Я перечитываю сообщения. Черт, какие же они тупые! Засунув телефон в карман, ложусь на неудобный диван. Не знаю, сколько денег пожертвовал папа на строительство этого крыла, но сомневаюсь, что хотя бы пенни из них потратили на мебель. Диван такой же твердый, как кусок гранита.

Порывшись в своем рюкзаке, я достаю журнал *Sports Illustrated*, который захватил из дома. Сейчас мы читаем Себу. Даже если ты в коме, все равно можешь осознавать, что происходит вокруг. Кома – это что-то вроде ночного кошмара, когда ты спишь, но понарошку, и видишь силуэты вокруг своей кровати, но не можешь пошевелиться. Я включаю Себу музыку, рассказываю ему тупые анекдоты, показываю какие-нибудь мемы из интернета и зачитываю цитаты из «Крестного отца».

Полежав немного, я встаю с дивана, чтобы перекусить. Когда пищит мой телефон, от клуб-сэндвича остается лишь половина. Аппарат чуть не улетает в другой конец комнаты – так я тороплюсь вытащить его из кармана. Но это не Хартли. Это видео от Паша, на котором наши знакомые девчонки ввязались в потасовку прямо посреди столовой.

Он добавил подпись: «Где грязевая лужа, когда она так нужна?»

Я то увеличиваю, то уменьшаю масштаб видео, чтобы найти Хартли,

но нигде не вижу ее. Отправляю Пашу смайлик, который приветственно поднимает кулак, и спрашиваю его, где Харт.

Я: *Где Харт?*

Паш: *Не знаю.*

Я: *Сделай фотку столовки. Отправь мне.*

Паш: *Я уже ушел оттуда. Сейчас 5 урок.*

Мне приходит фотография его ног и выложенного плиткой пола. У Паша нет совместных уроков с Хартли, так что он мне не поможет. Но я все равно отправляю ему «спасибо» и убираю телефон обратно в карман джинсов. Я увижусь с ней, когда Элла приедет, чтобы сменить меня.

Вернувшись в крыло интенсивной терапии, я останавливаюсь у поста медсестер.

– Себ уже вернулся? – Я перегибаюсь через стойку, чтобы посмотреть, не лежит ли там его карта – как будто я смогу в ней хоть что-то разобрать.

Дежурная медсестра закрывает руками конфиденциальные данные.

– Мы закончили диагностику двадцать минут назад.

– Есть какие-нибудь изменения? – с надеждой спрашиваю я.

– Простите, но никаких изменений.

Блин, это дерьмово. Я возвращаюсь обратно в палату Себа, но прежде чем войти внутрь, делаю два глубоких вдоха, чтобы успокоиться: видеть брата, неподвижно лежащего на больничной койке, ужасно. Каждый раз, когда я вхожу к нему, меня разрывает от двух желаний: трясти его до тех пор, пока он не откроет глаза, или крушить вещи в комнате, пока не упаду без сил. Но Сойер и без того страдает за всю семью. Ему нельзя видеть, как я теряю самообладание. Я здесь для того, чтобы немного разрядить обстановку, иначе горе поглотит нас.

Щелкнув челюстью и растянув губы в улыбке, я толкаю дверь.

– Мы пропустили горячее зрелище. Паш прислал мне видео, в котором Марго Данлоп и Дайан Фостер сцепились из-за Трихауза. Он встречался одновременно с обеими, но девчонки об этом не знали.

Сойер не поднимает головы от койки, на которой лежит Себ. Я бросаю свой рюкзак в угол и плюхаюсь в одно из пустых кресел.

– Иди прими душ и поешь, – говорю я брату. – У тебя такой измученный вид: еще чуть-чуть, и вас с Себом поменяют местами.

Сойер не шевелится. Я поднимаюсь из кресла и подхожу к нему. Он как будто не замечает моего присутствия. Тогда я пару раз щелкаю пальцами перед его лицом, и брат моргает.

– Что? – угрюмо спрашивает он.

– От тебя воняет, как от куска дерьма.

– И что?

– И то! Иди и прими душ. Себ, наверное, до сих пор в коме, потому что каждый раз, когда он приходит в себя и ощущает эту вонь, как из помойки, то решает, что лучше останется в своем прекрасном мире снов, где светит солнце и витает аромат гребаных роз.

– В жопу тебя! – Сойер складывает руки на груди и еще глубже сползает в кресле.

– Инцест меня не привлекает, малыш.

– О, а меня, значит, привлекает? – взрывается Сойер. – Ты это хочешь сказать? Что это наше наказание? – он тычет дрожащим пальцем на кровать.

Я отступаю назад, подняв руки вверх. О чем это он, черт побери?

– Спокойно, это была просто шутка.

Сойер и Себ уже почти год встречаются с одной и той же девушкой, что всегда вызывало много комментариев, потому что это странно, отклонение от общепринятых норм и, наверное, неправильно в чьих-то глазах. Но лично меня это мало заботит.

– Кто-то что-то сказал? – я оглядываюсь в поисках жертвы. Никого не должно интересовать, что мои братья делают со своими членами.

Сойер опускает руку на колени, потом наклоняется вперед и трет лицо ладонями. У мелкого изможденный вид: мешки под глазами, бледное, почти пепельного цвета лицо. Даже его бицепсы кажутся меньше, чем были неделю назад. Я не шутил, когда сказал, что он выглядит так, как будто ему нужна медицинская помощь.

– Я ходил на исповедь, – бубнит младший брат в ладони.

– Что? – Я в замешательстве. – Зачем? Мы же не католики.

Мама ходила в Объединенную баптистскую церковь Бэйвью, но папа перестал посещать службы сразу после ее смерти. Хотя он продолжает жертвовать им немалые суммы, как любой другой хороший бизнесмен. Местные жители очень серьезно относятся к церкви, так что, появившись на церковной скамье утром в воскресенье, можешь искупить все свои грехи за неделю.

– Знаю, но думал, что это может помочь.

Сойер, должно быть, совсем дошел до ручки, раз отправился в часовню и сознался во всех своих грехах в надежде, что какое-то высшее существо вернет нам Себа. Я сажусь на корточки и кладу руку на спинку его кресла.

– Значит, ты пошел исповедаться, признался чуваку в бумажном воротничке, что любишь извращенный секс, и он сказал тебе, что именно

поэтому Себ оказался на больничной койке?

Сойер замирает на мгновение, а потом медленно кивает, по-прежнему закрывая ладонями лицо.

– По-моему, Бог работает по-другому. Полно людей, которые ходят в церковь и все равно умирают.

– Знаю. – Он трет глаза ладонями, все так же закрываясь от меня. Сойер явно расстроен чем-то еще, а не только тем, что сказал ему священник.

– Эй, – касаюсь я его плеча, но Сойер так и сидит, опустив глаза, – что случилось?

Он еле слышно что-то бормочет.

Я наклоняюсь ближе к нему.

– Что?

Сойер наконец поднимает голову. Взгляд поблек, голос звучит так же безжизненно.

– Лорен порвала со мной... с нами, – уныло говорит он.

– Хреново. – Но я не удивлен. За все время она ни разу не появилась в больнице. – Она позвонила тебе?

Брат усмехается.

– Написала. «Я больше не могу тебя видеть. Это слишком тяжело».

Первоклассно, что скажешь. Она никогда мне особо не нравилась, хотя я и старался относиться к ней с уважением ради близнецов. Но вслух я говорю другое:

– Мне жаль, бро.

– Да... Знаешь, сначала я переживал, как рассказать об этом Себу, а сейчас даже не знаю, представится ли мне вообще этот шанс.

– Он очнется, – говорю я с уверенностью, которой почти не чувствую. – И тогда вы найдете себе девочку погорячее Лорен, а ей останется корить себя за то, что она была такой дурой и бросила вас. И знаешь, что еще? Даже если ты уйдешь на пять минут, чтобы принять душ и съесть что-нибудь, не будет большой разницы, очнется ли Себ сейчас или через полчаса. К тому же, поменяйся вы местами, он не захотел бы, чтобы ты торчал здесь целыми сутками.

Сойер изучает мое лицо, как будто на нем написаны все ответы в мире. Но он удовлетворен тем, что увидел там, потому что коротко кивает мне и встает. Его немного шатает, как малыша Бэмби. Я вдруг вспоминаю сцену из прошлого, когда близнецам было пять, и они бегали по пляжу, спотыкаясь на каждом шагу, потому что их ноги были слишком большими для их тел. Но нельзя было протянуть им руку помощи, потому что эти

двое всегда принимали поддержку только друг от друга.

– Иди. – Я легонько, но твердо подталкиваю брата в плечо. – Я буду здесь. Позволь своему старшему брату хоть раз сделать что-нибудь полезное.

– Если он очнется...

– Я задушу его подушкой. Что за хрень у тебя в голове? Конечно, я позову тебя. – Я снова толкаю Сойера, потом еще раз и так до тех пор, пока он не начинает шевелиться.

Жду, когда он исчезнет в ванной, и только потом сажусь. И тут же встаю: Сойер так много времени провел в этом кресле, что сиденье ввалилось в форме задницы моего братца. Качая головой, я беру другое кресло и придвигаю его к кровати Себа.

– Тебе уже пора очнуться. Ты заставляешь своего брата волноваться. Он изводит себя, целыми днями напролет сидя у твоей постели.

Себ остается неподвижным.

– А, черт! Может, там, где ты, даже лучше. – Я провожу рукой по волосам и откидываюсь на спинку. – Ты, наверное, гоняешь на крутых тачках, спишь с шикарными девушками, ешь вкусную еду, и никто не выносит тебе мозг. Помнишь, как мы раньше веселились всей семьей?

Когда-то были пикники на пляже, неожиданные путешествия, устроенные в последнюю минуту, мамины поездки в Париж, из которых она возвращалась, держа в руках множество оранжевых и черных коробок. Мы устраивали киномарафоны в комнате с домашним кинотеатром, ели попкорн и пили домашние молочные коктейли. Мама много готовила, и поэтому Сэнди, наша экономка, почти не появлялась в кухне. Я пытаюсь дотянуться до этих воспоминаний, но перед глазами не возникает ни одной четкой картинки, лишь отдаленные ощущения. В последнее время я могу воссоздать в памяти ту атмосферу, только хорошенько напившись.

Я нервно ерзаю в кресле. Мне очень нужно выпить. Смотрю на часы. Сойер в душе уже пять минут. Все еще доносится шум воды. У меня получится выскользнуть из комнаты, найти магазин подарков и вернуться так, чтобы он не заметил?

Я уже наполовину поднялся из кресла, когда душ выключается. Блин. Приходится сесть обратно.

– Себ, как только Сойер уйдет, я сбегая за выпивкой. Чтобы когда ты очнешься, у нас было чем отпраздновать. – Я бью кулаком о кровать, но Себ не двигается. Я встаю и подбираю с пола свой рюкзак. – Сегодня я принес тебе немного порно, – достаю каталог самолетов. – AAV 510 запустили в производство. Двойной двигатель до – ты только послушай! –

двухсот восьмидесяти пяти миль в час, и самолет может пролететь восемь с половиной тысяч морских миль без дозаправки, а это значит, что он перелетит из Нью-Йорка в Токио без остановки в Анкоридже. В отделке интерьера использованы замша и красное дерево, матовое, а не полированное, потому что последнее уже вышло из моды.

Сойер выходит из ванной в больничном костюме и сушит полотенцем волосы.

– Что, черт побери, ты ему там читаешь?

– Самолетное порно. – Я машу ему листами спецификации на новый элитный легкомоторный самолет, который «Атлантик Эвиэйшн» наконец-то собралась производить после десяти лет проектирования и испытаний. Я бы очень хотел оказаться в кресле пилота этой малышки. Это самый мощный частный самолет с самой большой дальностью полета по запасу топлива среди всех существующих легкомоторных аналогов. Он произведет революцию в области международных перелетов для определенной категории населения – тех, кто не может позволить себе потратить четверть миллиона на аренду частного самолета и в то же время не желает летать коммерческими рейсами. Список очередности заказов уже растянулся на пять лет. Именно на поставку этих самолетов папа сейчас и заключает сделку.

– Ску-у-учно. – Сойер морщит нос от отвращения. Это увлечение – единственное, что Себ не разделял со своим близнецом, зато разделял со мной.

«Не разделяет», быстро исправляюсь я. Он же не умер, черт побери! Он по-прежнему обожает самолеты.

– Докторский прикид тебе к лицу. – У меня такое ощущение, что я сейчас вижу будущее Сойера. Врач в семействе Ройалов? Почему бы и нет.

– Лучше тебе принести ему настоящее порно.

– Ну, не знаю. Вдруг у него встанет, когда я буду рассказывать ему, как Сара и Саша наслаждаются друг другом? Чувак не может сам себе подрочить, а я не собираюсь делать это за него.

Сойер на минуту задумывается, а потом спрашивает:

– А что еще ты ему читаешь?

Я толкаю брата.

– Ты кто? Дежурный врач?

– Он мой брат, – угрюмо скрестив руки на груди, говорит Сойер. В этой позе, да еще с выпяченной нижней губой и нахмуренными бровями, он выглядит лет на десять старше.

– Мой тоже, – напоминаю я ему.

– Но мы близнецы.

– И ты никогда не даешь нам забыть об этом. Иди и поешь чего-нибудь, иначе я буду сидеть на тебе, пока ты не начнешь умолять о пощаде.

– Ты больше не сможешь так делать.

– Хочешь проверить? – Я выгибаю бровь. В последнее время я посещал тренажерку и дрался куда чаще своих братьев. – За неделю, проведенную здесь, ты зачах. Я смогу удерживать тебя одной рукой, убрав вторую за спину.

Наверное, Сойер сейчас очень уязвим, потому что даже не спорит, а показывает мне средний палец и выходит из палаты.

Я снова усаживаюсь в кресло.

– Ты должен очнуться и спасти нас всех от Сойера. Он превращается в ворчливого старикашку. Так, ладно, на чем мы остановились? Я рассказывал про технические характеристики. Короче, эта детка вмещает в себя двадцать человек, там есть полноценный душ и уборная. Вот уж на чем, а на отделке мы сможем хорошо заработать. Еще я слышал, как папа что-то говорил о военном самолете-невидимке, который они начали испытывать. Развивает скорость пять махов. Конечно, он не такой быстрый, как «Х-15»^[7] «Норт Америкэн», но, по крайней мере, его не надо перевозить, как авиетку^[8], и скидывать вниз, чтобы полетел. – Я листаю страницы.

У Себа даже веки не подрагивают.

– Ты такой же вредный, как Хартли. Я отправил ей уже дюжину сообщений, а она все молчит. Ты слышишь последние новости о самой крутой игрушке, которую сделал папа, и тоже игноришь меня. Может, хоть палец мне сожмешь? – Я беру Себа за руку. *Может, она, наконец, прочитает мои чертовы сообщения?*

Я закрываю лицо ладонью свободной руки от нахлынувшей на меня волны беспомощности. Нет, мне правда очень нужно выпить. Очень нужно. «Все будет хорошо», говорю я сам себе, делаю глубокий вдох, сажусь, выпрямив спину, и снова начинаю читать.

Глава 13

Хартли

Мой второй день в школе оказывается не лучше первого.

– Фелисити говорит, ты ничего не помнишь, – обращается ко мне какая-то девушка, когда я мою руки перед ланчем.

– Да ладно тебе, Бриджит! Ты же знаешь, что она притворяется, – говорит другая. Она складывает губы бантиком и наносит на них красный блеск. – Я бы тоже притворялась, что ничего не случилось, если бы чуть не убила Себастиана Ройала.

– Ты слышала, что Лорен ни разу его не навестила?

– Ходят слухи, что они расстались. Вчера после школы я заскочила в больницу, и Сойер выглядел очень подавленным, – подходя к раковине, включается в разговор третья девушка, с темными волосами и идеальной кожей. – Надеюсь, что Ройалы все-таки придут на вечеринку, потому что я точно знаю, как его утешить.

– Своим языком? – смеется девушка с блеском для губ.

– Сама знаешь.

Они дают друг другу пять.

Я чувствую себя лишней среди этих четырех девушек, таких хорошеньких в своей перешитой школьной форме: их юбки короче моей. На двоих девушках черные рубашки, под которыми виднеются яркие футболки, на темноволосой – белая расстегнутая рубашка навыпуск открывает роскошный кружевной топ.

Я смотрю на свою обычную рубашку и длинную клетчатую юбку и сразу же задаюсь вопросом: почему выгляжу так немодно и просто, хотя одета почти в то же самое, что и они.

– Даже не думай притащиться туда, Райт. Никто не хочет тебя там видеть, – говорит та, которая хочет Сойера.

– Даже не собиралась, – бормочу я.

– Почему? Считаешь себя выше нас, раз тебя трахнул Истон Ройал? – Она упирает руки в бока. – Ха! Ты дешевая шлюха, только и всего. Твой папочка купил тебе учебу в этой школе, и ты пытаешься через постель влиться в нашу компанию, но с нами такое не проходит! Мы не хотим иметь с тобой ничего общего!

Судя по всему, Бриджит права: я наверняка использовала Истона, чтобы влиться в «элиту» «Астора». Такой поступок был бы вполне в духе девчонки, которая списывает и шантажирует и которую на три года изгнали из собственной семьи. Так что даже если мне хочется поспорить с ней, я не знаю, имею ли право на это. Но в одном я уверена точно: Хартли после аварии не желает общаться с такими гадкими людьми.

– Я не хочу быть в вашей компании. – Я отрываю кусок бумажного полотенца и вытираю руки, а Бриджит и ее подружки в изумлении таращатся на меня.

Оказавшись в коридоре, я замечаю, что у меня дрожат руки, сжимаю кулаки и прячу в карманы своего блейзера. Я все еще стою у стены, когда мимо проходят три парня. Один останавливается и пятится назад, пока не оказывается прямо передо мной.

– Хартли, верно? – Парень выше меня на несколько сантиметров, с широкими плечами, массивной шеей и большими губами.

– Да. – Я всматриваюсь в его лицо, надеясь узнать, но тщетно.

Он протягивает руку и поднимает подол моей юбки своим телефоном.

– Ну-ка, что там у тебя?

Я резким движением опускаю юбку и отскакиваю в сторону.

– Не твое дело!

– О, так мне нужно заплатить прежде, чем посмотреть? – Он ухмыляется через плечо своим друзьям, которым, кажется, очень понравилась выходка этого придурка. – И сколько будет стоить посмотреть на твою киску? Полтинник? Сотка? Не волнуйся, у меня с этим все хорошо, правда, парни?

Я краснею, но не столько от стыда, сколько от бушующей внутри ярости.

– Если у тебя с этим все так хорошо, то зачем тебе платить девушке, чтобы залезть к ней в трусики? – Я проскальзываю мимо него, и мое сердце колотится так сильно, как будто вот-вот выскочит из груди.

С напряжением жду, что парень схватит меня за запястье, но он лишь бурчит что-то типа «У тебя никогда не было никого лучше».

Мое терпение достигло максимума, я больше не могу выносить оскорбления и нападки, поэтому вместо столовой иду к автомату с закусками у библиотеки и покупаю себе диетический батончик. В голове стучит, ребра болят, а руки до сих пор трясутся после той стычки с придурком в коридоре. Интересно, что нужно сделать, чтобы меня исключили из «Астор-Парка»? За списывание всего лишь отстраняют от занятий. Кому, как не мне, это знать.

Пока ем батончик, позволяю себе немного слабости. Потом выбрасываю обертку в урну и толкаю дверь в библиотеку. Мне нужны ответы.

Отыскав свободный компьютер, я открываю новый текстовый документ. На чистом листе начинаю перечислять все «факты», которые узнала, приписывая каждому цифру по шкале правдоподобности. «Пять» обозначает «я действительно уверена, что это имело место». «Один» – «черта с два это было».

Я встречалась с Кайлом – 1: у меня есть только его слова.

Спала со всеми подряд – 2: то, что я девушка свободных взглядов, подтвердил больше, чем один человек.

Переспала с Истоном – 5: ладно, может, я не переспала с ним, но что-то между нами точно было. Парень не станет приезжать в булочную в десять вечера, предлагать свою куртку и отвозить домой просто так.

«Брэн тоже отвозил тебя домой», напоминает мне внутренний голос. Он сказал, что мы дружили, что не знает наверняка, встречалась ли я с Кайлом, но подтвердил, что меня отстраняли от уроков.

Списывала – 5.

Глядя на маленький список, задаюсь вопросом: я что, знаю о себе всего четыре факта? А как же еда, которая мне нравится, музыка, которую я люблю слушать? Почему у меня нет друзей? Я смотрю на курсор и моргаю, моргаю, моргаю...

Тут меня осеняет. Сейчас двадцать первый век. Не существует живого человека, у которого не было бы истории в цифровом информационном пространстве. Я наверняка фотографировала себя. Как-то фиксировала то, что ела, что носила и куда ходила. Отыскав свои аккаунты, я смогу воссоздать по кусочкам свое прошлое, каким бы дерьмовым оно ни было.

Я открываю окна браузера, забивая в адресную строку все известные мне социальные сети. Я запускаю поиск за поиском, вводя свое имя, дату рождения, адрес.

В сети много Хартли Райт, но среди них нет меня. Есть Хартли Райт из Орегона, которая работает медсестрой, и Хартли Райт из Джорджии, которая любит вязать. Есть Хартли Райт на три года старше меня, которая учится в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе и проживает

лучшие годы своей жизни в компании своих друзей и супергорячего бойфренда (хотя ему далеко до Истона Ройала) и у которой огромный стенной шкаф. Но моих аккаунтов нет.

Как такое вообще возможно? Как будто кто-то удалил все, что было связано со мной.

Мне удастся отыскать свою кузину Дженнет, но ее профиль закрыт. Я быстро создаю аккаунт на «Фейсбуке», чтобы отправить ей запрос в друзья. Она не отвечает. Я беспомощно откидываюсь на спинку стула. Как и я, она сейчас в школе. Но, в отличие от меня, не прогуливает уроки.

Я барабаню пальцами по столу. Почти полное отсутствие информации выглядит странным. Может, я просто не знаю, как правильно искать онлайн. Не похоже, чтобы я когда-то искала в Сети себя, собственно, как не могу припомнить, чтобы искала в Сети кого-то другого. Мне кажется... Мне кажется, что я всегда была тихой и замкнутой. Вполне возможно, что никаких фотографий нет еще и потому, что у меня почти не было друзей в той школе на севере. Чувствую, что я не из тех, кто делает много селфи, и все потому, что мне не особенно нравится мое круглое лицо.

Может, я не ходила на вечеринки, предпочитая оставаться дома и читать. Это объяснило бы, почему в моем расписании в «Асторе» несколько предметов с повышенным уровнем сложности, хотя я и не кажусь себе особо умной.

Вздохнув, я закрываю все окна браузера и думаю о том, что делать дальше. Мне по-прежнему нужен телефон. Придется попросить у родителей. Интересно, была ли у меня работа, когда я училась в той школе-пансионе? У меня вообще есть деньги? В столе кошелька не было, а моя сумка пропала.

Раз поиски в интернете ничего не дали, я решаю, что нужно искать зацепки в семье. Остаток учебного дня я посвящаю тому, что создаю новые аккаунты в соцсетях на случай, если со мной захочет связаться кто-то из моего прошлого.

Вопреки себе я ищу Истона Ройала. У него есть аккаунт в «Инстаграме», где около пятнадцати фотографий: по большей части самолетов, его пикапа и братьев. Он не большой любитель селфи, но в сети много его снимков. Он почти всегда улыбается, выглядит невозможно сногсшибательно и обнимает какую-нибудь девушку. Есть несколько фоток, где он целуется с девушками, и все время с разными. Я нахожу несколько фотографий с Фелисити. Она смотрит на него так, как будто уже спланировала их свадьбу.

Истон очень фотогеничный и получается хорошо даже вспотевшим и

взъерошенным после футбольной тренировки, даже когда приезжает в школу спросонья, даже когда стоит на пирсе перед колесом обозрения...
Стоп!

Это та самая фотография, которую Фелисити сунула мне под нос в больнице. Тогда я не всматривалась в нее. Но сейчас снимок на экране из-за своей красоты кажется фальшивым. Фонари пирса похожи на мазки кисти на черном холсте. По центру расходится какое-то божественное сияние, подсвечивающее высокого парня, склонившегося над девушкой ниже него ростом. Его руки запутались в ее волосах. Она цепляется за его талию. Ее симпатичная укороченная толстовка приподнялась, обнажая полоску кожи. Их губы слились в поцелуе. У меня учащается пульс, в животе начинают порхать бабочки. Я провожу пальцем вдоль его спины, а потом прижимаю свой большой палец к губам.

Каково это, когда *ТАКОЙ парень вот так* целует тебя?

Я нажимаю на хештег с именем Истона Ройала (конечно же, у него есть собственный хештег). Останавливаюсь на фотографии, сделанной примерно год назад. Вокруг темно, но разглядеть двух людей не составляет труда. Это Истон и его сводная сестра или кто она там ему – Элла. Выглядит она роскошно: на ней черное облегающее платье с вырезами. Его руки лежат там, где ее кожа обнажена. Она обнимает Истона за шею. Они целуются. Его глаза закрыты. Этот интимный момент нежности снят по-настоящему красиво, так красиво, что меня начинает тошнить.

Истон меняет девушек, как перчатки – 5.

Истону нравится его сводная сестра – 5.

Фелисити говорит правду, хоть и дерьмовую – 4.

К несчастью.

Звенит звонок. Я заставляю себя выключить компьютер. Стул в конце стола со скрипом отодвигается, привлекая мое внимание. Подняв глаза, я встречаюсь взглядом с какой-то девушкой. Бегло оценив меня, она уходит, не сказав ни слова.

У меня тут же появляется сильное желание броситься вслед за ней и извиниться, хотя я не знаю, почему она злится на меня. Вполне возможно, что я чем-то обидела ее в прошлом, просто не помню. Кто знает, со сколькими чужими бойфрендами я переспала, на скольких предметах списывала, сколько раз причиняла боль другим?

Эта авария как пощечина от вселенной. Очнись! Очнись и стремись стать лучше. Я расправляю плечи. Не знаю, какой я была раньше, но

отныне я стану честным и порядочным человеком.

Я иду напрямиком на автобусную остановку напротив «Френч-Твист», что всего в четырехстах метрах от Астора. Отсюда я доеду до торгового центра, где пересяду на третью линию и сойду неподалеку от дома. Та еще головная боль, конечно, но вполне терпимая.

Шагая по тротуару, я слышу автомобильный гудок. Второй день подряд я поднимаю глаза и вижу машущего мне рукой Брэна Мэтиса. Из нашего вчерашнего разговора выяснилось, что он новый квотербек футбольной команды «Астор-Парка» и не так бессовестно богат, как все остальные ученики этой школы. Мне он показался по-настоящему хорошим парнем.

Поравнявшись со мной, Брэн жмет на тормоз.

– Я собирался купить маме мороженое. Хочешь со мной?

Глава 14

Истон

– Хочешь чего-нибудь? – спрашиваю я Сойера.

Мы уже два часа занимаемся, чтобы не отстать в школе, и не знаю, как он, но я уже готов сделать перерыв.

Брат выглядит лучше: на щеках появился румянец, мешки под глазами стали меньше и больше не напоминают две огромных сливы. Под ворчание Эллы и мои угрозы он вчера два раза поел и проспал не меньше шести часов. Сегодня у нас в планах три раза поесть и десять часов поспать. Мы с ним уже позавтракали и съели ланч, немного поиграли в *Call of Duty*, а теперь вот делаем домашку.

Но больше всего на пользу Сойеру пойдет не просиживать днями в больнице, а вернуться в школу. Если ему так нужно заботиться о ком-то, пусть приглядывает за Хартли вместо меня.

Я спросил про Хартли у Эллы. Ее «не знаю» прозвучало довольно резко, но я списал это на то, что она слишком нервничает перед сегодняшней встречей с адвокатом. Любое напоминание о биологическом отце Эллы, Стиве, вгоняет ее в ужасное настроение.

Сойер откладывает в сторону учебник по химии и виновато смотрит на кровать Себа, словно, пока тот в коме, ему нельзя позволять себе радоваться хоть чему-то.

Я вскакиваю и беру свой бумажник.

– Поеду куплю двойной молочный коктейль в «Ай-Си».

Сойер облизывает губы. Это его любимый.

– Эм...

– Ладно, возьму тебе тоже, – не оставляя ему выбора, говорю я.

Поездка до «Ай-Си» получается быстрой. Кафе находится ровно посередине между больницей и школой. Обычно там тусуется чуть ли не весь «Астор-Парк», поэтому, войдя внутрь, я не удивлен, что в маленьком кафе-мороженом полно народу.

Дом, один из моих товарищей по команде, сидит за стойкой у окна вместе со своей девушкой Тамикой и кормит ее одним на двоих банановым сплитом.

– Йоу, Ройал! – кричит он. – Как дела? Ты бросил учебу?

– Был в больнице.

Лицо Дома смешно кривится, как будто он пытается придать ему правильное выражение. Его девушка с силой бьет парня в грудь.

– Дом! Хоть раз в жизни води себя цивилизно!

Но вряд ли он даже почувствовал этот удар, потому что его тело – сто с лишним килограммов стальных мышц. В следующем году он уже будет в Алабаме, вселять страх в сердца квотербеков других колледжей.

– Да, прости, – бормочет Дом, но непонятно, кому именно адресовано это извинение – мне или его девушке.

– Он просит прощения, – поясняет она. – Его мама умерла бы от стыда.

– Только не рассказывай ей, – испуганно говорит Дом. – Я же просто пошутил!

– Все нормально, – заверяю я его. – Сегодня здесь многолюдно.

Я окидываю взглядом очередь, не останавливаясь ни на ком конкретно.

– Ага. Уиллоби неожиданно устроил нам проверку по конституционным поправкам. – У Дома такой вид, как будто он вот-вот расплачется. И я понимаю почему: его мама умеет нагнать страху.

– Похоже, я выбрал правильное время не ходить в школу. – Я хлопаю его по плечу. – Ладно, увидимся. Мне нужно возвращаться в больницу.

Я поворачиваюсь, чтобы встать в очередь, и в этот самый момент в меня врзается тело ростом где-то метр шестьдесят и вываливает мороженое из своего рожка на мой свитшот *BAPE*.

– О боже, извини! – Хартли проводит рукой по моей груди, еще больше размазывая по ней ванильное мороженое.

Тамика отталкивает Хартли в сторону и вкладывает мне в руку салфетки.

– Эй, девочка, тебя не учили смотреть под ноги? Ты только что испортила свитшот за полторы тысячи баксов!

– Полторы тысячи? – У Хартли отвисает челюсть.

– Все нормально, – успокаиваю я обеих.

Харт поднимает голову, и ее глаза становятся размером с два огромных блюда.

– Что-то случилось? – вмешивается другой голос.

Я вижу перед собой Брэна Мэтиса, нашего квотербека, который недавно перевелся из другой школы. Он заглядывает через плечо Харт.

– Да, – в один голос говорят девчонки.

– Нет, – в то же самое время отвечаю я.

Мэтис смотрит на мой свитшот, потом на Хартли, потом опять на меня

и останавливается на фирменном изображении обезьяны. В отличие от Харт он узнал бренд. Но все это неважно, о чем я и сообщаю.

– Ерунда. – Я улыбаюсь Хартли, глядя на нее сверху вниз. – Отлично выглядишь. Надеюсь, бережешь себя?

Я оглядываю ее с головы до ног, чтобы убедиться, что ее больше не мучают травмы, полученные в аварии, – по крайней мере, физически – или, не дай бог, травмы, снова нанесенные ее отцом.

Но ничего необычного не замечаю. Никаких синяков, порезов или царапин. Когда она двигается, то не морщится от боли и не замирает в напряжении. Прядь волос упала ей на глаза. Я протягиваю руку, чтобы убрать ее, но на плечо ей ложится ладонь и отодвигает Харт в сторону.

Дом втягивает в себя воздух. Тамика ойкает.

Я недоуменно моргаю, и мой взгляд следует вверх по мужской руке, лежащей на плече моей девочки, к лицу Брэна. До меня не сразу доходит, что это ладонь Мэтиса лежит на плече Хартли, именно там, где должна лежать моя.

Харт тоже выглядит рассеянной, как будто не понимает, зачем Брэн коснулся ее. Я скидываю его руку с ее плеча.

– Это непорядочно, чувак.

– Да неужели? И ты будешь говорить мне о порядочности? Пойдем, Хартли. Можешь взять мой рожок. – Он протягивает ей свое мороженое, которое только что облизывал.

Я вообще не понимаю, что сейчас произошло. Брэн Мэтис увивается за моей девушкой, трогает ее, делится с ней своим рожком... Черт, ну уж нет!

– Спасибо, но я куплю ей новый.

– Мне не нужен... – начинает Харт.

– Вообще-то мы уже уходим, – вмешивается Брэн. – Мне пора домой. Харт кивает. Кивает, черт побери!

– Хорошо. Еще раз извини за свитшот. Я могу почистить его.

– Можешь почистить его? – повторяю я за ней, как тупой идиот.

– Да, если хочешь. И еще у меня осталась твоя куртка.

Помещение плывет перед глазами, ноги подкашиваются. Все то время, пока я закидывал ее сообщениями, волновался о ней каждый вечер, спал на полу в ее квартире, пытался заставить своего младшего брата вернуться в школу, чтобы приглядывать за ней, пока меня нет, Хартли закрутила роман с Брэном, мать его, Мэтисом?

Во мне смешались гнев, недоумение и обида, но, не желая выдать свои эмоции, я надеваю на лицо маску – ту самую, что носил постоянно, пока в

моей жизни не появилась Хартли.

– Бро, когда я говорил, что мы в одной команде, то имел в виду футбол, а не девчонок.

Харт что-то говорит, но ярость слишком сильно бушует во мне, чтобы услышать ее. Меня не было в школе два дня, а она уже встречается с квотербеком «Астор-Парка»? Такое ощущение, что это я ударился головой неделю назад, отчего у меня появились галлюцинации, и теперь развитие событий напоминает гротескную пародию на происходящее в реальном мире.

– Ты решила, что тебе мало проблем с головой и нужно больше? – спрашиваю я у Хартли.

Она растерянно хмурит брови.

– Что?

– Док сказал, что тебе нельзя полагаться на воспоминания других людей. – Я зло показываю рукой в сторону Брэна. – Нельзя слушать небылицы, которые они рассказывают о тебе, о твоём прошлом...

– Эй, я не рассказываю ей никаких небылиц, – вмешивается Брэн.

Я бросаю на него яростный взгляд, заставляя умолкнуть, и вновь поворачиваюсь к Хартли.

– Ты идешь по опасному пути. – Пробурчав это, я ухожу, потому что если задержусь еще хотя бы на секунду, то стулья, стоящие перед зеркальной витриной кафе, вылетят через нее на тротуар. Слишком сильна потребность крушить что-нибудь, впечатать свой кулак в кого-нибудь и услышать тошнотворный хруст. Я рывком распахиваю дверцу своего пикапа, чуть не сорвав ее с петель.

– Почему тебе так важно, что она думает?

Задержавшись у дверцы, я оборачиваюсь и вижу в паре шагов от себя Фелисити. Она уже сменила школьную форму на дорожную спортивную одежду – шелковые тренировочные штаны «Прада» и кашемировый бомбер. Они бы идеально подошли Хартли. Я мог бы купить их ей... И я тут же гоню от себя эту мысль.

– Не твое дело.

– Она не стоит твоего времени, – продолжает Фелисити как ни в чем не бывало. – Ты богаче Брэна, красивее и выше него по положению в обществе. Вполне естественно, что этих двоих тянет друг к другу. Они же оба вращаются на самом дне. – Она помахивает рукой из стороны в сторону на уровне своей талии. – А ты и я, Истон, находимся вот здесь, – ее рука поднимается над головой, – вместе.

– Я скорее суну свой член в выхлопную трубу своего пикапа, чем в

тебя, – отвечаю я и залезаю в машину.

Фелисити так и остается стоять на месте, так что мне приходится въехать на край тротуара, чтобы не сбить ее.

У этой девчонки, похоже, совсем нет мозгов, раз она считает, что мы когда-нибудь будем вместе. Даже если бы она осталась единственной женщиной на Земле и мне нужно было бы переспать с ней, чтобы выжить, я бы предпочел броситься в кратер ближайшего вулкана.

В одном она права: я считаю, что лучше всех подхожу Хартли. И дело даже не в том, что я богаче Брэна, хоть это и правда, а в том, что я буду бороться за нее. Как только Хартли появилась в «Асторе», Брэн сразу же проявил к ней интерес, но он сдался после первого же разговора со мной. Парень не заслуживает второго шанса. Я еще не закончил с Харт. Я никогда... Мне приходится резко нажать на педаль тормоза, потому что я проехал поворот к больнице. Дав задний ход, я разворачиваю пикап прямо посреди дороги, игнорируя гудки клаксонов и злобные крики проезжающих мимо водителей.

Показав им всем средний палец, я несусь по дороге, ведущей к больнице, и оставляю пикап на полосе, обслуживаемой парковщиком, которому бросаю ключи.

– Истон Ройал, – говорю я сквозь зубы и, не дожидаясь ответа, прохожу через двери главного входа.

Подходя к палате Себа, я все еще бешусь от злости.

– А ты быстро, – говорит Сойер, увидев меня в дверях.

Я плюхаюсь на каменный диван и включаю телевизор.

– Ты привез мне коктейль?

– Ты же сказал, что ничего не хочешь, – огрызаюсь я.

– Я ничего такого не говорил. Ты же сам объявил, что привезешь мне большой коктейль.

– Если тебе так сильно его хочется, съезди за ним сам, черт тебя дери! – Я переключаю каналы, но мне не нравится ничего из того, что показывают. Спортивный развлекательный канал – кому хочется смотреть боулинг? Национальный канал – снова «Спасатели Малибу»? Сколько уже лет этим придурам? *MTV* – подростковая беременность. Нет уж, спасибо!

– Да какая муха тебя укусила?!

«Харт!», хочется закричать мне, но я же не маленький ребенок. Я мужчина, и меня ничуть не трогает это дерьмо, что девушки уходят к другим парням, что те, о ком ты заботишься, плюют тебе в душу. Все эти эмоции для слабых и глупых.

Я забил на них, когда мама покончила с собой. Она обещала любить

меня вечно, но нарушила свое слово, когда мне было четырнадцать. Хартли вообще не говорила мне ничего подобного. Никаких нарушенных клятв, никакой лжи. Она даже не может вспомнить меня. Настолько я не важен для нее.

– Все эта чертова палата. – Я бросаю пульт в сторону. – Зачем нам молочные коктейли, Сойер? Нам уже не десять лет. Алкоголь – вот что нам нужно. Только он поможет нам справиться со всем этим дерьмом.

– Думаешь? – Он, похоже, заинтересовался. – Но разве в больнице разрешен алкоголь?

Последнее предложение он говорит шепотом, как будто противозаконно даже говорить об этом.

– А как они узнают?

– И где ты возьмешь выпивку?

Я хватаю свой рюкзак и расстегиваю молнию. На самом дне лежат две бутылки «Смирнофф», которые позвякивают там еще со времен последнего матча в сезоне. В одной осталась лишь треть. Я откручиваю крышку и протягиваю бутылку Сойеру.

– Ты носишь с собой водку? – удивленно спрашивает брат, но берет бутылку и подносит к губам.

Я ощущаю укол вины, но отмахиваюсь от этого чувства. Что необычного в том, чтобы иметь при себе немного спиртного? Тем более я давно ничего не пил – с тех пор как произошла авария. К тому же сейчас я не планирую садиться за руль, а когда приедет Элла, уже протрезвею. Не напьюсь же я в стельку с нескольких граммов водки. Наверное, даже легкого опьянения не почувствую.

– Здесь не так уж много. – Сойер вытирает губы тыльной стороной ладони.

– У меня в пикапе есть еще, – уверяю я, и это правда – у меня всегда лежит несколько бутылок в грузовом отделении, рядом с домкратом. Ухмыляясь брату, я откидываю голову и вливаю водку прямо в горло.

Глава 15

Хартли

Все произошло очень быстро: мороженое, вывалившееся из рожка, рука Брэна на моем плече, разгневанный Истон, покидающий кафе. По-моему, все смотрят только на меня. Видимо, до аварии мне едва ли приходилось бывать в центре внимания, потому что я чувствую себя неуютно. Я смотрю вниз, чтобы проверить, застегнута ли ширинка, и понимаю, что на мне по-прежнему форменная клетчатая юбка.

Я сама невозмутимость, но это лишь снаружи. Внутри я растеряна, дрожу и готова провалиться сквозь землю. Но за два дня в школе я быстро поняла, что, показав свою слабость, тут же станешь жертвой.

Я расправляю плечи, поднимаю подбородок и выхожу из кафе. Меня тут же ослепляют лучи послеполуденного солнца, я неуклюже спотыкаюсь и едва не падаю лицом на асфальт. Расстроившись, прячусь за машину Брэна и жду его возвращения.

Он появляется спустя пять минут, держа в руке новый рожок с мороженым.

– Вот, держи. Не хотел, чтобы ты возвращалась домой с пустыми руками. – Брэн протягивает его мне, но сейчас я боюсь даже взять у парня мороженое, потому что это может выглядеть согласием пойти по пути, на который я не хочу больше ступить.

– И что это было? – спрашиваю я.

– В каком смысле? – Брэн невинно моргает, откусывая от своего мороженого.

Мне не нравится, что он строит из себя дурака, и я многозначительно смотрю на него. Брэн не полный идиот, поэтому поджимает губы и отводит взгляд.

– По-моему, ты говорил, что мы были друзьями, – говорю я. Ему везет, что на улице прохладно, иначе мороженое уже давно бы стекало по его пальцам.

– Да, были. Мы и сейчас друзья, – отвечает он куда-то в сторону парковочного счетчика.

– Тогда почему ты ведешь себя так, будто между нами что-то есть? – Нет, конечно, такое возможно, но лично я в этом сомневаюсь, потому что не

настолько самонадеянна, чтобы думать, будто мне каким-то образом удалось затащить в постель самого популярного парня в школе, а потом еще и квотербека футбольной команды. Все происходящее со мной сейчас – травля со стороны Фелисити, отношение одноклассников, этот мальчик с солнечной улыбкой, второй день подряд катающий меня по городу, – на самом деле почти не имеет ко мне никакого отношения. Истон Ройал – вот эпицентр шторма. Я лишь получаю удары, потому что лечу в его реактивном потоке. – Что ты имеешь против Истона?

Мой вопрос заметно смущает его, потому что он отвечает не сразу, прикрывшись своим мороженым. Я терпеливо жду, пока Брэн доест, но это не занимает много времени.

– Мне нравится Истон, – наконец отвечает он. – Он классный защитник, и я рад, что мне не пришлось играть против него. С ним весело тусоваться, но...

Все время эти «но». Я уже начинаю злиться и испытываю желание защитить Истона.

– Если он хороший парень, тогда, может, тебе не следовало злить его? Я не пешка, которую можно передвигать по доске, чтобы обыграть других игроков.

Брэн хмурится.

– Все совсем не так.

– Тогда объясни.

– Ладно. – Он скрещивает руки на груди. – Истон бабник, понимаешь? Я не хочу, чтобы он воспользовался твоей ситуацией.

Брэн считает меня слабой и уязвимой. Прекрасной дамой, которую нужно спасти. Может, я сейчас не в самой лучшей форме, но все равно могу постоять за себя.

– Я почти ничего не знаю о своем прошлом за последние пару лет, но планирую все выяснить, и лучше в одиночку. Спасибо за мороженое и за то, что подвез. – Я собираюсь уходить.

Брэн хватается меня за руку.

– Хартли, подожди. Прости меня. Это была импульсивная реакция. Мою сестру обманул парень типа Истона, и мне бы не хотелось, чтобы с тобой случилось то же самое. Вот и все.

Я осторожно ослабляю его хватку.

– Я верю тебе и ценю твою заботу, но все равно поеду на автобусе.

Оставляю Брэна посреди тротуара и шагаю в сторону автобусной остановки. Эти поездки с Брэном с самого начала казались мне неправильными, но я не могла понять почему. Он был милым и

безобидным. Не подкатывал ко мне. Отвечал на мои вопросы, как мог, даже на неудобные типа моего списывания. Но мне никогда не было на сто процентов комфортно с ним. И только после того, как я столкнулась сегодня с Истоном, все встало на свои места.

Стоило мне посмотреть в эти синие, словно океан, глаза, как внутри меня появилось чувство вины. Как будто я сделала что-то не то. Когда Брэн положил руку мне на плечо, на лице Истона мелькнули изумление и обида, но он быстро пришел в себя и спрятал эмоции за насмешками. А мне было так же плохо, как если бы Истон застал нас с Брэном голыми.

Он прав. Я делаю все, что не рекомендовал мне делать доктор. Каждую ночь силюсь вспомнить, кем была последние три года, и каждый день кто-нибудь стремится донести до меня свою версию правды. И я с готовностью принимаю ее. Так или иначе, в моей голове какая-то каша из «Эм-энд-эмс» и «Скиттлз». Я не могу отличить шоколадные драже от фруктовых, а когда пытаюсь угадать, то ощущаю отвратительный привкус во рту.

Может, мне лучше не оглядываться назад? Конечно, ужасно потерять три года из жизни, но не хуже ли стараться вспомнить и потерпеть неудачу? А если это дар? Как много людей получают реальный шанс избавиться от чувства вины за свои прошлые грехи и начать новую жизнь свободными?

Так почему бы не начать все с начала, в том числе и новые отношения – со своими родителями, сестрой, учителями и одноклассниками из «Астор-Парка»? Мне следует благодарить судьбу: не у каждого есть возможность получить аттестат частной академии «Астор-Парк». Благодаря лишь этому я смогу поступить почти в любой колледж. *Настолько* престижным считается «Астор».

Что толку пытаться реконструировать прошлое, основываясь на воспоминаниях других людей? Это даже не воспоминания, а так, версии – вольный пересказ событий. Если бы мне пришлось снимать фильм о своем прошлом, я была бы героиней, которая читала бы одиноким старикам в домах престарелых, спасала животных или рыла канавы в деревнях, и уж никак не малодушной выскочкой, которая использует людей, чтобы подняться по социальной лестнице.

От моих попыток вспомнить или загладить свою вину за то, что я делала в прошлом, больше вреда, чем пользы. Начиная с этого момента, я буду учиться приспосабливаться к своей амнезии. Если кто-то даст понять, что я ему не нравлюсь, не стану спрашивать, что сделала, а попрошу прощения. Перестану слушать истории людей типа Кайла и Фелисити, потому что это бесполезно, пусть даже что-то из того, что они рассказывали, правда.

Ну и что, что я не могу вспомнить кружащее голову блаженство, когда мальчик первый раз взял меня за руку, или ликование от хорошей оценки за проект, в который вложила всю душу? Или тепло праздников, когда все собираются вокруг елки и поют рождественские гимны, и свои радостные улыбки при виде того, как самые дорогие мне люди открывают с любовью выбранные мной подарки? Я говорю себе, что это не так уж важно, потому что смогу создать новые воспоминания. И они не будут запятнаны ужасными безнравственными поступками, которые я совершала до удара головой.

Я ожидаюсь автобуса, бросаю мелочь в щель для монет и сажусь на задней площадке.

У меня снова будет все «первое»: первая любовь, первый поцелуй, первый раз. Я утираю с лица слезы. Это же чудо, честное слово. Соленая струйка попадает в уголок губ. Слезы текут все сильнее, и я уже не успеваю вытирать их.

Настоящий подарок судьбы.

Я повторяю себе эти слова всю дорогу до дома в надежде, что, переступив порог, поверю в них.

Глава 16

Истон

– Здесь воняет, как на ликеро-водочном заводе, – доносится откуда-то сверху голос Эллы. Такое ощущение, как будто она говорит через трубу, очень длинную трубу.

Я машу ей рукой, чтобы она подошла поближе.

– Что ты говоришь?

– От тебя воняет.

Мне на лицо приземляется что-то мокрое и тяжелое.

– Какого черта!

– Ты можешь говорить внятно?

Я и так говорю внятно. Изъясняюсь на идеальном английском. Наверное, у нее что-то со слухом.

– Что не так?

– Уф! Соьер! Соьер! Черт, ты тоже пьян. Супер. Простите, Каллум, но ваши сыновья сейчас не могут подойти к телефону. Они прикончили бутылку водки.

Я поднимаю пальцы. Их было три. Оскорбительно, что она считает, будто нас могло унести с одной бутылки.

– Вылить им воду в лицо? Я уже бросила мокрое полотенце на Истона, но это не сработало. Ладно, я попробую.

Полотенце! Так вот что это. Я пытаюсь убрать его с лица, чтобы было чем дышать, и со второй попытки мне это удастся.

– Дай мне теле...

Плеск!

Поток воды заглушает мои слова. Я вскакиваю с дивана и злобно смотрю на Эллу, моргая глазами.

– Какого черта?

– Помогло, – с удивлением в голосе говорит Элла в трубку. Потом слушает, что отвечает ей человек на другом конце провода – она сказала «Каллум»? – и бросает мне полотенце.

Я ловлю его и вытираю лицо, не сводя с нее глаз на случай, если она решит вылить мне на голову еще одно ведро. Шестеренки в моей голове начинают медленно вращаться. Элла говорит с моим отцом.

– Не уверена, что он в состоянии разговаривать. У него в руке зажато полотенце – наверное, на его месте он представляет мою шею.

Ну, я не стал бы душить ее, но внутри меня бушует гнев. Мы с Эллой всегда были близки. Никогда бы не подумал, что она станет стучать на меня папе.

Оттолкнувшись от дивана, я забираю у нее телефон.

– Как Дубай?

Видите, я все прекрасно помню. Но мое ликование длится всего секунду, потому что комната вдруг начинает вращаться. Папа что-то говорит мне, но я не понимаю ни слова – трудно на чем-то сосредоточиться, когда ты изо всех сил стараешься, чтобы тебя не вырвало на мраморный пол.

– Ты можешь повторить?

– Я просил тебя позаботиться обо всех, пока меня не будет. Ты обещал, что справишься.

Повисает пауза. Наверное, он ждет моего ответа.

– Я справляюсь.

– Как? Напоив водкой своего несовершеннолетнего брата в больничной палате, где его близнец лежит в коме?

В этот раз неприятное ощущение в животе никак не связано с количеством выпитого алкоголя.

– Ну, когда ты *так* это говоришь, звучит действительно не очень, – пытаюсь отшутиться я, но у меня ничего не выходит.

Молчание на том конце затягивается. Папа, наверное, представляет, как скидывает меня с балкона своего гостиничного номера на сто пятом этаже.

– Я жду, когда ты повзрослеешь, Истон. Тебе восемнадцать. И помоги Господь тем, кто живет за пределами Бэйвью, потому что мне придется отправить тебя к ним.

Его послушать, так я какое-то экологическое бедствие... Хотя разве не я сам когда-то сказал Элле, что мы, Ройалы, словно ураган четвертой категории? Может, папа не так уж сильно ошибается. Но все равно не очень весело слушать, когда твой собственный отец о тебе так отзывается. Еще один глоток водки точно поможет мне вытерпеть его отповедь до конца. Я оглядываю комнату в поисках своего рюкзака. Мы правда все выпили или осталась хотя бы одна бутылка?

– Я буду обращаться с тобой как с ребенком ровно до тех пор, пока ты не начнешь вести себя как взрослый. А значит, в дополнение к запрету на полеты идет запрет на вождение машины.

– Я не вожу машину. У меня пикап.

– Клянусь всеми святыми, Истон Ройал! – взрывается отец. – Это не шутки! Жизнь не шутка! Твое поведение небезопасно. Возьмись за ум или следующий семестр ты проведешь в «Цитадели». Начиная с этого момента ты остаешься без машины и без денег. Если тебе что-то понадобится, сначала ты должен будешь получить от меня разрешение, и я хочу, чтобы свои просьбы ты излагал в письменном виде. Слышишь меня?

– По-моему, тебя слышит весь этаж, – отвечаю я. Провожу языком по сухому рту. Мне дико хочется пить. Куда же подевалась чертова бутылка?

– Вернусь через двадцать четыре часа. Постарайся не сильно налажать до моего возвращения, – грохочет в трубке его голос, и папа отключается.

Я таращусь на телефон.

– Он положил трубку.

Элла выдергивает телефон из моей руки.

– Чему тут удивляться? Ты напился в больнице, Истон! Твой младший брат в отключке – тот самый, у которого сейчас болит душа оттого, что его лучший друг, его близнец находится в коме. А ты лишь шутишь на эту тему, потому что по какой-то непонятной мне причине тебе слишком трудно извиниться. Я люблю тебя, Ист, но ты переходишь всякие границы!

Внутри меня поднимается что-то темное и гнусное. Она даже не член нашей семьи. Ее фамилия О'Халлоран, а не Ройал. Ей здесь нечего делать. Она живет в нашем доме лишь потому, что папа пожалел бедную сиротку, которую нашел в каком-то захудалом стриптиз-клубе. Она с нами только из-за того, что спит с моим братом. Она...

– Дюран останется с близнецами, а я отвезу тебя домой.

В палату входит шофер отца, сжимая в огромной руке скрученный в трубочку журнал.

Я проглатываю злобные слова, чуть не сорвавшиеся с языка.

– Супер.

Подобрав с пола рюкзак и закинув его на плечо, я представляю, что внутри звенят две бутылки от газировки, а не от водки «Смирнофф». Ощуаю укол стыда и стараюсь не смотреть на Эллу. Она обидится и расстроится, если узнает, о чем я думал.

И когда только я стал таким козлом? Это роль моего брата Рида. Я же всегда был любящим повеселиться Ройалом. Парнем, который знает, как можно отлично провести время. Неужели Элла права, и я действительно начинаю слетать с тормозов?

Мы в больнице. Я просто сорвался из-за Харт и Брэна и того, что Себ по-прежнему в коме. Взяв себя в руки, напоминаю себе, что Элла все равно

на моей стороне, как бы она себе ни вела, и выхожу из палаты вслед за ней. Мы молча идем по коридору и так же молча входим в лифт, чтобы спуститься на первый этаж. Тишина, повисшая между нами, кажется гнетущей и натянутой, как будто она прочитала мои мысли.

Я пытаюсь растопить лед.

– Знаешь, вообще-то, больница – самое лучшее место, чтобы напиться. Если вдруг тебе станет плохо, медсестра всегда поставит тебе капельницу.

Элла вздыхает.

– Уверена, именно об этом ты и думал, когда наливал водку своему несовершеннолетнему брату.

– Близнецы давно уже пьют спиртное, Элла. Или ты считаешь, что сегодня Сойер впервые напился?

– Дело не в этом. Ему не следует пить, когда он так подавлен из-за Себа...

– Ты что, переквалифицировалась в шерифы с нашей последней встречи? – огрызаюсь я.

Честно говоря, я уже устал сдерживаться. Она хочет, чтобы я припомнил ей ее чертово прошлое?

– Извини, что мне не все равно, – огрызается она в ответ.

В груди снова появляется давящее ощущение.

– Слушай, Элла, у меня уже есть отец, так что отвали, ладно?!

– Как скажешь. – Она сердито топает вперед, вскинув руки. – Я же переживаю за тебя, понимаешь? Я люблю тебя и не хочу, чтобы ты оказался в пластиковом мешке для трупов!

– И я там окажусь, если не смогу хотя бы иногда выпускать пар, – ору я в ответ.

– У вас проблемы?

Мы разворачиваемся и видим, что на нас с тревогой смотрит полицейский. Папу удар хватит, если ему позвонят в Дубай и скажут, что мы с Эллой попали в тюрьму из-за ссоры. Не знаю, сколько еще стрессов сможет вынести моя семья.

– Нет, – отвечаю я.

– Нет, – произносит одновременно со мной Элла и, схватив меня за руку, добавляет: – Мы уже уходим.

Я позволяю ей дотащить себя до машины.

Там освобождаюсь от ее хватки и залезаю в салон, отодвинув кресло назад настолько, насколько это вообще возможно. Решив, что будет лучше молчать, я закрываю глаза и притворяюсь, что засыпаю.

Но, к несчастью, Элла еще со мной не закончила.

– Вэл видела вас с Фелисити в «Эй-Си». Чего она хотела?

Вот дерьмо! Здесь повсюду шпионы!

– Отсосать у меня.

Я приподнимаю колено, потому что в крошечной машинке Эллы для моих ног совсем нет места. Как Рид сюда помещается? Готов поспорить, наш старик специально купил этот спичечный коробок, чтобы Элла и Рид не смогли долго находиться в такой тесноте, как будто их что-то может остановить. Эти двое просто не могут друг без друга, даже спальни у них рядом. Единственное, что мешает им трахаться, как кроликам, – отсутствие Рида. Он всю неделю проводит в университете штата, так что большую часть ночей Элла проводит в одиночестве.

Подозреваю, они нашли какой-то извращенный способ исправить это при помощи своих компьютеров, но, честно говоря, меня не особо интересует их сексуальная жизнь, особенно сейчас, когда сам нахожусь в периоде воздержания. Мы с Хартли в этом плане далеко не продвинулись, и не потому что я не старался. Просто она еще не была готова, и мне пришлось спрятать свой член подальше. Не сказать, чтобы это было легко. Мастурбировать и вполонину не так хорошо, как оказаться внутри девушки.

– Чем вызван твой вздох? – спрашивает Элла. – Фелисити?

– Ни хрена подобного. Я думал о том, сколько раз мне пришлось дрочить, потому что Хартли была не готова к сексу.

Элла стонет.

– Ист, ты серьезно? Почему нельзя было оставить эту информацию при себе?

– Детка, ты спросила, почему я вздыхаю. Я ответил. Если тебе не нравятся ответы, не задавай вопросы.

– Ладно-ладно, – она откидывается на спинку своего сиденья.

Я не буду чувствовать себя виноватым за то, что набросился на нее. Или за свои подлые мысли. Элла настучала на меня. Если ей не все равно, то пусть научится не совать свой нос в мои дела.

– Где твои запасные ключи? – спрашиваю я.

– Ключи от чего?

– А ты как думаешь? – удивляюсь ее бестолковости.

– Ну уж нет, я не стану одалживать тебе свою машину, Истон. Каллум сказал, что нам нельзя помогать тебе.

Для девушки, которая зарабатывала на жизнь, танцуя стриптиз, Элла слишком строго соблюдает правила.

– Элла, сейчас не время ходить по струнке. Каллум нам не начальник.

Мы, Ройалы, сами по себе. Мы отвечаем только перед собой. И если мы вместе, то непобедимы. Но стоит нам начать бороться друг против друга, стены нашего замка падут.

– Ты действительно так считаешь?

– Это не я так считаю. Это правда. – Она уже успела забыть собственное прошлое? Когда мы заступились за нее, взяли под крыло Ройалов, окружили, мать ее, щитами! Я начинаю выходить из себя.

– Не знаю, Ист. Помнишь, что ты говорил мне когда-то? О том, что ты умеешь только разрушать, но не создавать? И вот сейчас у меня такое ощущение, как будто мы на краю гибели. Словно стоим на Утесах безумия^[9], и одного неверного решения будет достаточно, чтобы упасть вниз.

Я пытаюсь перевести все в шутку, иначе просто откушу ей голову.

– Ты так рассуждаешь, потому что в твоей жизни почти отсутствует мужской член. Я бы предложил тебе свой, но что-то мне подсказывает, что Хартли это может не понравиться.

Если она вообще вспомнит, что мы встречались.

– Боже, Истон, не все упирается в секс, знаешь ли! Я говорю о нашей семье. Себастиан в коме. Сойер тает на глазах. Гидеон увлечен лишь Саванной и не видит дальше ее сисек, а Рид по уши в учебе. Нам с тобой, – она по очереди показывает пальцем на меня и на себя, – придется повзрослеть.

– В этом твоя проблема, Элла. Ты не понимаешь, что значит по-настоящему быть Ройалом. Взросление для тех, у кого нет трастовых фондов и кто не получает пять тысяч баксов на карманные расходы на неделю. Для того чтобы наша великая экономика была на подъеме, мы с тобой должны тратить эти деньги, то есть тусоваться и отрываться на полную катушку.

– И как ты собираешься это делать, когда Себ в коме? Потому что Каллум вложил в это все свои деньги, а он так до сих пор не очнулся. А другого своего брата ты видел? Он стал похож на зомби. Ходячий коматозник.

Я делаю глубокий выдох отчаяния.

– Какая же ты брюзга! – В прошлом году после тяжелого запоя мой старик отнял у меня лицензию пилота. Я решил, что просто пережду, и рано или поздно он вернет ее мне. Он всегда так делал. Но в этот раз все по-другому, гораздо хуже. – Поверить не могу, что папа забрал у меня пикап.

Хотя если бы я не напился, то не пошел бы поговорить с отцом Харт, а

значит, она не села бы в машину расстроенной, и Себ бы гнал себе дальше по этой дороге, как в любой другой день. И все же одно дело, если я сам чувствую себя виноватым, и совсем другое, если отец обвиняет в произошедшем меня.

Элла бросает на меня полный жалости взгляд.

– И мотоцикл тоже. Ты лишен всех лицензий – не только на управление самолетом, но и любыми видами транспортных средств. Он сказал, что теперь тебя будет возить Дюран.

– Вообще-то это не я попал в аварию, а Себ. – Но слова звучат не слишком убедительно, потому что чувство вины поглощает меня все больше.

– И он расплачивается за это, не так ли? Каллум не хочет потерять еще одного сына.

– Да брось, Элла! Ты сама понимаешь, что все это чушь собачья! Я просто куплю себе другую машину. Это проще простого, у меня есть деньги на банковском счете. – И таких счетов несколько: расчетный, накопительный, депозитный, брокерский и, конечно же, мой трастовый фонд. Ну и что, что папа перекрыл мне доступ к трасту. Подумаешь!

Элла переводит взгляд на окно. Подозревая неладное, я вытаскиваю телефон и открываю приложение своего банка: естественно, там все по нулям. Открываю другое приложение, с резервными счетами, но даже не могу зайти. Пароль изменен. Проверяю другие приложения – то же самое.

– Что за хрень! – Я швыряю телефон на приборную панель. С противным треском он падает на пол. Я поднимаю его и провожу пальцем по разбитому экрану.

– Как ты узнала об этом? – с нескрываемой злостью спрашиваю я.

Элла по-прежнему не смотрит мне в глаза.

– Каллум написал, заодно попросил меня отвезти тебя домой. Он не мог до тебя дозвониться. Он волновался.

– Этот говнюк никогда не имел ничего против, когда я напивался дома!

– И «дома» здесь ключевое слово! – восклицает Элла. – Когда ты дома, он может проконтролировать тебя. Но Ист, иногда ты заходишь слишком далеко. Сойеру сейчас нельзя пить, в его душевном состоянии! Он уже и без того в полной прострации.

– Да? Тогда почему после всего, что Сойеру пришлось пережить, ему нельзя хотя бы чуть-чуть, черт побери, побыть в состоянии покоя? – кричу я в ответ. – Мы этого хотели! Чтобы голоса у нас в головах заткнулись к чертовой матери!

– Рид говорит...

Все, она довела меня до белого каления!

– Я не хочу слышать, что там говорит гребаный Рид.

Мой брат и, возможно, мой самый близкий друг объединились против меня. В нашей семье я всегда был третьим лишним. Рид и Гидеон самые старшие, самые чокнутые, но они всегда тусовались вместе, у них были свои секреты, из-за которых, кстати, Эллу чуть не убили, а Рида почти посадили в тюрьму. Близнецы – практически одно целое: разговаривают на своем молчаливом языке, выбирают одни и те же предметы в школе, меняются одеждой, играют в одни и те же виды спорта, спят с одной и той же девчонкой.

И из-за этого мама уделяла мне внимания больше, чем всем остальным. Вот почему сейчас все на меня ополчилось. Рид ревновал к маме, хотел проводить с ней больше времени, но не получалось. И теперь он настраивает против меня Эллу.

– Не злись, – говорит она.

Я чуть не откусываю себе язык, стараясь промолчать. Как только она жмет на педаль тормоза, останавливаясь перед нашим особняком, я пулей вылетаю из машины. Элла что-то кричит вслед, но мне плевать. Если они хотели выпереть меня из семьи, у них это чертовски здорово получилось.

Я тащусь на второй этаж, к своему шкафу. Там нажимаю на кнопку под центральной полкой и жду долгие десять секунд, пока поднимется фальш-панель на задней стенке. Как только показывается сейф, я ввожу код и беру наличные. Денег не много – всего пять тысяч, но я смогу узнать, где в городе играют в покер, и выиграть еще. Запихиваю в дорожную сумку «Луи Вюиттон» нижнее белье, смену одежды, дурацкую школьную форму «Астора» и туалетные принадлежности.

Закончив со сборами, звоню Пашу, одному из самых порядочных людей, которых я знаю. Не важно, день сейчас или ночь, этот парень всегда возьмет трубку. Как я и предполагал, он отвечает после второго гудка.

– Что случилось, мужик? Я тут в процессе кое-чего, – звучит его сдавленный голос.

– Ты можешь меня подвезти?

– А что случилось с твоим пикапом?

– Отвезли в сервис.

– У тебя же дома целый автопарк, не? Ох, черт, да, вот так, детка.

Я закатываю глаза. Паш, конечно же, отвечает на звонок посреди секса.

– Мой старик чертовски боится, что еще один его сын окажется в больнице. Нам всем, за исключением Эллы, теперь нельзя садиться за руль.

В этот раз Паш стонет не от удовольствия. Элла уже на весь «Астор-Парк» прославилась тем, что ездит со скоростью не больше пятидесяти километров в час.

– Чувак, жаль это слышать. Дай мне... Погоди, детка. – Он умолкает, видимо, прикидывая, сколько времени уйдет на то, чтобы закончить свои дела.

– Забудь. – Не такие у меня большие проблемы, чтобы обламывать другу весь кайф. – Я вызову такси.

– Слава богу, – с облегчением отвечает Паш. – Позже созвонимся.

– А, забей.

– Нет. Это не займет много времени. Ой. Черт. Нет, я тоже сделаю тебе хорошо. Я же обещал. Дерьмо, – говорит он в телефон. – Мне пора.

Я сдерживаю смех, все больше чувствуя себя нормальным. Мой мир рассыпается на части, но у остальных все как обычно.

Я выхожу на улицу, чтобы мы с Эллой не выбесили друг друга еще больше, и бреду по длинной подъездной дорожке к воротам. В ожидании такси открываю отправленные Харт сообщения. Она до сих пор не прочитала их. Я чувствую злость, горечь и бессилие. Черт, почему она с Брэном? Она помнит его, но не меня? От мысли об этом мне хочется бросить свой уже разбитый телефон на асфальт и прыгать на нем до тех пор, пока от него не останется кучка маленьких кусочков. Но если мой телефон сломается и Харт попробует написать мне, я не получу ее сообщения.

Что творит Брэн? Он тоже решил трахать ей мозги, как Фелисити? Или пытается залезть к ней в трусики, пользуясь ее уязвимостью? Почему он ведет себя, как последняя сволочь? Я прокручиваю список контактов. Он точно там есть. Я уверен.

– Ага! – говорю я, отыскав его, и отправляю ему сообщение.

Я: *Отвали от моей девушки.*

Он отвечает сразу же: *Я забочусь о ней.*

Я: *Не тебе о ней заботиться.*

Брэн: *Тебя нет рядом.*

Я: *Черта с два меня нет рядом!*

Но прежде чем отправить последнее сообщение, я перечитываю его и понимаю, что его обвинение небезосновательно. Этот засранец прав! Меня нет в школе. А он есть. И пока я дежурю у больничной койки Себа, Хартли совсем одна в «Астор-Парке».

Я убираю телефон в карман, так и не ответив Брэну. Это подождет, потому что как бы я ни бесился из-за того, что Мэтис ступил на мою

территорию, он хороший парень и – я стискиваю зубы и сжимаю кулаки – будет приглядывать за Хартли в школе. Ей это нужно.

Но лучше ему, мать его, держаться подальше от ее трусиков.

– Поедете в восточную часть города, верно? – спрашивает водитель, когда десять минут спустя я усаживаюсь на заднее сиденье такси. Это худощавый мужчина с носом, который кажется слишком большим для его лица. Он стучит по перегородке, уверенный, что произошла ошибка.

– Да.

– Работаете здесь? – спрашивает он, кивнув головой в сторону дома.

– Типа того. – Я надеваю наушники, и водитель затыкается, поняв намек. Место, куда я направляюсь, в корне отличается от того, которое покидаю, но только оно сразу пришло на ум.

Ее там нет, но это ее дом. И теперь мой тоже.

Глава 17

Хартли

Мне все больше кажется, что три года назад меня не отослали, а я сама сбежала. Об этом я думаю вечером того же дня. Дом Райтов – какой-то кошмарный сон. Папа все время говорит по телефону. Младшая сестра, которая раньше, как я помню, все время была не в духе, превратилась в настоящее дьявольское отродье и как-нибудь ночью прикончит меня во сне. Старшая сестра не появлялась у нас с тех пор, как я вернулась из больницы. Мама постоянно говорит о том, что делает некая миссис Каррингтон. На этой неделе у миссис Каррингтон суповая диета.

– Мы тоже должны попробовать, – предлагает она папе, пока тот поглощает жаркое и сладкий картофель.

Он даже не поднимает глаз от своего телефона.

– Это очень питательно. Можем варить бульоны на овощах или на косточках. Миссис Каррингтон прочитала нам статью о компании из Лос-Анджелеса, которая продает эту месячную программу. Цена очень умеренная, но если ты считаешь, что нам не следует платить за еду, я смогу придумать какие-нибудь собственные рецепты.

– Нет, ты можешь поверить в эту чушь? – восклицает отец, тряся перед нами своим телефоном. – Каллум Ройал номинирован на очередную премию за благотворительность. Разве никто в Бэйвью не понимает, что за проходимец скрывается за его лживыми словами и поступками? Да он просто подкупает всех, вот они и не видят, какой он продажный сукин сын!

– Здесь живет уже пятое поколение семьи Ройалов, – щебечет мама. – Я бы не стала называть его проходимцем.

Папа бьет кулаком по столу. Мы все вздрагиваем.

– Ты заступилась бы даже за Джека-потрошителя, будь у него достаточно денег.

Мама бледнеет, а у Дилан такой вид, как будто она хочет юркнуть под стол.

– Это неправда, Джон. Ты же знаешь, что я тоже не выношу Ройалов. – Она подталкивает ко мне блюдо с картофелем и показывает подбородком положить папе еще порцию. Хотя он и так съел две. Может, она думает, что отец впадет в углеводную кому и перестанет срываться на нее.

За то короткое время, проведенное дома после выписки из больницы, я быстро усвоила, что всем нам лучше держаться от папы подальше. У него взрывной характер и острый язык, хотя последнее, думаю, только играет ему на руку, когда он в зале суда. Его телефон начинает звонить, и отец отвечает на звонок прямо за столом во время ужина.

Никто не удивляется, поэтому и я веду себя как ни в чем не бывало, хотя считаю это странным. Почему не подняться из-за стола и не уйти в свой кабинет? Или не дожидаться конца ужина и перезвонить?

– Как дела в школе? – спрашивает мама, чтобы отвлечь меня.

Это срабатывает. Мое внимание переключается с отца на ее вопрос.

– Все хорошо, – лгу я. Хотя, может, это не ложь, а надежда. Я говорю о будущем, которого хочу для себя.

Дилан, сидящая напротив меня, фыркает. С тех пор как я вернулась из больницы, она вечно пребывает в плохом настроении.

Я откладываю ложку в сторону и собираю все свое терпение.

– Что на этот раз? Я снова как-то не так ем?

Вчера вечером младшая сестра сказала мне, что от того, как я пережевываю пищу, ей хочется блевать. Она издавала соответствующие звуки до тех пор, пока папа не наорал на нее, чтобы она ушла в свою комнату.

– Ты все делаешь не так! Тебе здесь не место!

– Знаю. Я слышу это от тебя уже в миллионный раз с тех пор, как вернулась из больницы. – Я делаю ударение на последнем слове, но маленькой засранке плевать. Честно говоря, думаю, она отправила бы меня обратно, если бы это сошло ей с рук.

– Ты отвратительная.

– Спасибо за твое мнение, которого никто не спрашивал.

– Как бы я хотела, чтобы ты осталась в Нью-Йорке!

– Ты говоришь об этом уже в десятый раз.

– Ты отвратительная.

– Ты и это уже говорила.

– Но ты все равно продолжаешь сидеть здесь, передо мной, во всей своей мерзости. – Дилан поворачивается к маме. – Почему она вернулась? Я думала, папа сказал, что больше не хочет ее видеть, никогда!

– Тихо! – приказывает ей мама и бросает на меня виноватый взгляд.

Папа больше никогда не хотел меня видеть? Я поворачиваюсь к нему, но он все еще занят телефонным разговором.

– Будет много представителей прессы, – говорит он и, кажется, очень радуется этому.

– Ты говорила, что она все разрушит и поэтому должна быть за это наказана, – не унимается сестра.

– Дилан, тебе лучше помолчать. И доедай свой ужин. – Мамины губы вытянулись в одну тонкую линию. – А ты, Хартли, положи свою школьную форму в сушилку, чтобы завтра она приятно пахла.

– Хорошо, мама. – Я неуклюже поднимаюсь из-за стола и задеваю его своим бедром, отчего полный стакан молока Дилан чуть не опрокидывается.

– Боже, что за неповоротливая овца! – рычит сестра.

– Хватит! – гаркает папа.

Мы втроем изумленно подсакиваем. Я даже не поняла, когда он закончил разговор. Судя по шокированному лицу Дилан, она тоже, иначе ни за что не стала бы ругаться.

– Хватит, – презрительным тоном повторяет он. – Я устал от твоего грязного языка. Ты приняла лекарства?

Он сжимает кулак.

Я отступаю назад. На лице Дилан мелькает страх.

– Д-д-да, – заикаясь, отвечает она, но ее ложь настолько очевидна, что я даже сочувственно морщусь.

– Почему она не приняла свое гребаное лекарство? – рывкает папа на маму.

Она мнет в руках салфетку.

– Я даю ей его каждое утро.

– Если бы ты это делала, она не вела бы себя, как маленькая истеричка! – Он так резко поднимается из-за стола, что все приборы на нем угрожающе пошатываются.

На глаза Дилан наворачиваются слезы.

– Я приму их, – бормочет она. – Я пропустила только сегодняшний день.

Но папа не слушает. Он уже на кухне, рывком открывает ящик и достает пузырек с таблетками. Зажав в кулаке янтарный флакон, отец марширует обратно в столовую и с силой ставит его на стол.

– Пей, – приказывает он.

Моя сестра смотрит на таблетки так, словно это яд. Потом неохотно поднимает руку с колен, но для папы это слишком медленно.

– Как ты меня достала! – Он хватает пузырек, открывает его и высыпает себе на ладонь чуть ли не половину содержимого. – Ты капризная маленькая засранка, которая ругается, как сапожник! Я не собираюсь это терпеть, слышишь меня? – Отец сжимает ей челюсти до тех пор, пока она

не открывает рот.

– Хватит! Я приму их! – кричит Дилан, по ее лицу текут слезы.

– Папа, пожалуйста, – говорю я, подаваясь вперед, как будто каким-то образом смогу остановить все это безумие. Он не контролирует свою силу. Кожа на подбородке Дилан побелела в тех местах, где его сдавливают папины пальцы.

– А ты сядь. Я говорил тебе, что она плохо влияет на Дилан. Нельзя было разрешать ей возвращаться в этот дом. – Он засовывает в рот Дилан две таблетки, не замечая слез, которые капают ему на руку. – Глотай, девочка. Слышишь меня? Глотай, живо!

Он закрывает ей рот и накрывает нос и губы своей огромной ладонью, чтобы она проглотила таблетки.

Я смотрю на маму, ища поддержки, но она даже не глядит в нашу сторону. Ее взгляд прикован к дальней стене, она притворяется, что не видит этого безумия, что ничего не происходит.

– Все? – спрашивает папа.

Дилан несчастно кивает, но он пока не отпускает ее, а снова насильно открывает ей рот, засовывает туда палец и достает даже до горла, потому что Дилан начинает давиться. Наконец, удовлетворенный, он садится на стул и спокойно вытирает руки о салфетку, а потом берет свой телефон.

– Можно я пойду? – скованно спрашивает Дилан.

– Конечно, дорогая, – как ни в чем не бывало говорит мама.

Дилан вылетает из-за стола. Я смотрю ей вслед.

– Я... – Как сказать своим родителям, что ты не согласна с их методами воспитания? Все это неправильно! Они не должны так обращаться со своими собственными детьми.

– Я вижу, как ты встревожена, Хартли, – добавляет мама, – но твоей сестре очень нужны эти лекарства. Если она не принимает их, то причиняет боль сама себе. Твой отец просто старается ее защитить.

– Что-то не похоже. – Не сказав больше ни слова, я выбегаю из столовой и бросаюсь за Дилан.

Она заперлась в своей комнате. Я слышу сдавленный плач. От сочувствия у меня сердце ноет.

– Эй, это я.

– Уходи! – огрызается сестра. – Все было хорошо, пока не появилась ты.

– Пожалуйста, я всего лишь хочу помочь.

– Тогда уходи! – кричит она. – Как бы мне хотелось, чтобы ты умерла в той аварии! Уходи и никогда не возвращайся.

Я отхожу от двери. Она очень сильно разозлилась, да и кто бы на ее месте чувствовал себя иначе? Если бы папа схватил меня за лицо и всунул в рот таблетки, я бы тоже потом плакала в своей комнате. Но в словах Дилан есть что-то личное, как будто она злится именно на меня. Моя клятва забыть о прошлом – глупость. Я не могу двигаться дальше, когда все относится ко мне под влиянием своих воспоминаний. Я бы тоже хотела все помнить. И если бы мне предложили восстановить в памяти только что-то одно, я бы хотела узнать, почему так испортились наши с Дилан отношения.

Я прислоняюсь лбом к ее двери.

– Прости меня. Прости за то, что причинила тебе боль. Я ничего не помню, но прости.

Дилан молчит, и это в тысячу раз хуже, чем ее оскорбления.

– Прости меня, – снова говорю я, оседаю вниз и шлепаюсь задницей на пол. – Прости.

Я сижу и повторяю это слово снова и снова до тех пор, пока не начинает болеть горло и не деревенеет тело. Но в ответ по-прежнему ни звука.

– Хартли, отойди от двери сестры, – требует мамин голос.

Я оборачиваюсь и вижу, как она поднимается по ступенькам. Остановившись на полпути, мама жестом подзывает меня к себе. Я качаю головой, потому что у меня больше не осталось сил.

– У твоей сестры проблемы с психикой, ты не помнишь?

Я опять качаю головой. Я помню Дилан ребенком – со скверным характером, но все же ребенком. Эта тринадцатилетняя девочка, которая ведет себя как двадцатипятилетняя девушка, мне не знакома.

– Она всегда в таком настроении, если не примет таблетки. – Мама нервно теребит пальцы. – И тогда твой папа приходит в ярость. – Она взволнованно взмахивает рукой. – Вот такой замкнутый круг. Не бери в голову.

Я киваю, принимая это оправдание, которого, возможно, даже не заслуживаю.

– А теперь уходи оттуда. – Она снова машет рукой, подзывая к себе.

Я медленно продвигаюсь к лестнице и начинаю спускаться на попе ступенька за ступенькой, как делала в детстве.

Мама вкладывает мне в руку деньги.

– Возьми машину и поезжай к своим друзьям. Должно быть какое-то место, где вы встречаетесь. Это лишь до тех пор, пока твой отец не успокоится.

Я не хочу уезжать. Хочу забраться в свою кровать, с головой накрыться одеялом и спать до тех пор, пока этот кошмар не закончится.

– Куда мне ехать? – охрипшим голосом спрашиваю я.

На мамином лице мелькает раздражение.

– Поезжай к своим друзьям. Время всего восемь. Они наверняка где-то в городе.

– Думаю...

– Не думай. Просто поезжай.

Так я оказываюсь за рулем маминой «Акуры» и сейчас смотрю на светофоры на пересечении Западной и Восемьдесят шестой улиц, не зная, в каком направлении поехать. Не зная, где смогу обрести себя. Не зная, как смогу пережить еще один день и не сломаться.

Глава 18

Истон

– Паш, ты настоящий друг! – восклицаю я, вынимая содержимое бумажного пакета, который выхватил у него из рук пять секунд назад. – Твоя девушка сильно разозлилась?

– Я пообещал ей купить сумочку «Биркин», так что теперь могу переехать ее собаку, и она все равно будет согревать мою постель. А это... интересно, – говорит он, оглядывая квартиру. – Ты тоже решил поставить какой-то социальный эксперимент по этике, как Барнаби Поум в прошлом году?

– Что? Нет. – Я целую две бутылки водки «Сирок» и ставлю их на столешницу рядом с двумя стаканами и пакетиком льда, который обнаружил в круглосуточном мини-маркете на автозаправке на углу. Оказывается, лед продают в пакетах. – Поум идиот. Разве он не подцепил глистов или какую-то похожую хрень? К тому же у меня нет этики.

Этический образ жизни – так называется совершенно сумасшедший предмет, который преподают в «Астор-Парке». Может, их намерения были исключительно благими (по крайней мере, в этом уверили весь класс), но детишки из «Астора» знают, как все испоганить. Один парень чуть не спалил всю школу, пытаясь выкурить одежду своего одноклассника, целиком сделанную из конопли. Другая девчонка попала в больницу после того, как месяц прожила на дереве. Но всех их обскакал Барнаби Поум, который решил стать фрукторианцем и есть одни лишь фрукты. Посреди семестра он заявил, что собирается есть только те плоды, которые растут сами по себе, что явно чертовски трудно делать в наши дни биологически культивированной пищи. Поум занялся собирательством на побережье Бэйвью и в лесах рядом с площадкой для гольфа. Это был только вопрос времени, когда же он заболит. По слухам, он съел что-то в лесу, и в его желудке нашли солитера длиной около тридцати сантиметров.

– Тогда что это?

Я поднимаю взгляд от принесенного Пашем пакета и вижу, что он стоит в середине комнаты и медленно поворачивается по кругу.

– Это квартира.

– Это я понимаю, придурок, но что *ты* здесь делаешь?

– Это квартира Харт, – просто отвечаю я. Мой ответ должен все ему объяснить.

Но Паш ни черта не догоняет, потому что продолжает задавать вопросы.

– Тогда где сама Хартли?

– В доме своих родителей.

– Здесь ничего нет.

– И золотая звездочка достается Капитану Очевидность! – Я смотрю на кучу, которую только что достал из пакета: вейп, жидкость для него, пара упаковок чипсов. А где все самое интересное?

– Ты спишь на полу в этой дыре, потому что надеешься, что Хартли вспомнит, как вы занимались сексом, и прибежит сюда к тебе?

Я застываю и бросаю на Паша сердитый взгляд.

– Во-первых, никогда не говори так про Харт. Никогда. – Я смотрю прямо на него, пока он не опускает глаза. – А во-вторых, квартира как квартира. Вполне себе уютная.

– Ладно, но ты хоть понимаешь, что стал похож на чокнутого, пока ждешь, что твоя тронутая вспомнит, что влюблена в тебя.

Храбрость Паша вызвана нашей дружбой, начавшейся еще в те времена, когда мы оба думали, что есть грязь – это суперкруто, но я предупреждал его. В два шага преодолев расстояние между нами, я сжимаю в кулаке ворот его рубашки и прижимаю парня к стене.

– Я сказал тебе не говорить так про нее.

Его глаза расширяются от испуга.

– П-прости, мужик, – запинаясь, отвечает он и цепляется за мои пальцы.

– Это больше не повторится, правда? – Это риторический вопрос.

Паш все понимает и лихорадочно кивает головой.

– Больше никогда, честное слово, – клянется он.

Я отпускаю его и возвращаюсь обратно к своим запасам на кухонной столешнице.

– Чувак, это же лимитированная коллекция «Прада» для предстоящего показа в Париже! – возмущается Паш. – Я получил ее два дня назад прямиком из Милана.

– Очень жаль. А где остальные стимуляторы?

Он откашливается. Я с подозрением смотрю на него.

– Знаешь, дело в том, что я волнуюсь за тебя. После аварии ты сам не свой.

– Это потому что я не хочу слышать, как ты говоришь всякое дерьмо

про мою девушку?

– Нет. Потому что ты игнорируешь своих друзей, совсем недавно чуть не переехал парня на территории школы и выглядишь так, как будто уже сутки бухаешь. Ты мне не безразличен, и поэтому я не принес тебе тяжелую наркоту. Если ты так сильно хочешь, достань сам. – Паш одергивает ворот рубашки и идет к двери. Хлипкая деревяшка чуть не слетает с петель, когда он с силой захлопывает ее за собой.

Я еще долго слышу эхо его шагов. Даже голоса в моей голове – те, что я пробую заглушить таблетками, выпивкой и драками, те, что никогда не отпускают меня, – молчат. И в этой тишине я ощущаю пронзительное одиночество, от которого пытаюсь убежать. Зияющая дыра в своем сердце, которую я пытался заполнить девушками, девушками и еще раз девушками, стала бездонным каньоном. Я уже не стою на краю, глядя в бездну. Я за краем. Падаю в бесконечную тьму.

Я хватаю бутылку и рывком откручиваю крышку, потом наливаю стакан, добавляю лед и жадно выпиваю. Если бы я мог впрыснуть алкоголь себе в вены, то сделал бы это.

Я несу бутылку к своей сумке и сажусь на пол. Закрыв глаза, вспоминаю другую ночь: облака закрывают небо, тьму разрезают красные, зеленые, белые полосы, рука Хартли в моей руке. Она смеется. Ее лицо так близко, что у меня поднимается давление в крови – и не только оно.

Прошло чуть меньше двух недель. В кабинке колеса обозрения до сих пор ощущается аромат ее духов. Я по-прежнему чувствую ее шелковистые черные волосы между пальцами. Ее мятный блеск для губ щекочет мой язык. Я представляю себе, что она здесь, что под ее легким весом я опускаюсь на дешевый линолеум. Что ее пальцы расстегивают пуговицы и молнии, что мои – снимают одежду с ее восхитительного тела. Я опускаю руку к своим штанам, но рука на собственном члене лишь усиливает ощущение полного одиночества.

Почему мы не можем вернуться на две недели назад, когда мой брат был в сознании, а Хартли помнила меня? Я делаю большой глоток, потом еще один, и так до тех пор, пока очертания дня не растворяются, а мрак не становится разноцветным вихрем.

Глава 19

Хартли

Я решаю поехать в библиотеку. Несмотря на поздний час, там весьма многолюдно.

– Через тридцать минут мы закрываемся, – грубовато сообщает мне долговязый подросток. Я киваю и плотнее кутаюсь в свою куртку.

Вообще-то, эта куртка не моя, а Истона Ройала, которую он дал мне тем вечером, когда Фелисити и Кайл устроили мне засаду во «Френч-Твист». Я так и не вернула ее. У меня нет телефона, но это же Бэйвью. Здесь все знают Ройалов, так что можно было бы легко выяснить, где он живет. Я могла бы поехать туда прямо сейчас и положить его куртку на крыльцо у входной двери.

Я провожу пальцем по молнии и уже в сотый раз утыкаюсь носом в воротник. С каждым разом, как надеваю куртку, запах становится слабее, но я не могу заставить себя перестать ее носить. Я обязательно верну, только не сегодня.

Натянув кожаный воротник на подбородок, я вбиваю в поисковую строку название лекарства, которое вынуждена принимать Дилан. Читаю, что оно применяется для лечения биполярного расстройства и мигреней, и если принять слишком много таблеток, то можно умереть. Я стараюсь не волноваться раньше времени, потому что в интернете любые симптомы рано или поздно приводят к смерти. Поэтому медицинские сайты лучше вообще не открывать. Вы приняли таблетку? Если да, то вы умрете. Вы не приняли таблетку? Если да, то вы умрете.

Но все-таки меня не покидает ощущение тревоги, и я продолжаю поиски, стараясь узнать как можно больше за короткое время до закрытия библиотеки. Я прямо-таки ощущаю неприязненный взгляд дежурного, сверлящий мне спину.

Я читаю про биполярное расстройство, и многое в поведение Дилан становится на свои места. По-видимому, ей все-таки нужны лекарства, и если она действительно не принимала сегодня таблетки, то от того количества, что заставил ее проглотить папа, с сестрой ничего не будет. Но отец жутко напугал меня. Наверное, единственное решение здесь – следить, чтобы Дилан принимала свои таблетки. Тогда папа не будет

выходить из себя, а Дилан перестанет страдать от резких и изнурительных перепадов настроения.

После этой полезной информации мне становится немного легче.

– Мы закрываемся через пять минут, – доносится из громкоговорителя.

Я быстро стучу пальцами по клавиатуре. Стоит ли мне проверять сообщения, чтобы узнать, ответила ли кузина Дженнет? Нет, я приняла решение не изводить себя больше расспросами. К тому же не хочу сердить библиотечного дежурного. Закутавшись в кожаную куртку Истона, я с виноватым видом выхожу и семеню к машине.

Запустив двигатель, понимаю, что при мысли о возвращении домой у меня по коже бегут мурашки. Но в Бэйвью мне все кажется таким незнакомым! Может, это связано с потерей памяти, а может, и с тем, что я три года здесь не жила. Нет таких мест, где я могла бы обжиться, которые могла бы считать своими. Нет таких мест, где я могла бы спрятаться, где могла бы дать волю чувствам, поплакать или порадоваться.

Я вдруг вспомнила про пирс, но это было не воспоминание прошлого, а воспоминание о фотографии, которую я видела. О нежности, с которой обнимал меня Истон, как он склонился надо мной, словно хотел защитить от камней, которыми бросается в меня жизнь. Я провожу языком по губам, гадая, каково это, когда тебя целует Истон Ройал? Что я чувствовала, когда его рука обхватила мой затылок, удерживая мою голову на месте? Это был наш первый поцелуй или последний?

В груди появляется странная тупая боль, и несмотря на страдания и тревоги, заполонившие все мои мысли, я рада ей. Это уже *что-то*.

Я завожу машину, отключаю голову и просто еду, куда глаза глядят. Еду по Шорвью, которая тянется параллельно береговой линии. Здесь сплошь белые заборы и кусты магнолии, иногда перемежающиеся с воротами или длинными подъездными дорожками. Но эти виды не вызывают никаких воспоминаний. Я еду дальше, туда, где улицы становятся уже, лужайки – все меньше и меньше, пока не исчезают совсем, и остаются лишь асфальт, пыль и гравий.

В восточной части города все здания невысокие. В некоторых окна заколочены досками. Машины на улицах сплошь старые, а свежий воздух океана поменялся на смесь из запахов газа, сторевавшего масла и мусора.

В итоге я останавливаюсь перед небольшим двухэтажным домом с наружной лестницей, которая, кажется, может рухнуть в любой момент. Здание увешено фонариками сверху донизу. Неприятный запах со стороны боковой аллеи настолько силен, что чувствуется даже через закрытые окна машины. На крыльце сидит лысый мужчина в куртке и резиновых сапогах

и курит сигарету. Не знаю зачем, но я вылезая из машины.

– Привет, девочка! – обращается ко мне мужчина между затяжками. – Думал, ты уже никогда не вернешься.

Когда до меня доходит, что именно он сказал, я, запутавшись от волнения в собственных ногах, подхожу к нему.

– Я попала в аварию. Попала в аварию и... – Я запинаюсь, не зная, признаваться ли ему в том, что потеряла память. Насколько он опасен? Откуда я его знаю? Он мой...? Я даже не могу подобрать существительное, чтобы закончить эту фразу.

– Да, слышал. – Он делает глубокую затяжку и выпускает облачко дыма. – Я же получил твои деньги в знак извинения, помнишь?

Я хмурюсь.

– Мои деньги в знак извинения?

Он поднимает бровь.

– За мою разбитую машину? Твой друг привез мне толстый конверт, сказал, что ты просила передать. Не знаю, где ты раздобыла столько наличных, но спрашивать не буду. – Он подмигивает. – «Вольво» не стоила и половины того, сколько ты мне передала. Если ты здесь, чтобы увидеться с ним, то он наверху. Дома.

Разбитая машина? Полный конверт наличных, который я попросила «друга» привезти? Здесь, чтобы увидеть кого? Этот кто-то здесь? Я совсем ничего не понимаю.

– Э-э-э... – Я делаю глубокий вдох. – Да, я приехала к нему.

Я поднимаю глаза на окна квартиры на втором этаже.

– Он живет там?

– Иногда остается там, насколько мне известно. Когда твои родители освободили квартиру, я сдал ее ему. – Мужчина бросает окурок на пол и тушит носком сапога. – Но если ты снова хочешь въехать, то разбирайтесь сами, вы ведь все равно знакомы. Мне-то все равно, кто там будет жить. Будем считать, что арендная плата внесена до февраля.

Сказав это, он уходит в дом, оставив меня в состоянии полного шока.

Я напоминаю себе, что нужно дышать, и начинаю обдумывать все, что сказал хозяин дома. Я жила здесь. У меня были деньги, потому что я платила за квартиру – судя по всему, ежемесячно. Учитывая, что сейчас конец января, я уже внесла плату за декабрь. Мои родители не только знали об этой квартире, но еще приехали сюда и увезли все мои *личные вещи*. Куда они их дели? Все в моей комнате новое, за исключением кое-какой одежды. Они все выбросили? Прячут где-то? Но какой в этом смысл?

Обещания не подделывать свое прошлое, которые я дала сама себе,

забыты – кое-что начало проясняться. Я избегаю по ступенькам, окрыленная мыслью о том, что там, наверху, есть живой человек, который знает меня. Вряд ли тут живет кто-то из «Астора». Одни их машины стоят больше, чем все это здание. Этот человек знает меня за пределами школы, за пределами семьи, а значит, может быть честен со мной.

Поднявшись по лестнице, я бросаюсь к двери и яростно стучу по ней, пока изнутри не раздаются шаги. Заламывая руки и затаив дыхание, я жду, когда мне откроют.

– Какого черта ты здесь делаешь?

– Истон, – вздыхаю я.

Если бы меня заставили под дулом пистолета перечислить людей, которые могли бы жить в этой квартирке, Истон Ройал бы был последним в этом списке. С босыми ногами, в джинсах и майке, под которой легко разглядеть кубики на животе, он выглядит слишком роскошным для такого убогого места.

– Классная куртка, – растягивая слова, произносит Истон и щелкает пальцем по воротнику.

Я смущенно мну в пальцах низ куртки: совсем забыла, что она на мне. Сжимаю кожу еще сильнее.

– Хотела вернуть ее тебе, но не знала, как с тобой связаться.

– Можно было бы позвонить. Или даже написать сообщение. – Он прислоняется к дверному косяку, загораживая собой весь проем.

– Мужчина внизу... – Я умолкаю. – Он хозяин квартиры?

– Хосе? – Истон кивает. – Да, этот дом принадлежит ему. Хороший человек.

– Он что-то говорил про разбитую машину. – Я тру виски. – И про то, что за нее заплатили, что мой друг привез деньги, и...

У меня снова начинает болеть голова.

Взгляд голубых глаз Истона становится серьезным.

– В ночь аварии ты взяла его машину.

– О! – От всепоглощающего чувства вины на глаза наворачиваются слезы. – И я разбила ее? Кошмар какой. Наверное, он ненавидит меня.

Дернув плечом, Истон слабо улыбается.

– Нет, я обо всем позаботился. Заплатил ему куда больше, чем страховая компания. Поверь мне, он на седьмом небе от счастья.

Я смотрю на него во все глаза.

– Ты позаботился об этом? Почему?

Истон пожимает плечами, но на вопрос не отвечает.

– Хочешь войти?

– Да.

Я не жду, когда он отодвинется. Не жду второго приглашения, а влетаю внутрь и как вкопанная останавливаюсь в центре пустой комнаты. Ну, не совсем пустой. Посреди комнаты лежит черная сумка, сложенная пополам. Еще я замечаю скомканный пиджак с эмблемой «Астор-Парка», пару теннисных туфель и два полотенца. Бутылку водки, пакетик с чем-то сухим и зеленым и упаковку пива в углу.

При виде всего этого мои глаза расширяются. Это что-то типа притона для учеников «Астор-Парка», где я продавала желающим спиртное, наркотики и... себя? Так мне удавалось платить за квартиру? Меня начинает подташнивать. Неужели я зарабатывала на жизнь, предлагая свое тело парням из «Астора»? Поэтому родители решили избавиться от моих вещей? Почему столько тайн? Хотя, может быть, именно поэтому меня и отослали на север.

В ушах звенят обвинения Кайла в том, что я была очень доступной. Я списывала это все на то, что он просто подонок и придумывает небылицы, чтобы сделать мне плохо, но сейчас, медленно поворачиваясь по кругу и видя лишь небольшое количество вещей, видимо, принадлежащих Истону, во мне просыпается сомнение.

– Это... Мы... Что это за место?

Истон тихо закрывает дверь и подходит к кухонным шкафчикам. Он отвинчивает крышку на бутылке с водкой, наливает два стакана и протягивает один мне.

– Твоя старая квартира, что же еще?

Я беру стакан и сжимаю его во вспотевших ладонях. Сказать ему, что боюсь узнать, что была малолетней проституткой, а он – одним из моих клиентов? Или лучше промолчать, чтобы не сойти за ненормальную? А можно просто ответить, что удивлена, почему не жила с родителями, а здесь, да еще в том районе Бэйвью, где приличным девушкам лучше не бывать.

Я открываю рот, чтобы сказать про родителей, но вместо этого у меня вырывается:

– Мы занимались здесь сексом?

Истон чуть не давится водкой.

– Ты что-то такое помнишь?

Он кашляет.

Я знаю, что стою вся красная от стыда, но если уж я выбрала этот путь, нужно идти до конца. А там уже я всегда смогу броситься за край.

– Нет, но здесь ничего нет, кроме вот этого... – я показываю большим

пальцем на сумку и одежду за моей спиной, – и этого. – Мой указательный палец направлен в сторону выпивки.

– У тебя все отлично с математикой, Харт, но твои способности складывать два и два вызывают сомнения. Нельзя прибавить к дорожной сумке парочку запрещенных вещей и получить бордель. – Он допивает водку и наливает себе еще.

– Тогда что можно получить?

Сколько еще водки он собирается выпить? Я неловко переминаюсь с ноги на ногу и задеваю что-то на полу. Опустив глаза, вижу у своего большого пальца пустую бутылку.

Истон подходит и поднимает ее как ни в чем не бывало. Но когда он наклоняется, чтобы выбросить бутылку в мусорную корзину, я замечаю, что кончики его ушей покраснели.

– Когда ты здесь жила, то спала на диване. Когда я снял эту квартиру, то решил, что тоже буду спать на нем. Не знал тогда, что тут больше ничего нет. – Истон выпрямляется и склоняет голову набок, долго и пристально изучая меня. Он приходит к какому-то выводу, который не оглашает вслух, шагает ко мне и забирает у меня по-прежнему полный стакан. Осушает его, потом свой, достает бумажник и накидывает на плечи школьный пиджак.

– Пойдем. Если не собираемся пить, тогда давай что-нибудь перекусим. Будет лучше, если ты поешь.

Его слова звучат как-то зловеще, но когда теплой рукой он берет меня под локоть, я вдруг понимаю, что доверяю ему больше, чем кому-либо.

Глава 20

Истон

Я слишком много выпил. Именно так я подумал, когда открыл дверь и увидел на расшатанной лестнице Хартли, одетую в мою куртку от «Ив Сен Лоран», которую отдал ей вечером после ее неприятной встречи с Кайлом как-его-там и Фелисити Уоррингтон.

Но когда она увидела пустую квартиру, в которой больше не осталось ее личных вещей, чтобы пробудить воспоминания, и на ее лице угасла надежда, я решил, что выпил недостаточно.

Мне хочется укутать ее своей курткой и отвезти туда, где воспоминания не имеют никакого значения, туда, где важно только настоящее. Где опустошенность и недоумение исчезнут из ее взгляда, уступив место восхищению и радости. Проблема в том, что я не знаю, где такое место.

Я бы хотел вместе с ней покататься на лыжах в швейцарских Альпах или поплавать на яхте в Средиземном море, но вместо этого веду ее в мини-маркет при заправке, где продают пиво, пакеты со льдом и просроченные картофельные чипсы. Кто знает, может что-то в этом магазинчике подстегнет ее память.

– Хочешь чего-нибудь? – спрашиваю я.

Хартли останавливается напротив стойки с хот-догами.

– Не знаю. Странно, но я понятия не имею, люблю ли хот-доги, – говорит она, заглядывая в гриль, вращающийся вокруг раскаленных спиралей. Потом склоняет ко мне голову: – А ты знаешь, люблю ли я хот-доги?

– Ты ела корн-доги и фанел-кейк на пирсе и не выглядела несчастной.

Хартли облизывает губы, сохраняя этот фрагмент из прошлого в пустых слотах своей памяти. Интересно, каково это – ничего не помнить о себе? Если бы вы спросили меня пару недель назад, я бы ответил, что потеря памяти – это подарок небес. Вы не чувствуете ни горя, ни обиды, ни ревности. Очнувшись, можете начать жизнь с восхитительно белого листа. Но, увидев страдания Харт, я понимаю, что это не так. С тех пор как потеряла сознание после удара головой, она не знает ни секунды покоя.

Это видно по тому, как она все время оглядывается, как ее глаза

метаются от человека к человеку, от предмета к предмету, выискивая *то*, что могло бы пробудить ее память и разрушить барьеры, мешающие вспомнить прошлое.

Если только доктор говорил правду, то некоторые воспоминания никогда не вернутся к ней – их в буквальном смысле вышибло из ее головы.

Я чувствую себя виноватым за то, что так разозлился, увидев их с Брэном в кафе. Хартли не знает, что она предназначена мне. От этой мысли меня пронзает острая боль, и вот ответ на мою дилемму. Я действительно выпил недостаточно, иначе алкогольная броня защитила бы меня от этого предательского удара.

– Хочешь хот-дог?

– Почему бы и нет. – Хотя я бы предпочел литровую бутылку пива, притаившуюся за стеклянной витриной.

– Добавить что-нибудь сверху?

– Горчицу.

Хартли осторожно выдавливает тонким зигзагом соус, аккуратно заворачивает хот-дог в салфетку, как будто она уже делала это миллион раз, и протягивает мне.

– Это кажется знакомым. Я здесь работала?

– Не знаю. Но ты была официанткой в одном небольшом ресторанчике. Может, у них были хот-доги в меню, не помню.

Я был больше сосредоточен на эмоциональном и волнительном разговоре Хартли со своей старшей сестрой, чем на меню.

– Я работала официанткой? – Ее глаза округляются, а голос звучит чуть громче. – Где?

На ее лице снова появляется испуганное выражение, как во время осмотра пустой квартиры. Знать бы мне, что сейчас в ее голове...

– В «Хангри-Спун» в паре километров отсюда. – Я указываю большим пальцем за свое плечо.

– Никогда бы не подумала. – Хартли устало потирает лоб, словно проходит тяжелое испытание, и оно окончательно вымотало ее. Я вижу шрам, который напоминает о том, что она живет под одной крышей с человеком, который сломал ей запястье.

Хартли настаивала, что это был несчастный случай, и поскольку она не сильно переживала по этому поводу, я тоже старался не заморачиваться. Наверное, я выкинул из головы все мысли об этом, думая лишь об их с Себом травмах. Теперь Харт рядом, волнение за ее состояние поутихло, но зато я начал припоминать детали из ее прошлого. Теперь я начинаю понимать, что можно все забыть и из-за тяжелого стресса. Я не ударялся

головой, но от одного лишь страха многое вылетело из памяти.

– Ты в порядке? Нигде не болит? – вдруг спрашиваю я.

Хартли моргает, сбитая с толку этим вопросом.

– Да, со мной все хорошо. Ребра только еще немного побаливают, а так я в полном порядке. По крайней мере, физически.

– Хорошо. – Мне становится легче дышать. Похоже, она сказала правду. – Давай заберем наши покупки и пойдем домой.

Домой. Это слово вырвалось само собой, я даже не успел ничего сообразить. Я бросаю взгляд на Хартли, чтобы посмотреть, заметила ли она мое смущение, но девчонка занята тем, что приправляет свой хот-дог различными соусами и добавками. Не стоит взваливать на нее еще большую ношу. Может, ее отец изменился. Мне хочется верить в это.

Я заставляю себя улыбнуться и говорю ей:

– Это преступление.

– Что? – Харт поднимает голову и быстро озирается, словно боясь, что откуда ни возьмись выскочит коп и арестует ее за злоупотребление соусами.

– Вообще-то, нельзя класть столько кетчупа в хот-дог. И к тому же есть строго определенный порядок, которого нужно придерживаться, когда его делаешь.

Уголок ее рта приподнимается.

– Полиция хот-догов еще не появилась, так что я готова рискнуть. И по-моему, вся вина лежит на магазине. Они выставили кетчуп в общий доступ. Это явная провокация.

– Полиция ждет снаружи. Им просто не хочется устраивать здесь сцену. Кроме того, если остальные увидят, как тебя арестуют, то весь мир узнает, что здесь засада, – сообщаю я ей с ухмылкой. Я так давно не видел ее улыбки, что даже забыл, как она выглядит.

– Если меня арестуют, все об этом услышат, – шутит Хартли. Когда оба хот-дога надежно упакованы, она несет их к прилавок и кричит мне не оборачиваясь: – Можешь купить мне диетическую колу?

Я иду к холодильникам и достаю бутылку газировки. Краем глаза замечаю алкоголь. Предстоящий разговор обещает быть непростым. Но мне будет намного легче, если я залью в себя парочку литровых бутылок. И может, одну в нее.

– Ист, идешь?

Хартли называет меня моим прозвищем, и это отвлекает меня от мыслей о пиве. Боже, я у нее под каблуком! Взяв еще одну бутылку диетической колы, я подхожу к ней.

Она наклонилась над прилавком, держа в руках мобильник с одноразовой сим-картой.

– Я получаю телефон за шестьдесят баксов, а во сколько обойдется месячное обслуживание?

– Придется добавить еще тридцать.

Харт вертит в пальцах стодолларовую банкноту.

– Ты потеряла свой телефон?

Она кивает.

– Да, мама сказала, что он разбился во время аварии.

Вот почему все мои сообщения оставались непрочитанными. Мне немного полегчало. Я аккуратно отодвигаю ее в сторону и кладу на прилавок бутылки с газировкой и несколько банкнот, чтобы оплатить еду и телефон. Придется пока обойтись им, но потом я куплю ей другой.

– Постой, у меня есть деньги! – возражает Хартли.

Я не обращаю на нее внимания, как и кассир.

Пока мы ждем, когда он отдаст нам сдачу, она барабанит пальцами по прилавку, явно что-то обдумывая.

Наконец Харт останавливается и спрашивает:

– Вы меня помните?

Кассир поднимает на нее глаза.

– Нет, а должен?

– Я раньше сюда не заходила?

– Понятия не имею. – Он косится на меня, ища поддержки.

– У нее амнезия.

– Ух ты! А такое бывает?

– Да, еще как бывает, – отвечает Хартли. – Видимо, я нечасто ходила за покупками.

– Думаю, да. Иногда ты ела еду из ресторанчика. Иногда позволяла мне кормить тебя.

– О! – Она опускает плечи.

– Я отведу тебя в «Хангри-Спун», если хочешь. Поспрашиваешь их.

– Какой в этом смысл? – Ее голос полон разочарования.

– Если вам от этого полегчает, я вспомню вас, – предлагает кассир.

– Нет, мне не полегчает, – отвечает она, забирает свой телефон и вылетает на улицу.

– Эй, чувак, прости, виноват, – говорит мне кассир.

– Да забей.

Я собираю наши покупки и выхожу на улицу к Хартли.

– Прости, – говорит она.

– За то, что ты расстроилась? Тебе незачем за это извиняться.

– За то, что нагрубила тому парню.

– Ты не нагрубила ему. Он неудачно пошутил. – Я обнимаю ее рукой за плечи и веду к дому. – Уверена, что не хочешь, чтобы я отвел тебя в ресторанчик? Можем пойти прямо сейчас. Они работают круглосуточно.

– Даже не знаю. Если бы ты спросил меня пару дней назад, я без колебаний согласилась бы, но сейчас... Я боюсь.

– Боишься чего? – Я замедляю шаг, чтобы идти с ней в ногу.

– Того, что они могут рассказать. Вдруг я была ужасной коллегой и они ненавидят меня? По-моему, я уже исчерпала весь лимит душевных сил выслушивать то, какой отвратительной я была.

– Ничего подобного! Ты подменяла других, если могла. Правда, я не знаю, как долго ты там работала. А однажды сказала мне, что хотела бы взять больше часов, но им нечего тебе предложить.

Хартли умолкает, задумываясь о том, что я ей рассказал.

– Похоже, ты многое обо мне знаешь. Что еще тебе известно? – тихо спрашивает она, кутаясь в мою куртку, как будто кожа смягчит удары, которые, по ее мнению, вот-вот обрушатся на нее.

– Немного, – отвечаю я, – но расскажу тебе все, что ты захочешь узнать.

Тут я начинаю сомневаться, и не из-за чувства самосохранения, а потому что не хочу причинять ей еще больше страданий. Я недавно упрекал ее в том, что она полагается на рассказы других, а теперь сам предлагаю выложить все, что знаю. Чувствую себя лицемером. Но она отчаянно хочет получить ответы на свои вопросы, а я никогда не мог найти в себе силы отказать этой девушке. И все-таки советую ей подумать о другом варианте:

– Твой доктор сказал, что мы должны дать тебе возможность вспомнить все самой. Нужно лишь немного потерпеть, Харт. Уверена, что не хочешь подождать?

Она делает глубокий вдох. Я чувствую, как ее плечи поднимаются и опускаются на вдохе и выдохе.

– Сегодня, после нашей встречи в кафе, я решила, что пора двигаться дальше, и собиралась забыть о прошлом, создав новые воспоминания.

– Но случилось что-то, что изменило твое решение? – догадываюсь я.

Хартли вздыхает.

– Возможно.

– Ты можешь рассказывать мне обо всем. Я не стану осуждать тебя.

В моем прошлом много мерзостей, и мне страшно обсуждать его с ней,

но уверен в одном: если не буду до конца откровенным с этой девчонкой, она никогда не будет доверять мне. Тем вечером у «Френч-Твист» она сказала, что ей нужен кто-то, кто будет с ней честным. И это должен быть я, а значит, мне придется признаться во всем том дерьме, которое я творил в прошлом. Но это может подождать, потому что если она не съест свой хот-дог до нашего разговора, то, боюсь, потом совсем потеряет аппетит. Я подталкиваю Харт коленом под попу.

– Поднимайся давай. Еда остывает, а кола нагревается.

Хартли согласно взбегает по ступенькам. Я бросаю пакет на пол, беру два стакана и кидаю в них лед. На глаза попадается бутылка водки, и я решаю, что Хартли не помешает выпить чего-нибудь покрепче газировки.

Она сбрасывает обувь, снимает куртку и аккуратно кладет ее на пол. Потом переходит в середину комнаты и начинает доставать покупки из пакета. Закончив, Хартли принимается изучать свой новый телефон. Он самый обычный, но зато я теперь смогу связаться с ней.

– Эй, дай-ка его мне, – прошу я.

Хартли бросает мне телефон. Я вбиваю свой номер и добавляю в список избранных контактов.

– Вот. Если захочешь съесть хот-дог, пиши мне в любое время. – Я протягиваю телефон обратно и толкаю сумку за спину Харт, чтобы ей было куда прислониться.

– Но не привыкай к такому королевскому обращению, – шучу я, чтобы разрядить обстановку. Ее лицо аж свело от напряжения. – Я не каждой девчонке покупаю хот-доги на автозаправках.

– Надеюсь. Это же почти то же самое, что просить ее стать твоей девушкой.

– Нет, это то же самое, что жениться. – Я откусываю сразу половину своего хот-дога.

– С чего ты взял?

– Когда ты хочешь просто встречаться с девчонкой, то все тщательно планируешь, потому что тебе нужно произвести впечатление. А когда дело идет к свадьбе, ты не паришься и делаешь то, что тебе по-настоящему нравится, просто наслаждаясь человеком, рядом с которым можешь просто быть собой.

Хартли, жуя, обдумывает мои слова.

– Мы делали что-то из распланированного до того, как я потеряла память?

– Ты помнишь, что мы встречались?

Она криво улыбается.

– Нет. Это больше похоже на выдавать желаемое за действительное. Я не знаю, что было между нами. – Она втягивает голову в плечи. – Если честно, когда я только вошла, то боялась, что была шлюхой, которая брала деньги за секс.

Я давлюсь хот-догом. Так сильно, что Хартли вскакивает и бьет меня по спине. На глаза наворачиваются слезы, и я показываю на газировку, которую она тут же мне передает. Я выпиваю залпом почти полбутылки и, когда, наконец, могу нормально дышать, говорю:

– Ты думала, что была проституткой?

– Думаю, лучше употребить термин «работница секс-индустрии», – чопорно отвечает Харт. Она сидит в позе лотоса, положив руки на обтянутые джинсами колени. Длинные черные волосы убраны за маленькие ушки. Мне сложно представить ее «работницей секс-индустрии», как она выразилась.

– Нет, ничего подобного не было. – И мозоли на моей правой руке тому доказательство.

– Откуда ты знаешь? – Она мило хмурится.

– Когда мы достигали половой зрелости, дядя Стив возил каждого из нас в бордель в Рино, чтобы мы лишились девственности с профессионалкой, – беспристрастно объясняю я.

– Ого!

– Да, ого. – Не знаю, зачем я ей это рассказываю. Может, потому, что это не самый отвратительный эпизод из моего прошлого, и я пытаюсь дозировать информацию, чтобы она с криками не убежала отсюда. – Ты и правда ни хрена не помнишь, да?

Где-то очень глубоко я сомневался в ее амнезии, но Хартли действительно потеряла память, и это причиняет ей боль. Мне хочется посадить ее к себе на колени и сказать, что все будет хорошо. Я все сделаю, чтобы защитить ее. Поэтому мне больше нельзя пить. Я отставляю полупустой стакан с водкой в сторону. Я должен быть здесь, с ней, морально и физически.

– Твой док сказал не забивать тебе голову всякими глупостями, но я готов рассказать тебе все, что ты хочешь знать и что готова услышать. Налить еще? – Я киваю на водку в ее руке. Мне лучше больше не пить, но ей не помешает.

– Нет. Лучше сделать это на трезвую голову. Выкладывай.

– Что ты хочешь узнать?

– Все. Я ничегошеньки не помню из своего прошлого. Мои телефон и сумка пропали, как и аккаунты в соцсетях, если они вообще у меня были.

Все вещи в моей комнате такие новые, что на занавесках даже сохранились складки от фабричной упаковки. Но вот что странно, Истон. Я знаю магазины, знаю, в каком направлении идти, помню кое-какие события из тех времен, когда была намного младше. Например, когда ко мне в палату пришла Фелисити, я подумала, что она Кайлин О'Грэйди. Мы познакомились в детском саду. Я помню, что у меня был учитель музыки по имени Деннис Хейз. Фелисити рассказала мне, что Кайлин уехала из города три года назад, а мистер Хейз сбежал год спустя, потому что выяснилось, что он педофил.

Я застываю.

– То есть ты думаешь, что была одной из жертв этого мистера Хейза?

– Нет. – Хартли взмахивает рукой. – Я была в библиотеке и искала информацию об этом в интернете. У него был роман с семнадцатилетней ученицей, вот и все. Хотя так нельзя, конечно.

Я расслабляюсь. Теперь можно разбираться с остальным.

– Ты помнишь свою семью?

Хартли проводит пальцем по шраму на запястье.

– Кое-что. Я помню свадьбу Паркер, всякие мелочи про Дилан – как заплетала ей косички или играла с ней в «Лего». Иногда я ей читала... – Она умолкает, продолжая водить пальцем по шраму. – Время от времени мы ссорились. Не помню, из-за чего именно, но помню, как кричали друг на друга.

Харт как-то говорила мне, что у ее сестры бывают резкие перемены настроения, как и у меня. Мне диагностировали синдром дефицита внимания и гиперактивности, и какое-то время мама заставляла меня принимать лекарства, но потом голоса в ее собственной голове стали занимать ее все больше. Я начал пить и принимать другие таблетки, чтобы компенсировать эту потерю. Наверное, я до сих пор так делаю.

– Но не помнишь ничего за последние три года, – замечаю я.

– Вообще ничего за последние три года. Я даже не помню, как получила этот шрам. – Она поднимает вверх запястье.

– Зато я помню. – Мой взгляд останавливается на водке. Я бы многое отдал, чтобы сейчас разом влить в себя полбутылки и отключиться. Тогда мне не придется рассказывать Хартли, что запястье ей повредил ее собственный отец. Но так ведут себя только трусы, а я, какие бы ни совершал ошибки, никогда не считал себя трусом.

– Я видела твою фотографию в «Инстаграме», – говорит Хартли.

Я не ожидал, что она сменит тему, но не теряюсь.

– Собирала обо мне информацию, да?

Харт даже не собирается ничего отрицать.

– Да, о тебе, о себе, Фелисити, своей кухне Дженнет. Я отправила ей сообщение, и она ответила, но я передумала читать ее ответ.

– Почему?

– Потому что, столкнувшись с тобой сегодня, я посчитала, что не хочу ничего вспоминать. Мой мозг решил, что лучше забыть о каких-то конкретных вещах, и я подумала, пусть так оно и будет.

– Подумала?

– Да, подумала. Но забыть о прошлом можно будет лишь тогда, когда амнезия случится у всех. Ты что-то помнишь. Моя сестра что-то помнит. Мои родители что-то помнят. И твои воспоминания влияют на твое ко мне отношение. Даже Фелисити и Кайлом движет то, что я когда-то им сделала.

Это ужасно.

– Да и нет. Не понимаю, зачем это Кайлу. Но готов поспорить, что он что-то получит от Фелисити. Вы с Кайлом даже не были знакомы. Не посещали общие занятия и никогда не пересекались в компаниях. Ты была слишком занята. Если не сидела на уроках, то вкалывала. Черт, да ты даже иногда сбегала из школы, чтобы поработать!

– Правда?

– Правда. – Внутри у меня все переворачивается. Ложь, которую я когда-то говорил, грехи, которые я пытался спрятать – надо рассказать обо всем этом прямо сейчас. Я подзываю ее пальцем. – Иди сюда.

– Зачем? – спрашивает Хартли, но придвигается ближе, и наши ноги касаются друг друга.

– Мне нужно будет держать тебя за руку, чтобы пройти через это. – Я совсем не шучу, но улыбаюсь, как могу, чтобы не напугать ее.

Я вытягиваю руки ладонями вверх и жду. Она смотрит на них, потом поднимает глаза на мое лицо, гадая, что такого я хочу ей рассказать. Когда ладони Хартли ложатся на мои, я чувствую, как они дрожат, и крепко сжимаю ее пальцы, желая прижать к себе ее всю.

– Я не очень хороший человек, – начинаю я, стараясь смотреть прямо на нее и не отвести взгляда, как какой-то малодушный слизняк. Это тяжело, особенно потому, что сейчас в ее прекрасных глазах замечаю нежность и тепло, которые в любую минуту могут смениться отвращением.

– Я не очень хороший человек, – повторяю я. Ладони начинают потеть. Я уже жалею, что решил держать ее за руки. Почему я так волнуюсь? Почему мне так важно, что она подумает обо мне? Я отпускаю ее, но Хартли ловит мои руки и тянет обратно.

– Нет.

– Почему нет? – охрипшим голосом спрашиваю я.

– Потому что мне нужно будет держать тебя за руку, чтобы пройти через это. – Уголки ее губ приподнимаются. Она придвигается еще ближе, ногами прижимаясь к моим ногам, наши сцепленные руки лежат у нее на коленях. – Я не хочу знать о прошлом, если оно причиняет тебе боль. Не рассказывай, если для тебя это слишком тяжело. По-моему, мы оба пережили столько боли, что хватит на всю оставшуюся жизнь.

Было бы хорошо умолчать, но мы никуда не продвинемся, если я не буду полностью честен с ней, поэтому собираюсь с духом и начинаю рассказ. О том, как подставил Фелисити, согласившись стать ее бойфрендом, а на следующий день обращался с ней, как с куском дерьма. Как переспал с девушками своих братьев, потому что они были самым вкусным запретным плодом. О том, как мне нравилась Элла, потому что она сильно напоминала мою маму, и о том, что когда целовал ее в клубе, то знал, что Рид ревнует, и наслаждался моментом, потому что мне нравилось причинять боль другим. О том, как моя мать покончила жизнь самоубийством и что это моя вина.

Когда я умолкаю, у меня болит горло, а глаза покраснели. Хартли уже больше не держит меня за руки. Я лежу на полу, положив голову ей на колени. Не знаю, как так получилось, но я не хочу никуда уходить – никогда. Она гладит пальцем мой лоб, и это должно успокоить меня, но мой член проснулся и напоминает, что его уже давно, чертовски давно никто не касался.

Поэтому, когда Хартли наклоняется и ее волосы, словно занавес, ниспадают мне на лицо, закрывая нас от всего мира, я не двигаюсь с места. А когда она своими губами касается моих, не отталкиваю ее и целую в ответ. Затем обхватываю за голову и переворачиваю, чтобы она оказалась подо мной, собираю в кулак длинные пряди волос и тяну за них, пока она не открывает рот.

Когда Хартли запускает пальцы в мои волосы и касается языком моего нёба, электрический разряд пронзает меня от языка до члена. Мы словно опять на вершине колеса обозрения, только в этот раз не вращаемся по кругу. Наша кабинка улетает в темную ночь, подсвеченную огнями парка аттракционов.

Но одного поцелуя мне недостаточно. Она была одинока? Я, черт побери, тоже был одинок с самой маминой смерти и с болью в сердце смотрел, как моя семья делится на группы, в которых мне нет места. В душе я страдал, но пытался всегда улыбаться, боясь, что если позволю холодному мраку выскользнуть из коробки, в которую запертал его, то

кончу так же, как мама.

Я перекачиваюсь на спину, подхватываю Хартли и подтягиваю к своему бедру. Она делает остальное и вот уже сидит на мне верхом, раздвинув ноги. Ее губы соленые и сладкие одновременно, а рот мягкий и влажный. В голове пульсирует кровь, и мой член вопит о более тесном, более приятном контакте. Пальцы впиваются в ее аппетитную попку, и я тяну ее на себя. Теперь мы словно одно целое.

Жар ее тела разъедает смутные контуры, созданные выпитым алкоголем, и вот все в комнате становится резким и четким. На ее ресницах застыли капельки непролитых слез, которые кажутся украшенным кристаллами кружевом на фоне нежной щеки. Швы на ее джинсах трутся о подушечки моих пальцев. Когда я вдыхаю, мои легкие наполняются ее запахом – ароматом теплого меда с цитрусовыми нотками. А когда она двигается, прижимаясь ко мне животом, то слышу, как шелестит наша одежда.

Хартли стонет мне в ухо, и от одного этого звука я чуть не кончаю в джинсы. Я, Истон Ройал, который трахнул больше девчонок – и женщин – чем пятидесятилетняя порнозвезда, возбуждился до предела и близок к фантастическому «О» лишь от поцелуя и немногих ласк.

Я здорово увлекся. Почти одержим ею. А ведь еще даже не рассказал ей самое худшее.

Глава 21

Хартли

Я без всяких воспоминаний знаю, что это лучший поцелуй в моей жизни, и если мне суждено запомнить его как первый, то я самая счастливая девушка на свете. У Истона твердое, как скала, тело, но волшебный нежный рот. А от того, как он прижимает меня к груди – как будто никогда не хочет отпускать, мое сердце поет.

Вот почему я приехала сюда. Я искала не место, а человека. Я вернулась домой.

Не знаю, как это произошло, но он проник в мою ДНК. Иначе как еще это объяснить? Фелисити была права в одном: я действительно влюбилась с первого взгляда. Сердце не обманешь. Оно тянулось к Дилан, и оно тосковало по Истону.

Он стонет. То, как Истон двигается подо мной, делает меня храброй.

Мои руки проскальзывают под его футболку и касаются горячей, как пески пустыни, кожи.

– Харт, – шепчет Истон мне в губы, умоляя то ли перестать, то ли продолжать. Я передвигаю руки вверх, запоминая все изгибы и впадины на его животе. Ощущаю горячую гладкую кожу, твердую широкую грудь, крепкие мускулистые плечи. Его бедра требовательно и настойчиво двигаются подо мной.

Не знаю, как далеко бы мы зашли, сколько одежды сняли бы, скольких еще бы частей его тела я коснулась и сколько еще частей моего он бы поцеловал, потому что Истон отрывается от моих губ и утыкается лицом мне в шею.

Я позволяю ему оставаться так, прекрасно понимая, что секс сейчас станет ошибкой. Мы оба пребываем в эмоциональном раздрае. Перечень всех его прошлых грехов вызвал у меня слезы, но не потому что я ужаснулась тому, что он делал, а потому, сколько ненависти к самому себе было в его словах. Подозреваю, что Истон рассказал мне не все, и есть другие истории, которые заставят меня рыдать. Но кровь, что стучит в висках, подталкивает меня опуститься ниже и выяснить, каково будет держать в руках этот твердый член, упирающийся мне в живот.

Истон словно чувствует мой порыв. Он осторожно снимает меня с себя

и отодвигается на метр, как будто боится, что не сможет сдержаться, если будет ближе.

– Твой первый раз не должен случиться на дешевом линолеуме, – говорит он.

По мне пробегает волна облегчения.

– Я никогда раньше не занималась сексом?

Истон отвечает не сразу.

– Не знаю, мы никогда это не обсуждали. И меня это не особо интересовало. Я сам давно не девственник, с чего бы мне ждать от тебя обратного? Но ты не спала ни с кем из «Астора», если тебе это важно.

– Очень важно, если честно. – Я даже не могу подобрать слов, чтобы описать, какой ужас испытывала, когда проходила по коридору мимо парней и гадала, видели они меня голой или нет. Другой мой кошмар связан с братом Истона. Тяжело вздохнув, я заставляю себя спросить:

– Авария произошла по моей вине?

– Черт, конечно нет! – Истон перекачивается на бок, подкладывает руку под голову и хмурится. – Все это время ты считала себя виноватой?

– Я не знала, что думать, – признаюсь я. – Никто мне ничего не говорил. Я спрашивала у доктора и медсестер, но они так и не дали мне четкого ответа.

Истон вздыхает и опускает подбородок.

– Я не хочу ничего говорить тебе, потому что иначе ты возненавидишь меня, а это последнее, чего мне хочется.

От страха у меня сжимается горло, но мне удается выдать из себя слова утешения.

– Мне кажется, я никогда не смогу тебя возненавидеть.

Это правда. Мне было больно слышать все, что он рассказывал мне, но лишь потому, что его душевные раны очень глубоки.

Истон медленно поднимает голову, словно к его шее подвешен якорь. Я ловлю его взгляд и стараюсь удержать, мысленно подбадривая его продолжать.

– Это была моя вина. Я был пьян и взбешен. Твои родители угрожали, что отправят твою сестру в школу-пансион, как и тебя когда-то, а я, будучи последним придурком, почему-то возомнил, что смогу решить эту проблему, поговорив с твоим отцом. Мы разругались.

Я чувствую, как левый глаз начинает пульсировать, и моргаю.

– Мы разругались? – хрипло повторяю я.

– Да, все мы – ты, я, твой отец. – Его взгляд опускается на мое запястье.

Я прячу шрам, прижав руку к бедру, и какое-то шестое чувство подсказывает мне, что история, скрывающаяся за шрамом, может пролить свет на все, что происходит.

– Ты была расстроена, – продолжает Ист. Он говорит медленно. На лбу залегла глубокая морщинка. Я вижу, как работают мышцы на его шее, когда он пытается подобрать слова. – Начала сдавать задним ходом. Поворот рядом с твоим домом – слепая зона, а близнецы всегда проезжают там на предельной скорости. Один раз они даже чуть не сбили нас. Мы поехали к тебе домой, потому что ты волновалась за свою сестру. Родители не разрешали вам видеться и были против того, чтобы ты возвращалась в Бэйвью.

У меня такое ощущение, что моя голова сейчас расколется на две части. По горлу поднимается желчь. Я хочу, чтобы он замолчал. Перекатившись на спину, я поднимаю руку. С меня хватит.

– Я больше не хочу ничего знать.

Но тишина еще хуже. Мне нужно знать! Знать, что я сделала, или никогда не смогу уважать себя.

– Рассказывай, – выдавливаю я из себя.

– Это твой отец сломал тебе запястье.

Тут я больше не могу сдерживаться. Меня заполняет смесь из гнева и горечи, вызывая слезы. Я не хотела принимать очевидное и убеждала себя, что папа поступил так с Дилан сгоряча, но в глубине души что-то подсказывало мне, точно так же, как подсказало приехать сюда, что в нашей семье что-то не так.

– Как это случилось? – Я вытираю слезы, но они текут и текут.

– Меня там не было. Тогда мы еще не были знакомы, ты сама мне об этом рассказала. У тебя были проблемы со сном, ты спустилась вниз и увидела отца с женщиной. Та женщина заплатила ему, чтобы он развалил дело о наркотиках в отношении ее сына.

– Он брал взятки?

Истон мрачно кивает.

– И я что-то предъявила ему?

– Нет. Ты пошла к своей сестре Паркер, которая сказала тебе идти домой и делать вид, будто ничего не произошло.

– Но я не стала этого делать. – Сердце колотится с бешеной скоростью. Внутри растет уверенность. Я не помню ничего из того, что рассказывает мне Ист, но чувствую, что все это правда. Зачем бы он стал врать мне о таких гадких вещах.

– Все верно. А потом ты застала его за получением еще одной взятки,

хотела убежать в дом, но он поймал тебя. Ты говорила, он был очень сердит, но сломал тебе запястье случайно. А потом упаковал твои вещи и отправил тебя в школу-пансион. Ты так и проходила три недели с переломанным запястьем. Вот откуда этот искривленный шрам. Врачам пришлось сломать его заново, чтобы кость правильно срослась.

Я прикрываю глаза тем самым запястьем со шрамом и перестаю сопротивляться слезам. Я не смогла бы их остановить, даже если бы очень захотела. Оказывается, мой мозг не хотел вспоминать, что отец нанес мне увечье, а семья отвернулась от меня. Боль в груди сильнее той, что я почувствовала, очнувшись в больничной палате. Такое ощущение, что кто-то влез внутрь меня, сломал каждое ребро, а потом воткнул зазубренный конец одного из них прямо мне в сердце.

– Я хочу перестать плакать, – всхлипываю я.

– Ох, черт, детка! Плачь, сколько хочешь. – Раздается шорох, и вот ко мне прижимается упругое горячее тело. Истон поворачивает мое лицо к своей груди и гладит меня по спине. – Плачь, сколько хочешь.

Я рыдаю, кажется, целую вечность. Когда мои бесконечные слезы высыхают, а плач превращается в судорожные вздохи, Истон спрашивает:

– Ты боишься находиться дома?

– Я боюсь не за себя, а за Дилан. Сегодня было совсем страшно. Дилан нужно принимать лекарства, но, как я поняла, она этого не сделала. Мы поссорились за столом, Дилан сердилась, что я вернулась домой. Она выругалась, и папа вышел из себя, принес ее таблетки и силой заставил их проглотить. Это было... чудовищно. – Я останавливаюсь, давась этим воспоминанием. – Он с такой силой сжимал ее челюсть!

– Тебе надо убраться из этого дома. Вам обеим.

Я киваю, но не знаю, что делать. Судя по всему, Паркер бесполезно просить о помощи. Она не поверила мне тогда, не поверит и сейчас. Мама? Она может быть жесткой, но тогда почему я пошла к Паркер, а не к маме?

– Мы можем жить здесь. Или я найду нам место попросторнее.

Я моргаю.

– Мы?

– Я не допущу, чтобы ты переживала все это в одиночку!

Его возмущение вызывает у меня улыбку.

– Прости. Я не подумала.

– Это точно.

Но мое веселье длится недолго. Дилан живет в доме с монстром, а я переживала из-за школы, своей репутации и прочих глупостей, когда мне следовало больше внимания уделять ей.

– Сестра ненавидит меня. С тех пор как я вернулась из больницы, она постоянно грубит, а когда сегодня я попыталась утешить ее, отказалась впускать меня в свою комнату. Должно быть, Дилан очень злится на меня за то, что я бросила ее, оставив один на один с нашим тираном-отцом.

– Ты не бросала ее. Тебе было четырнадцать, когда тебя отправили в пансион. Почти столько же, сколько Дилан сейчас. Как думаешь, сможет она противостоять твоему отцу? Нет. И ты вернулась, чтобы спасти ее.

– Какая-то дерьмовая из меня спасительница.

– Твой отец юрист. Не думаю, что ты можешь вот так просто забрать свою сестру и сбежать. А судя по тому, что ты рассказывала, тебе придется похитить ее, потому что она та еще засранка.

Засранка. Я сдерживаю смех. Я устала, опустошена, нахожусь на грани истерики, так что сейчас мне может показаться смешным все, что угодно.

– Обожаю этот звук, – широко улыбаясь, говорит Истон.

– Какой звук?

– Твой смех. Лучший в мире звук.

Я закатываю глаза.

– Уверена, есть звуки и получше. Например... – я тщетно пытаюсь подобрать пример.

Истон ликует.

– Ха! Видишь! Даже ты согласна: смех Хартли Райт – лучший звук во всем мире.

Я снова начинаю смеяться, от чего он улыбается еще шире, и вот уже мы оба сидим и улыбаемся, как два дурака, только я еще периодически хихикаю. Он обладает поистине необыкновенной силой. Пять минут назад я рыдала навзрыд, совершенно сломленная, и *по-прежнему* так себя чувствую. Но у Истона есть какая-то магическая способность заставлять меня улыбаться даже когда кажется, что надежды нет.

Это и восхищает, и пугает меня.

– Мне пора, – смущенно говорю я, потому что наши улыбки вдруг стали чем-то слишком... Не знаю. *Чем-то слишком интимным.*

Истон тут же хватается за руку.

– Останься.

Я колеблюсь, тяжело вздыхая.

– Совсем ненадолго, – добавляет он.

Хриплый голос и еще одна милая улыбка – этого достаточно, чтобы уговорить меня. Я закрываю глаза, сделав Истона своей подушкой, обогревателем и эксклюзивным источником уюта. Я просто полежу с закрытыми глазами... Всего минутку. А потом поеду домой.

Я просыпаюсь от того, как кто-то бубнит о том, что он здесь ради своей музыки и только ради своей музыки. Я сажусь и оглядываюсь, чтобы понять, кто говорит, но здесь только мы с Истоном, на груди которого я только что спала. Его голова лежит на свернутом школьном пиджаке.

Рядом с ним светится экран его телефона. Я трясую Истона за плечо.

– Я уже встаю, – бормочет он.

Я улыбаюсь этой явной лжи и трясую его еще сильнее. В этот раз он перекачивается на бок и сонно улыбается мне.

– Привет, детка. Тебе приснился сексуальный сон и ты захотела воплотить кое-какие детали в реальную жизнь?

Он такой заспанный и такой красивый, что мне хочется согласиться.

– Твой телефон звонит.

Истон стонет и закрывает рукой лицо.

– Который час?

– Три.

Я встаю и оглядываюсь в поисках своей обуви. Мне нужно домой. Хочу проверить, как там Дилан. Но мои движения замедленны, наверное, из-за обезвоживания. Я выплакала все запасы жидкости.

– Дня?

Телефон перестает звонить. Я замечаю свои кроссовки у двери.

– Утра.

Я с тоской смотрю на кожаную куртку. Не хочу ее оставлять, но это его куртка. Нельзя же постоянно воровать у него вещи.

– Утра? – Истон стонет от досады.

Телефон снова начинает звонить.

Мне становится не по себе.

– Думаю, тебе лучше ответить. Никто не станет звонить так поздно, если это не что-то срочное.

Истон отвечает не сразу, и мне в голову вдруг приходит мысль, что, возможно, девушки из «Астор-Парка» частенько звонят ему среди ночи. Ревность побуждает меня наклониться и подхватить с пола кожаную куртку. Он сам мне ее дал.

– Алло? – говорит Истон в трубку. Он слушает две секунды и тут же вскакивает. – Надеюсь, что это не дебильная шутка, – почти кричит он, но не от злости. На его красивом лице растянулась улыбка. – Скоро буду.

Истон опускает руку и поворачивается ко мне, продолжая

ослепительно улыбаться.

– Он пришел в сознание.

– Кто? Себастиан?

– Да, – Истон лихорадочно кивает, – он очнулся!

– А-а-а! – кричу я, подпрыгивая на месте.

Наконец-то хорошие новости.

Истон танцует что-то свое, потом мы берем друг друга за руки и начинаем скакать по комнате, словно два дурака. В пол стучат.

– Угломонитесь там, или я вышвырну вас вон! – кричит домовладелец.

Мы тут же останавливаемся и смотрим друг на друга с радостным восхищением.

– Он очнулся, – шепчу я, как будто если заговорю громче, то брат Истона снова впадет в глубокую кому.

– Чертовски верно! – Истон оглядывается. – Нужно одеваться.

– Тебя подвезти? – спрашиваю я. Не помню, чтобы у дома стояла машина.

– Нет. За мной приедет Дюран.

Понятия не имею, кто это. Я беру обувь Истона и ставлю ее рядом с его ногами.

– У тебя есть носки?

– В сумке. – Он дышит себе на руку и принюхивается. – Черт, от меня несет, как от помойки. У тебя есть мятные леденцы?

Я проверяю карманы, но в них пусто.

– Черт. Ладно. Почисти зубы, чтобы Себ не потерял сознание, когда я заговорю с ним. Крикни, если увидишь у входа большой черный «Бентли».

Понятия не имею, что значит «Бентли», но поглядываю в окно, высматривая нечто большое, черное и дорогое. Я достаю из сумки носки, черные боксеры с белой прострочкой, на которых написано *Supreme*, и пару джинсов.

Я хочу извиниться перед его братом, но не знаю, хотят ли меня вообще там видеть. Истон сказал, что его семья не ненавидит меня, но как такое может быть? Пусть он утверждает, что это его вина и что близнецы неслись на бешеной скорости, все-таки это моя машина врезалась в их. Я отправила их сына, их брата в кому.

– Как думаешь, мне можно навестить его? – спрашиваю я Истона, когда он выходит из ванной. Я протягиваю ему ботинки, носки и трусы.

Он тяжело вздыхает.

– Блин, даже не знаю. Давай я сначала проверю, адекватен ли Сойер. Он защищает Себа и может сорваться на тебя. Мы все понимаем, что ты ни

при чем, но Сойер чувствует себя виноватым из-за Себа, и ему хочется переложить вину на кого-то другого.

– Хорошо, – с сожалением соглашаюсь я. – Но хотя бы подарок я могу ему отправить? Что любит твой брат?

Истон усмехается.

– Девочек.

Я хватаю ботинок и швыряю ему в плечо.

Он со смехом ловит его.

– Карамельки в шоколаде.

Я поднимаю руку для следующего броска.

– Ты это только что сам придумал или он правда их любит?

– Он правда их любит, ты, маленькая фурия. – Истон наклоняется, чтобы быстро поцеловать меня. – Езжай домой к Дилан, но позвони мне, если вдруг что-то понадобится. Звони в любое время – утром, днем, ночью. Просто звони и все.

– Хорошо.

– И отвечай на проклятые сообщения!

– Есть, сэр! – Я отдаю ему честь.

Мы, улыбаясь, расходимся в разные стороны, и я снова поражаюсь магии Истона Ройала. Как бы я себя ни чувствовала, он единственный человек в моей жизни, которому удастся заставить меня улыбаться.

Глава 22

Истон

– Как себя чувствуете? – спрашивает Дюран, когда мы отъезжаем от затрапезной квартирки, которую я начинаю считать своим домом.

– Устал, как собака, – признаюсь я.

– Да, вечер был волнительным, – соглашается он.

Еще как! Вся эта эмоциональная фигня может выжать из вас все соки, но, несмотря на усталость, я испытываю небывалую легкость, признавшись Хартли во всех грехах. И она не оттолкнула меня. Но ситуация в ее семье разрывает мне сердце, и это убивает меня. Мне нужно придумать план, как забрать Дилан из дома этого подонка, отца Хартли.

Я листаю свои сообщения.

Сойер: *Себ очнулся.*

Следующее сообщение написано минут через двадцать. Видимо, за это время Сойер позвонил папе в Дубай, и тот разбудил всех остальных.

Элла: *Только что узнала от Каллума. Уже еду!*

Рид: *О да!*

Гидеон: *Мы с Ридом приедем завтра. У Рида контрольная в час. Держитесь!*

Рид: *Я пропущу ее.*

Гидеон: *Мы выезжаем сразу после контрольной Рида.*

– Элла в больнице? – спрашиваю я Дюрана.

– Да, приехала минут десять назад.

– О, круто.

Дюран за считанные секунды доставляет нас на другой конец города. Помогло и то, что в этот час дороги почти свободны. Дюран не успевает полностью остановить автомобиль, как я уже выскакиваю из него, пробегаю мимо лифтов и несусь вверх по лестнице.

– Ш-ш-ш, – шикает на меня медсестра, когда я влетаю в коридор. Не обращая на нее внимания, я вваливаюсь в палату.

– Ты до смерти напугал нас, маленький засранец! – кричу я.

Себастиан показывает мне средний палец. Меня переполняет радость. Совсем недавно я думал, что нашу семью скоро ждет конец, как сказала Элла, но нет. Ничто нас не сломит!

– Тебе что-то нужно? Хочешь пить? Есть? – Я оглядываю комнату и останавливаю взгляд на шкафу в углу. Там наверняка найдутся еда и вода. Сойеру же надо было как-то поддерживать свое существование.

– Пить, – хрипло отвечает Себ.

– У тебя такой голос, будто ты полз через Сахару, – бросаю я через плечо, распахивая дверцы шкафа. Бинго! На полке лежит ряд бутылок с водой. Взяв одну, я откручиваю крышку и быстро возвращаюсь к кровати. – Где тут кнопки?

Хочу поднять Себа в сидячее положение, чтобы он не захлебнулся, пока я буду поить его. Пошарив рукой, нащупываю маленькие кнопки управления и со второй попытки слегка приподнимаю изголовье кровати.

– Вот, пей.

Вода стекает из уголка его рта, и Себ ругается.

– Блин, Ист, можно поаккуратнее?

Я удивленно поднимаю брови.

– Прости, чувак. Уход за больными не входит в список моих суперспособностей.

Брат пытается оттолкнуть мою руку, и «пытается» – ключевое слово. Мальчишка слаб, как котенок. И в результате на простыни проливается еще больше воды.

– Проклятье! Хватит нависать надо мной! – скривившись, Себ хватается за голову.

Не на шутку испугавшись, я чуть было не роняю бутылку.

– Что такое? Твою ж мать! Как мне позвать медсестру? – Я пролезаю к стене за кроватью и со всей силы нажимаю пальцем красную кнопку экстренного вызова.

– Стой! Что ты делаешь? – Себ снова пытается оттолкнуть меня.

– Вызываю сюда профессионала. А ты что подумал?

– Где Сойер? – сердито спрашивает он, глядя на дверь, словно может заставить своего близнеца появиться одной силой мысли.

– Элла повела его перекусить. Буфет на первом этаже. Еда здесь отвратительная, так что тебе, наверное, тоже будут давать то еще дерьмо. Но не волнуйся, я буду приносить тебе вкусняшки.

– Зачем? Я еду домой. – Себ откидывает простыни и спускает ноги с кровати.

– Ты спятил? Никуда ты не поедешь. – Я забрасываю его ноги обратно на постель и натягиваю на него простыни. Вернее, пытаюсь. Себ отпихивает меня. – Что за бред! Сейчас придет медсестра.

Дверь распахивается, и в палату вбегает дежурная медсестра. Ее

темный конский хвост развевается за спиной.

– Отойдите, – приказывает она.

Я отхожу назад.

– Куда это вы собрались, мистер? – строгим голосом обращается она к Себу, который пытается поставить ноги на пол.

– Я ухожу.

– Нет, не уходите. Дайте-ка мне его карточку. – Она протягивает руку, и я отдаю ей металлический планшет.

Медсестра сердито смотрит на нас обоих. Себ пытается принять сидячее положение.

– Я хочу домой.

– Мистер Ройал, вы две недели провели в коме, поэтому еще не скоро попадете домой, и уж тем более не сегодня. – Она закрепляет вокруг его руки манжету для измерения давления и смотрит на свои часы.

– Куда запропастился Сойер? – ноет мой брат. – Вот козел. Я же только что очнулся. Он должен быть рядом.

– Нам приходилось насильно вытаскивать твоего близнеца из палаты. Ему нужно хотя бы иногда есть, иначе он поменяется с тобой местами. – Я высматриваю на Себе следы каких-нибудь повреждений, хотя сам не знаю, что ищу. Мне не хочется волновать его, так что я стараюсь, чтобы мой голос звучал обыденно. Плохие новости могут снова вернуть его в кому. – Все нормально?

– Его жизненные показатели, похоже, в норме, – говорит медсестра и делает заметки в карте.

От облегчения у меня подгибаются коленки. Я хватаюсь за поручень больничной кровати.

– Отличные новости, правда, Себ?

Но Себ не слышит моего вопроса, самозабвенно таращась на вырез халата медсестры. Я кашляю. Он поднимает на меня глаза, и я провожу рукой у горла. Лучше бы он перестал, пока медсестра не проткнула ему яйца какой-нибудь длинной иглой.

Себ показывает мне средний палец и продолжает раздевать женщину глазами.

– Вы можете сказать мне, где мы находимся? – спрашивает она, к счастью, не замечая поведения Себа.

– Я уже отвечал на этот вопрос!

– Знаю, – пытается успокоить его медсестра. – Но мы должны проверять ваши показатели каждый день, чтобы понимать, помогает выбранное лечение или нет.

– Просто ответь, и все, – теряя терпение, вмешиваюсь я.
– Мы в восстановительном центре имени Марии Ройал, в том самом, который мой папочка построил, стараясь заглушить чувство вины после мамочкиной передозировки лекарствами.

Ручка в руке медсестры виляет в сторону. Себ замечает ее изумление.

– О, а вы не знали? Я-то думал, эту сплетню слышали уже все.

– Себ, – предостерегающе говорю я, – позволь сестре делать ее работу.

– Что у вас там? Тридцать шесть «Д»? Выглядите аппетитно.

Я со стоном закрываю руками лицо.

Медсестра с силой захлопывает планшет.

– Смотрю, вам действительно полегчало, мистер Ройал. Скоро придет доктор.

В ее голосе столько холода, что даже у меня стынут яйца.

– О, и задница у вас что надо! – кричит Себ ей вслед.

– Может, ты уже заткнешься? В чем дело? – Я подхожу к изголовью кровати, чтобы придушить его подушкой, если он снова начнет домогаться медсестру.

Себ с хмурым видом скрещивает руки на груди.

– Я просто развлекался. И еще хотел убедиться, что мой прибор по-прежнему работает.

Я опускаю глаза на приподнятую простынь.

– Мои поздравления. У тебя стоит. Но я мог бы загрузить порнушку на твой телефон, если тебе было так интересно проверить.

– Какие мы строгие! Ист, если бы ты лежал здесь, то делал бы то же самое.

– Нет. Я видел арсенал твоей медсестры – шприцы, трубки, судно. – Меня передергивает. – Я бы относился к ней с глубоким уважением. Ладно, проехали. Есть хочешь? Потому что последние четырнадцать дней ты довольствовался лишь этим, – я стучу пальцем по мешочку капельницы и читаю: – «Полное парентеральное питание». Должно быть, очень вкусно. Только скажи, и я принесу тебе все, что захочешь.

– Может, лучше приведешь кого-нибудь, кто отсосет у меня? – огрызается Себастиан.

Я все понимаю: брат последние две недели находился в коме, но я совсем не ожидал, что, очнувшись, он превратится в одержимого сексом придурка.

– Пойду посмотрю, где там Сойер.

– Наверное, трахает Лорен.

Значит, вот как? Должно быть, Сойер еще не рассказал ему плохие

новости, что вполне понятно.

– Сомневаюсь, – вот и все, что я отвечаю.

Мой брат кривит губы в гадкой улыбке.

– Ага, конечно. Но раз ты не занят ничем полезным, будь добр, сдави мой мешочек с морфином. У меня болит голова, а из-за тебя стало только хуже.

– Ладно, сейчас сделаю. – Напомнив себе, что Себ только что вышел из состояния комы, я заставляю себя выйти из палаты, не сказав больше ни слова. Навстречу по коридору бегут Сойер и Элла.

– Как он? – спрашивает Сойер.

– В плохом настроении.

Элла морщится.

– До сих пор? Я думала, ему станет лучше, когда он сориентируется.

Сойер смеется. Его улыбка растягивается от уха до уха.

– Да какая разница, в каком он настроении? Он пробыл в коме две недели!

– Он спрашивал про Лорен, – предупреждаю я.

Улыбка на лице моего брата тут же гаснет.

– Дерьмово.

– Я ничего не сказал.

– Вот и молчи дальше. Я не хочу, чтобы сейчас ему сообщали какие-нибудь плохие новости.

– Я и не собирался ничего говорить.

Сойер переводит взгляд на Эллу. Она поднимает руки вверх.

– Я тоже ничего ему не скажу, но чем дольше ты тянешь с этим, тем хуже.

– Он заметит, что что-то не так, когда она не придет к нему, – замечаю я.

– Просто молчите и все! – рявкает Сойер. – Я сам решу, когда придет время сказать ему.

Он протискивается мимо нас в палату.

Элла отходит назад и, как только дверь закрывается, поворачивается ко мне.

– С Себастианом что-то не так.

– Ты имеешь в виду, что наш милый и кроткий братишка превратился в грубого и помешанного на сексе монстра?

– Да, – Элла выразительно кивает, – именно это. Стоило мне войти в палату, как он спросил, пришла ли я для того, чтобы сделать ему минет. Сказал, что это входит в обязанности сестры. А когда я напомнила ему, что

встречаюсь с его братом – на тот случай, если он вдруг тоже потерял память, как Хартли, – Себ заявил, что раз мы не являемся кровными родственниками, я могу залезать к нему на кровать, и что он предпочитает позу «наездницы», но только спиной к нему, чтобы не пришлось смотреть мне в глаза! – Она заканчивает фразу на повышенных тонах.

Кое-кто из медперсонала оборачивается в нашу сторону. Я беру Эллу под локоть и увожу по коридору подальше от посторонних глаз.

– Как Сойер уже сказал, Себ две недели провел в коме. Это нормально, что он очнулся со стояком. Ему просто пока трудно разобраться в своих ощущениях, и из-за обезболивающих он немного не в себе. Может, поедешь домой? Мы с Сойером вполне справимся вдвоем.

Элла с виноватым видом оглядывается на дверь палаты.

– Нет, как я могу поехать домой?

Но она явно хочет уехать.

– Поезжай. Все будет в порядке, – уверяю я ее.

Элле не надо повторять дважды. Она сжимает мою руку, бормочет какие-то дежурные фразы и торопливо уходит. Должно быть, поведение Себа порядком ошарашило ее.

Подходя к палате, я слышу крики. Ускорив шаг, толкаю дверь. Внутри царит суета.

– Что происходит?

– Мы берем анализы, – отвечает мне кто-то из медперсонала.

В палату входят еще люди, и Себа увозят, чтобы обследовать его голову – в буквальном смысле этого слова. Пока его везут, он то материт медперсонал – «Уберите на хрен свои гребаные руки, вы, скоты!» – то домогается сестер – «По шкале от одного до мокренькой, что там с твоими трусиками, когда ты уже пять минут пялишься на мой член?»

– В чем дело? – тихо спрашиваю я, когда Сойер вместе со мной выходит из палаты. – Чего он так завелся?

Сойер сползает по стене, вместо улыбки на его лице усталость и раздражение.

– Медсестра заставила его пописать в судно.

– А, ясно, вот из-за чего было столько шума.

– Мне пришлось позвать на помощь двух санитаров, и мы втроем держали его, чтобы он не бросил судно медсестре в голову. Не знаю, что на него нашло. – Сойер в недоумении.

Я хлопаю брата по спине.

– Видимо, он встал не с той ноги.

Сойер криво усмехается моей плохой шутке.

– Ладно, это не имеет никакого значения. Важно лишь то, что он в сознании.

– Угу. И теперь ты можешь поехать домой.

– Что?

– Поезжай домой, Сойер. Ты вымотался. Все эти четырнадцать дней ты почти не спал. Скоро экзамены, так что тебе пора позаботиться и о себе.

– С каких пор ты стал нашим отцом? – шутя, спрашивает Сойер, но я вижу в его глазах облегчение.

– С тех пор, как наш настоящий отец улетел в Дубай, чтобы продать наши самолеты каким-то богатым арабам. Теперь нам придется делиться нашим наследством с Эллой, так что папе пора начать зарабатывать больше денег.

К моему удивлению, Сойер не спорит. Видимо, у него действительно не осталось сил.

– Ладно. Но если Себ будет злиться, я буду винить во всем тебя.

– Справлюсь как-нибудь.

– И помни: ни слова про Лорен!

– Доверься мне. Я буду нем как рыба.

Если Себ бросается суднами только потому, что не может писать стоя, то боюсь даже представить себе, что будет, когда он узнает, что его девушка не смогла выдержать какие-то жалкие две недели.

Примерно три часа спустя Себа привозят обратно. Он в полной отключке. Я захожу в палату вслед за медперсоналом и жду, что они скажут.

– Нам пришлось дать ему снотворное, чтобы сделать томографию, – отвечает медсестра на мой вопрос о том, что с ним случилось. – Но все в порядке. Вы тоже можете ехать домой. Он еще не скоро проснется.

– Но кто-то должен быть рядом, когда это произойдет.

– Раньше мы не так строго относились к соблюдению наших правил, но теперь, когда мистер Ройал пошел на поправку, пора навести порядок. Это ради него. Вы же хотите, чтобы он поскорее поправился, правда?

Что за дурацкий вопрос? Я начинаю закипать.

– Конечно.

– Тогда до завтра. – Она рывком захлопывает дверь.

Я пишу в наш семейный групповой чат, что меня вышвырнули из палаты, и жду, что хотя бы Сойер скажет мне все равно оставаться в больнице, но в ответ приходит лишь сообщение от Эллы.

Сойер отрубился. Пусть Себ тоже выспится. Им обоим это нужно. Да и тебе тоже.

Я думаю о Себе и его сумасбродных выходках. Он ведет себя так, потому что напуган, так что нельзя, чтобы он проснулся в пустой палате.

Нет, я останусь.

*Вот это да, Истон Ройал! Смотрю, кто-то взрослеет.
*подмигивающий смайлик**

Внутри разливается какое-то странное, необычное тепло. Я убираю телефон. Может, я правда взрослею. Пожалуй, это даже не плохо.

Глава 23

Хартли

– Прости, что вернулась домой так поздно, – говорю я маме, посыпая коричневым сахаром свою овсянку.

– Да? Я даже не заметила. Дилан, где твой шлем? – кричит мама.

– В тамбуре, – звучит безразличный ответ.

– Я уже искала там, – бурчит мама, бросает полотенце на кухонную столешницу и выходит в прилегающий к кухне тамбур.

Шлем? Интересно, для чего он ей. Дилан вваливается в кухню. Я внимательно рассматриваю ее, чтобы убедиться в отсутствии повреждений: интересно, она ничего себе «случайно» не ломала за последние три года? Папа только иногда срывается или все время так жестоко обращается с моей сестрой?

– Привет, Дилан. Как дела?

Она засовывает голову в холодильник, полностью игнорируя вопрос. Сестра избегала меня все утро. Проснувшись, я первым делом постучалась к ней, но она не ответила. Я стала ждать у себя, прислушиваясь к звукам в коридоре. Услышав ее, выскочила за дверь, но было слишком поздно – она спряталась в своей ванной.

Я подхожу и сжимаю ее плечо.

– Дилан, как дела?

Она выворачивается из-под моей руки и захлопывает дверцу холодильника.

– Я расслышала тебя с первого раза. Со мной все хорошо. Может, оставишь меня в покое, как делала это все последние три года? – С молоком в руке сестра топает к буфету и достает коробку хлопьев.

Чувство вины комом встает в горле, и мне приходится вздохнуть, чтобы заговорить:

– Прости, что меня так долго не было. Это не зависело от меня. Но я поэтому и вернулась домой, чтобы быть ближе к тебе.

– Плевать, – ворчит Дилан. Вытащив телефон, она листает свои сообщения.

Наверное, я тоже писала ей, когда не жила дома. Интересно, о чем? Может, я нагрубила ей? А может, она рассказала мне что-то, но я

пропустила мимо ушей, потому что была занята собственными проблемами?

– Прости, – тихо говорю я. – Прости, если обидела тебя.

Она смотрит на меня поверх телефона.

– Человек должен быть мне небезразличен, чтобы обидеть.

– Ай! – Я потираю грудь, пытаюсь перевести в шутку то, что она только что сказала. – Ладно, я просто надеюсь, что ты знаешь, как сильно я люблю тебя.

Дилан отвечает тем, что берет со стола свою чашку, относит ее в раковину и кричит:

– Мам! Ты нашла мой шлем?

– Ищу!

Я потираю подбородок рукой. Они ведут себя так, будто меня здесь нет.

– Уже пора ехать. Может, ты привезешь его потом?

– Ладно. Обувайся, и поехали.

Я натягиваю свой школьный блейзер. Дверь черного входа открывается.

– А Хартли? – произносит Дилан.

– О, я и забыла про нее. – И повысив голос, мама кричит: – Хартли, пора в школу.

– Боже, нам обязательно ее ждать?

– Вообще-то, я уже здесь, – отвечаю я.

Дилан удивленно смотрит на меня через плечо и бежит к машине, где залезает на заднее сиденье. Мама торопливо подходит к водительской двери.

– Садись, – говорит она мне, а потом бросает Дилан: – Ты сделала всю домашнюю работу?

– Да.

– Не забудь переодеться до того, как я заеду за тобой.

– Да, мама. Я поняла.

– Ну, на прошлой неделе ты забыла, верно?

Дилан умолкает. Я опускаю козырек и притворяюсь, что поправляю несуществующий макияж, но на самом деле смотрю в зеркало на свою сестру. Она затыкает уши наушниками и пялится в свой телефон.

Мне нужно убедиться, что ей ничего не угрожает.

– Мам, по поводу вчерашнего вечера. Может, я буду напоминать Дилан принимать таблетки?

Мама останавливается на светофоре и удивленно смотрит на меня, как

будто забыла, что я тоже сижу в машине.

– О, Хартли. Попроси кого-то из друзей отвезти тебя домой после школы. У Дилан сегодня урок верховой езды, – говорит она, словно не слыша моего предложения. Хотя, может, она и не слышала.

– Вчерашний вечер меня напугал.

– Твой отец – человек вспыльчивый. – Она взмахивает рукой. – Но все будет хорошо, потому что Дилан будет принимать свои лекарства, иначе в выходные не поедет на выставку лошадей.

Мама смотрит в зеркало заднего вида и ждет, когда Дилан что-нибудь ответит. Но она так громко слушает музыку, что и мы ее слышим.

– Дилан, – повторяет мама.

Сестра не отвечает, и я начинаю волноваться. Протянув руку назад, я щелкаю пальцами. Она никак не реагирует.

– Дилан, убавь звук! – кричит мама, останавливаясь перед «Астор-Парком». – Даже я слышу твою музыку! Так и оглохнуть не долго.

– Проваливай. Из-за тебя я опоздаю, – злобно бросает мне сестра.

Я напоминаю себе, что сестренка пережила вчера (кто его знает, может, и не только вчера) психологическую травму, и с бесстрастным видом вылезаю из машины.

Я рада, что на меня не накричали, но внутри начинаю закипать от негодования – похоже, моя собственная мать не замечает моего существования. Не то чтобы мне хотелось – или нужно было – чье-то сопереживание, но я совсем недавно попала в аварию, до сих пор страдаю от последствий удара головой в больнице и вернулась домой после трехлетнего отсутствия. Разве она не должна была отругать меня за то, что я приехала домой в три часа ночи?

Я делаю шаг на пешеходную дорожку «Астор-Парка», испытывая желание с кем-нибудь поругаться. Может, Фелисити начнет донимать меня, и я смогу послать ее куда подальше. Мне точно станет легче. К сожалению, Фелисити в поле зрения нет, зато во время самоподготовки в библиотеке со мной решает заговорить Кайл.

Он придвигает стул и кладет свою волосатую руку на мой стол.

– Вся школа только и говорит о том, что ты трахаешься с Брэном Мэтисом.

– Так вот что сегодня всем интересно? – Я выгибаю бровь. – А почему никто не говорит о том, что после зимних каникул я собираюсь присоединиться к бродячему цирку? Моей труппе не помешает реклама.

– К цирку? – Кайл моргает.

– Это шутка, – встревает сидящая рядом одноклассница. Впервые кто-

то вступился за меня, и просто чудо, что я не вскакиваю со стула и не бегу обнимать ее. Приходится ограничиться слабой улыбкой.

Блондинка пожимает плечом.

– Шутка? – повторяет Кайл. Его лицо становится таким красным, что вот-вот пар из ушей повалит. – Решила посмеяться надо мной?

– Нет. Я пытаюсь доделать свою домашнюю работу. – Я поднимаю руку, чтобы взять томик со стихами, когда его потная ладонь прижимает ее к столу.

Я вскрикиваю. Получается очень громко.

Миссис Чен поднимает голову.

– Мистер Хадсон, – произносит следящая за порядком учительница, – в «Астор-Парке» не принято трогать других учеников. Либо я сниму у вас один балл, либо вы немедленно уберете свою руку.

Рука Кайла лишь сильнее обхватывает мое запястье. Я стискиваю зубы, потому что мне чертовски больно. Миссис Чен открывает крышку своего ноутбука. Поняв, что она собирается сделать, Кайл отпускает меня, но учительница уже что-то печатает.

– Погодите, вы сказали, что не будете списывать баллы, если я отпущу ее, – возмущается он.

Она даже не смотрит в его сторону, когда отвечает:

– Я попросила вас убрать руку немедленно, но вы этого не сделали. Я не собираюсь терпеть подобное поведение.

– Стерва, – ворчит он. Раздается звук уведомления. Кайл достает свой телефон и вскакивает со стула, размахивая мобильным в воздухе. – Два балла! Вы сняли два балла!

– А вы назвали меня стервой. Один балл за неповиновение, один балл за нарушение правила четыре-тринадцать Кодекса чести о приемлемом поведении. Мне снять третий или вы сядете, мистер Хадсон?

Кайл с грохотом опускается на стул.

– Послушайте меня все. Вы учитесь в выпускном классе и должны вести себя, как взрослые, а не как стая диких зверей, готовая растерзать своего одноклассника только потому, что увидели в нем конкуренцию.

– Мы же не в детском саду, – недовольно возражает Фелисити.

– Тогда ведите себя в соответствии со своим возрастом, мисс Уортингтон. У вас осталось еще десять минут, используйте их с умом.

Мне кажется, у меня из глаз сыплются сердечки, когда я смотрю на миссис Чен. Теперь она официально моя самая любимая учительница.

– Спасибо вам, – говорю я ей, когда самоподготовка заканчивается.

Она не очень-то доброжелательно кивает в ответ, но я все равно

люблю ее. Кайл ждет меня возле библиотеки, в его глазах пылает ярость.

– Не думай, что победила, дрянь.

– Мы не на соревнованиях, так что здесь нет ни проигравших, ни победителей, – отвечаю я.

Посмотрев в расписание, вижу, что следующим уроком у меня музыка, а значит, нужно порыться в моем шкафчике.

– Ты неудачница по жизни!

– Ладно. – Улыбнувшись и помахав Кайлу, я убегаю.

Ошарашенный, он продолжает стоять. А чего он хотел? Чтобы я начала спорить с ним? Он тяжелее меня раза в два, поэтому я понимаю, что ему ничего не стоит уничтожить меня физически, и даже не собираюсь вступать в перепалку. К тому же, похоже, он вот-вот сам огребет немало проблем, так что ему следует вести себя поосторожнее.

– Все хорошо?

Я засовываю учебники в шкафчик и поворачиваюсь к Элле, которая остановилась рядом со мной.

– Как Себастиан? – сразу же спрашиваю я.

Она морщит нос.

– Он... не похож на себя.

– В смысле?

– Просто какой-то другой. Раньше он был забавным и милым, а теперь ведет себя как брюзгливый старикашка.

Меня начинает подташнивать, как бывает всегда, когда я думаю об аварии.

– Мне очень жаль. – Этих слов недостаточно, но я не знаю, что еще мне сделать. Поэтому решаю спросить у Эллы. – Чем я могу помочь? Может, приготовить ему печенье? Постирать носки? Истон сказал, что карамельки в шоколаде будут хорошим подарком.

– Да, неплохим, но на твоём месте я бы лучше отправила их с курьером. Дело не в том, будто мы считаем, что авария произошла по твоей вине, но Себ... Он сейчас ведет себя странно. – Она сжимает мою руку. – Не забывай, тебе тоже нужно восстанавливаться. Себастиан придет в себя. Или мы привыкнем к его новой версии. Пока же просто радуемся, что он по-прежнему с нами.

– Я тоже этому рада, – с жаром говорю я. – И если я что-то могу сделать, дай мне знать.

Ее лицо становится серьезным.

– Знай, ты ни в чем не виновата. Если бы было иначе, Каллум давно бы уже выдвинул против тебя обвинение, несмотря на то, что твой папа

окружной прокурор.

Звенит звонок, лишая меня возможности ответить. Элла натянуто улыбается и уходит на свой следующий урок. Ее слова немного утешили меня, и весь урок музыки я сама себя успокаиваю, играя сонаты Мендельсона в мажорной тональности. Я уже давно не чувствовала такой безмятежности, как в эти пятьдесят минут.

– Время вышло, мисс Райт, – звучит голос из громкоговорителя над моей головой.

Я с сожалением убираю скрипку и бреду на ланч.

Столовая больше похожа на шикарный ресторан: высокие потолки, панели из темного дерева на стенах, прямоугольные столы покрыты белыми льняными скатертями. Из динамиков звучит классическая музыка, сопровождающаяся шумом воды из фонтана рядом с входом. Один из углов полностью заставлен живыми растениями. Столы рядом с ними пустуют.

В центре я замечаю Эллу в компании двух других девушек. У одной из них длинные рыжие волосы, у другой волосы темные, постриженные под боб. Рядом с ними сидит еще несколько учеников, которых я бы отнесла к разряду «популярных». Через стол от них разместилась Фелисити со своей свитой.

– Не знаешь, куда сесть?

Я поворачиваюсь к остановившемуся рядом Брэну.

– Нет. Я собиралась сесть рядом с садом.

Он кривится.

– Что там такого ужасного? Выглядит красиво.

– Жуки, – отвечает Брэн и вздрагивает. Не пойму, по-настоящему или нет. – Там сотни маленьких вредителей, поверь мне. Лучше не садись там. Пойдем к нам за стол. – Он кивает головой в сторону противоположного конца зала, где за столом уже сидят несколько широкоплечих парней.

– Похоже, у тебя уже есть компания.

– Нет, тебе так кажется, потому что Дом в два раза больше обычных людей.

Облизнув губы, я обдумываю варианты. Их у меня не много: либо сесть в углу с жуками, либо с Брэном.

– Все правда так плохо?

– Перефразирую твой вопрос. Неужели я так плох, что ты скорее сядешь с жуками, чем со мной? – Его глаза весело поблескивают, и я понимаю, что он не обиделся, но высказался яснее ясного.

– Почему ты так добр ко мне? – спрашиваю я, пока мы стоим в очереди.

Шведский стол – это просто что-то нереальное. Я никогда больше не буду пропускать ланчи. Пусть даже рядом со мной будет сидеть Кайл и шептать мне свои мерзкие оскорбления, я не буду обращать на него внимания, потому что равиоли с тыквой пахнут так аппетитно, что за них можно умереть.

– А почему нет?

– Потому что я была ужасным человеком?

– С каких пор ты стала ужасной?

Склонив голову, я изучаю Брэна. Он решил приударить за мной и поэтому отрицает, что я была плохой? А он симпатичный. Уверена, он мог бы с легкостью затащить в свою постель уйму других девушек.

– Мы часто общались? У нас не так много совместных предметов. – Если задуматься, то, по-моему, вообще ни одного.

Он слегка краснеет.

– Да, у меня нет университетских предметов, как у тебя.

Ой, черт. Он обиделся?

– Я не это имела в виду. Думаю, меня здесь многие недолюбливают, а ты такой красавчик, поэтому, может, тебе лучше сидеть с более популярными одноклассниками?

Он достает яблоко из корзины и кладет его на мой поднос.

– Значит, думаешь, что я красавчик, да? Может, я поэтому и общаюсь с тобой. – Он подмигивает, забирает у меня поднос и несет его к кассе.

Девушка пробивает чек и проводит его карту. Я протягиваю ей свою. Она проводит ее и отдает обратно.

– У вас есть наличные?

– Зачем мне наличные?

Девушка поворачивает ко мне экран.

– Потому что на вашем счете нет денег.

Я готова сквозь землю провалиться от стыда. Ученики, стоящие позади меня, начинают смеяться, и я уже предчувствую поток ядовитых сплетен.

– Я заплачу, – вызывается Брэн.

– Но только наличными, – говорит девушка. – Каждую карту можно использовать только один раз.

На его лице написано огорчение.

– Какие-то проблемы? – кричит Фелисити из-за своего стола. В ее голосе звучит веселое ликование, как будто у нее срабатывает радар, когда кто-то попадает в унижительную ситуацию.

– У нее нет денег на счете, – кричит парень за моей спиной, – а у Брэна нет при себе наличных.

У моего спасителя краснеют кончики ушей. Я покрепче сжимаю в руках поднос, чтобы не вывалить оранжевую пасту на голову этого крикуна.

– Вы задерживаете очередь, – стонет один из учеников. – Мне нужно успеть на урок.

– Да, пропустите ее, чтобы остальные могли поесть.

– Мы голодные!

– Вот почему нормалам нельзя учиться в «Асторе».

– Кошмар, да?

С каждой жалобой улыбка Фелисити становится все шире. Она ловит кайф от происходящего. Я уже собираюсь оставить поднос, когда вдруг вспоминаю про деньги, которые мне вчера сунула в руку мама. Достав их из кармана, я расплачиваюсь с девушкой за кассой.

«Получи, Фелисити», бормочу я себе под нос.

– Прости, – говорю я Брэну. – Совсем забыла, что у меня есть деньги. Видимо, с кратковременной памятью у меня так же плохо, как с долговременной.

– Все нормально, – отвечает он, но его плечи напряжены. Ему тоже не нравятся насмешки.

Мне хочется посоветовать ему расслабиться, но лучше, если он сам этому научится.

Я иду к столикам в углу и там ем свой ланч. Сейчас меня заботят по-настоящему важные вещи, а не Кайл, Фелисити или Брэн. Моя сестра в опасности, и раз уж я не могу вытащить ее из дома, придется найти способ избавиться от угрозы.

Глава 24

Истон

– Я уже еду в больницу. Голос у тебя дерьмовый. Ты хоть чуть-чуть поспал? – спрашиваю я Сойера по телефону. Он приехал туда утром около шести, а я отправился домой, чтобы немного вздремнуть.

– Попытался, но все время беспокоился. Не надо было мне уезжать.

Перевод: все последние четыре часа Себ распекает его за то, что он ездил домой.

– Себу что-нибудь нужно? – Я набрасываю на плечи кожаную куртку и сбегая вниз по ступенькам.

– Легче сказать, чего ему не нужно. Он просил стейк, суши, самолет, Лорен, свою кровать, меньше медсестер, медсестер посимпатичнее, минет, чтобы кто-то подрочил ему, встать с гребаной кровати. – Младший брат тяжело вздыхает.

– Значит, ты так и не сказал ему про Лорен?

– Нет. Я позвонил ей и сообщил, что Себ очнулся. Она сказала, что это здорово, но мы двое – это для нее слишком.

– И что, черт побери, это значит?

– Понятия не имею. Слушай, мне пора. Себ снова орет на медсестру.

Сойер отключается прежде, чем я успеваю ответить. В голову приходит одна идея.

– Сразу в больницу? – спрашивает меня Дюран, когда пару минут спустя я сажусь в «Бентли».

– Нет, сначала в магазин игрушек, а уже потом в больницу.

– В какой именно магазин?

– Тот, что на Ковакс.

Дюран даже бровью не ведет, хотя знает, что это за место. Черт, да все, кому больше тринадцати, знают! И, наверное, добрая половина Бэйвью бывала внутри якобы купить подарки-розыгрыши. Но по словам девчонок из «Астора», там множество разных игрушек на батарейках, которые потом болтаются на дне сумочек и рюкзаков.

Мы подъезжаем к секс-шопу, я захожу туда, нахожу то, что мне нужно, и расплачиваюсь. Дюран не особо любит разговаривать, я выжат как лимон, поэтому закрываю глаза и дремлю до конца поездки. Когда мы подъезжаем

к больнице, водитель будит меня, сделав радио погромче.

– Домой доберусь сам, – говорю я ему и закрываю дверь.

Себ ведет себя так, что теперь весь медперсонал желает, чтобы он снова впал в кому, поэтому я стараюсь улыбаться еще обаятельнее, когда здороваюсь с кем-то.

– Ронда, вам идет этот цвет!

На лице дежурной медсестры лет пятидесяти, не меньше, расцветает улыбка.

– Спасибо, Истон. Голубой всегда был моим цветом.

– Я имел в виду вашу помаду. Цвет для поцелуев.

Я подмигиваю ей, она краснеет, как двадцатилетняя девушка, и причмокивает губами.

– А как же я? – щебечет ее коллега Сара.

– Мне пришлось бы ходить на исповедь три дня, если бы я начал перечислять все, что думаю о вас, мисс Сара, – отвечаю я.

Она взбивает иссиня-седые волосы и хихикает.

По дороге в палату я натыкаюсь на Мэтью, одного из санитаров.

– Сегодня ты как никогда в форме!

– Все утро поднимал тяжести, – говорит он, демонстрируя мне свои бицепсы.

Я ударяю по одному кулаком и выражаю ему свое восхищение:

– Класс! Но будь осторожен, пациентки начнут влюбляться в тебя и не захотят уходить из больницы.

– Это и есть мой план. Чем больше мест занято, тем больше зарплата.

– Круто! – Я наставляю на него палец-пистолет, а затем вхожу в палату Себа.

– Пригнись! – слышу я и инстинктивно подчиняюсь.

Что-то со свистом пролетает над моей головой. Я разворачиваюсь и вижу, как в стену ударяется поднос с едой, чтобы тут же рухнуть на пол, оставив после себя пятно Роршаха из горошка, яблочного пюре и непонятного мяса.

– Значит, еда совсем плохая, – с сарказмом замечаю я.

– Здесь полная жопа! – рычит Себ. – Когда я вернусь домой?

У него такое красное лицо, что я начинаю тревожиться, как бы у него не лопнул какой-нибудь кровеносный сосуд и он опять не впал в кому. Сойер сидит в своем кресле, обхватив голову руками.

– Что говорит доктор?

Встав у кровати, я беру карточку, которая висит в изножье, и листаю страницы, но эти каракули мне не разобрать.

– Что я могу уйти, если меня заберет кто-то из родителей или опекун. Тебе восемнадцать! Стань моим опекуном и вытащи меня отсюда.

– Ладно. – Я подхожу к нему. Ему поставили две капельницы. Я начинаю вытягивать иглоку одной из них.

– Что за... – Сойер бросается ко мне, но его близнец уже сам отбивается от меня.

– Не трогай мои капельницы, мать твою! Ты пытаешься убить меня? – Себ сверлит меня глазами, защищая свои запястья одной рукой.

– Ты сказал, что хочешь выбраться отсюда.

Он снова злобно зыркает на меня.

– Я имел в виду получить выписку от врача, а не отключить меня от капельниц. Мне нужны обезболивающие.

– Тогда заткнись и лежи спокойно до тех пор, пока доктор не отпустит тебя. Поверь мне, будешь продолжать вести себя, как последняя скотина, и они вышвырнут тебя на улицу. И тогда можешь забыть про это, – я щелкаю пальцем по одной из трубочек капельницы.

– Хватит притворяться, что тебе не все равно. У меня уже есть нянька. – Себ похож на насупившегося младенца.

– Если ты имел в виду Сойера, то нет, он тебе не нянька. Сейчас он пойдет домой, чтобы поспать, поспать и принять душ. – Я сжимаю свободной рукой плечо младшего брата и чувствую, как он расслабляется. Парень сам себя изводит, находясь здесь. – Теперь я тебя поразвлекаю. Сойер сказал, ты хотел минет. С этим я тебе не помогу, но зато у меня есть вот это. – Я бросаю Себу на колени бумажный пакет.

Он вытаскивает игрушку.

– Издеваешься? Мне это не нужно. – Себ бросает ее мне в голову, но он еще слаб, и она падает к моим ногам. – Где, черт возьми, Лорен?

– Дома. – Понятия не имею, где она, но это наиболее вероятное предположение.

– Лучше бы ты привез с собой проститутку.

– Я спросил у Ронды, и она сказала, что приводить в больницу проституток запрещено. – Я подбираю секс-игрушку и кладу ее на стол.

– Как будто запреты когда-то тебя останавливали.

В висках начинает стучать. Я показываю большим пальцем на Сойера.

– Тебе пора.

Он поднимается и молча идет к двери.

– Ты уходишь? – кричит Себ. – Ты вот так запросто уходишь? Я пришел в сознание меньше суток назад, а ты уже сбегаешь!

Сойер замирает на месте.

– Да, он уходит, и вместо него буду я. Так что заткнись и дай своему брату спокойно уйти, – рявкаю я и обращаюсь к Сойеру: – Иди!

Он бросается к двери, и я не виню его. Сам бы убежал, если б мог.

– Кто-то умер и передал тебе бразды правления? – спрашивает Себ.

– Я сам. – Я плюхаюсь в одно из пустых кресел, закидываю руки за голову и вытягиваю ноги. Я встал около часа назад, но голова болит, и хочется лишь одного – закрыть глаза и вздремнуть.

– Чем это ты так утомился? Слишком много девчонок претендуют на твой член? – с завистью спрашивает брат.

Я решаю сказать ему жалкую правду.

– Девушка только одна, и мы даже петтингом не занимались.

Себ затыкается. Открыв глаза, я вижу, что он смотрит в окно, и напоминаю себе, что он чуть не погиб в страшной аварии, две недели провел в коме, и поэтому может позволить себе немного посходить с ума.

– Доктор правда сказал, что для выписки тебе нужна лишь подпись кого-то из родителей или опекунов?

– Да, но папа не берет трубку, – с кислой миной отвечает Себ.

– Он в дороге. Полет занимает девятнадцать часов, и им нужно будет дозаправиться, – напоминаю я.

– Знаю. – Он сжимает простынь в кулаке. Ему и правда хочется поскорее выбраться отсюда.

Телефон на тумбочке рядом с кроватью начинает тренькать в ту же секунду, как у меня в кармане вибрирует мой. Наверное, папа здесь. Глаза Себа загораются, когда он берет в руки трубку. Но судя по всему, новости не самые хорошие. Он читает сообщение и становится мрачнее тучи. Выругавшись, брат бросает телефон через всю комнату.

– Отличный бросок, – вздыхаю я. Себ – один из лучших забивающих в школьной команде по лакроссу.

– Папа в Лондоне и приедет только рано утром в четверг.

– Почему?

Я вытаскиваю свой телефон и тоже читаю сообщение – они не могут взлететь из-за плохой погоды.

– Ист.

– Что?

– Ты должен что-то сделать.

Я морщусь.

– Что, например? Мы на втором этаже. Хочешь, свяжем простыни вместе и сбежим через окно?

Его глаза хитро поблескивают.

– Есть только один человек, который может помочь нам.

Моя голова превратилась в пожарную часть, где разом сработали все сигналы тревоги. Да, у нас есть опекун на случай, когда папы нет в стране, – по крайней мере, раньше был. Он мог ставить подпись под нашими оценками и на школьных освобождениях или покупать нам все, что не продают несовершеннолетним без разрешения взрослых. Но этот человек – персона нон грата, и Себу это прекрасно известно.

– Нет. – Я качаю головой. – Нет и еще раз нет. Это плохая идея.

– Почему? Потому что это заденет Эллу? Но она не сможет обидеться, если мы ей ничего не скажем.

– Нет, потому что лучше не ходить в должниках у таких людей. Это то же самое, что протянуть номер своего банковского счета наркоману и попросить его не брать оттуда деньги.

– Да что такого может случиться? Если он попросит нас об услуге, мы просто откажемся.

Но мне эта идея все равно не нравится.

– Пожалуйста, Ист. Я не стал бы просить, но я уже в отчаянии и клянусь, если мне придется задержаться здесь хотя бы еще на одну ночь, не знаю, что я с собой сделаю.

Я сжимаю челюсти. Не думаю, что Себ говорит серьезно, но это подло с его стороны – бросаться такими угрозами, когда мама покончила жизнь самоубийством.

Мне нужно взять паузу, пока я не сделал ничего из того, о чем потом пожалею.

– Пойду принесу тебе воды, – подходя к двери, говорю я.

– У меня есть вода! – кричит он мне вслед.

Я иду по коридору и останавливаюсь у палаты, где лежала Хартли. Черепно-мозговые травмы – это страшно. Хартли потеряла память, а Себастиан – самого себя. Я провожу рукой по волосам. Мы все такие хрупкие: неудачно упал, и весь твой мир перевернулся. Ни Харт, ни Себ не заслужили того, что с ними произошло, и готов поспорить, что если бы они могли стать такими, как прежде, то сделали бы это не задумываясь. Я разминаю шею, похрустев позвонками. Все, что я могу, – это быть терпеливым. Я, конечно, плохо это умею, но у меня нет другого выбора.

Я заставляю себя развернуться и возвращаюсь в палату к Себу. Он нуждается во мне, пусть даже придется стать его единственной мишенью. Брат наверняка сорвется на мне, но я переживу.

Когда я вхожу в палату, Себ уже одет и сидит в гостиной зоне, листая журнал GQ. Он больше похож на посетителя, чем на пациента.

– Что тут происходит?

Брат молчит.

– Себ? Почему ты оделся?

Он, наконец, поднимает на меня глаза, на его лице самодовольная ухмылка.

– Я сваливаю отсюда.

– Каким образом?

Он продолжает улыбаться, и в сердце вползает ледяной страх.

– Скажи, что ты этого не сделал.

Себ пожимает плечами.

– Что тут такого? Он придет, заберет нас и отвезет домой. Никто не умрет, так что не делай из этого трагедию.

– Так нельзя. – Я вытаскиваю телефон, но тут же вспоминаю, что не смогу позвонить. Я уже давно удалил его из списка контактов и не знаю номера. Я снова сжимаю челюсти.

– Дьявола не зовут на помощь.

– Слишком поздно.

* * *

– Я рад, что ты позвонил мне.

Тяжелая рука Стива О’Халлорана опускается на мое плечо, и я изо всех сил стараюсь не дернуться. Вот вам доказательство того, какая у нас дурацкая система: чувак, которого обвиняют в убийстве и покушении на убийство, может свободно передвигаться как ни в чем ни бывало. И не говорите мне, что браслет на его лодыжке и залог в миллион долларов как-то его пугают. У Стива есть доступ к целой куче денег. Он прячет их повсюду, как белка орехи. Я даже сам перенял эту привычку и попросил папу установить в моем шкафу сейф, после того как Стив показал свой у себя в спальне.

Я бросаю на Себа убийственный взгляд, но брат отводит глаза и залезает на заднее сиденье. Он получил, что хотел, а последствия его не заботят – мне знакомо такое отношение, но я начал понимать, что это не только эгоистично и низко, но и может причинить боль другим. Сейчас пламенная речь о том, что нужно веселиться несмотря ни на что, которую я произнес перед Эллой недавно, кажется мне верхом идиотизма.

– Ничего не забыл? – спрашивает Себа Стив.

– Только если свою голову, – бормочу я себе под нос.

Затем рывком открываю заднюю дверь и толкаю Себа.

– Сядь спереди, – возмущается он. – Меня тошнит. Я хочу прилечь.

– А все потому, что в последний раз ты сидел не на своем месте и не пристегнулся ремнем безопасности, – едко отвечаю я.

Себ отвечает в своей обычной манере, показав мне средний палец. Я пристегиваюсь, стараясь не обращать внимания на то, что пассажирское сиденье новенькой «Теслы» Стива заставляет меня прижать колени к груди. Здесь совсем некомфортно, но я не хочу сидеть рядом с человеком, который пытался убить Эллу. Я уже и так чувствую себя премерзко, и мне не хочется чувствовать еще хуже, обращаясь с ним так, будто он друг семьи.

– Как вы там, мальчики? – спрашивает Стив, медленно двигаясь в сторону нашего дома. Этот мужик – фанат скорости. Мы доехали бы за пять минут, если бы он вел машину как обычно. Но Стив ползет почти как Элла. Такими темпами мы, если повезет, доберемся домой к восходу солнца.

– Отлично, – весело отвечает Себ. – А мы можем кое-куда заехать?

– Нет! – рявкаю я. – Едем сразу домой.

Я, блин, поверить не могу, что Себ хочет провести с этим чуваком больше, чем две минуты. Стив убил женщину и, чтобы скрыть свое преступление, чуть не прикончил Эллу. Мне противно даже дышать с ним одним воздухом.

– Заедем туда, куда скажешь, – отвечает Стив.

Себ, воодушевившись, начинает что-то говорить, и я наступаю своим ботинком ему на правую ногу и надавливаю. Плевать, что он только что вышел из больницы, мы едем домой. В моих глазах читается реальная угроза, и брат хорошо меня знает, чтобы понять, что это не пустые обещания. Ему семнадцать, но он провел в больнице две недели, и мы оба знаем, что я легко могу отправить его обратно. Себ закрывает рот и прислоняется головой к окну. Я убираю ногу обратно.

– Нет, лучше сразу домой, – отвечаю я за нас обоих.

К счастью, добираемся мы быстро. Машина останавливается, а я уже жду не дождусь, когда смогу выскочить из нее. То, что Стив привез нас домой, не станет проблемой до тех пор, пока никто об этом не узнает.

– Пора просыпаться, соня. Вот ты и дома. – Я трясу Себа, который, несмотря на короткую поездку, заснул. – Давай, пойдем, – сквозь зубы цежу я.

Чем дольше мы стоим на подъездной дорожке, тем вероятнее, что кто-то может нас увидеть.

– С ним все в порядке? – Стив разворачивается на сиденье и

похлопывает Себа по коленке. – Эй, парень! Ты как?

– Нормально он, – отвечаю я, но сам начинаю беспокоиться. Мы слишком рано забрали его домой? Я трясущ его сильнее. Может, даже слишком сильно, потому что брат стонет, как от боли, и начинает махать руками и брыкаться.

– Отвали от меня! – рычит он. – Хочешь отправить меня обратно в кому?

– Прости. – Я быстро вылезает из машины и обхожу ее.

Себ неуверенно встает на ноги и хватается сначала за машину, потом за меня, прежде чем сделать нетвердый шаг вперед.

Стив подхватывает Себа справа и кивком показывает мне взять брата под руку слева. Весь план попасть в дом незамеченным летит коту под хвост.

– Я могу ходить! – Себ пытается оттолкнуть нас, но у парня столько же сил, сколько у новорожденного младенца.

Мы со Стивом практически несем его до широких ступенек перед парадным входом.

– Дальше я сам, – говорю я Стиву.

Он улыбается.

– Даже не думай, что я оставлю тебя одного.

Я скриплю зубами.

– Нет, правда. Мы справимся, да, Себ?

Голова Себа медленно кренится в сторону.

– Да, сами, – сонным голосом поддакивает он.

Вдруг мне становится не по себе. Я с подозрением смотрю на Стива.

– Доктор точно выписал его?

Стив кивает.

– Да. Они сказали, что за последние сорок восемь часов его показатели оставались в норме и мы должны позвонить им, если заметим признаки ухудшения умственных способностей.

– Что, черт побери, это значит?

– То, что если я начну пускать слюни, вы должны будете привезти меня обратно, – шутит Себ.

– По-моему, с ним все хорошо, – Стив перехватывает Себа. – Открой-ка нам дверь, Истон.

Но мне не приходится этого делать. Дверь открывается без моей помощи, и в проеме вдруг появляется Элла. От изумления она приоткрывает рот, глаза метают молнии.

– Что все это значит? – сердито спрашивает она.

Стив шагает вперед, таща за собой Себа.

– Мы привезли Себастиана домой.

«Прости», произношу я одними губами, обращаясь к Элле, но ее взгляд прикован к Стиву. Она настороженно наблюдает за ним, как будто он в любую секунду может вытащить пистолет и приставить его к ее голове.

И почему бы ей так не подумать? Не так давно у Стива действительно был в руке пистолет и он держал Эллу на мушке.

Черт, нужно избавиться от него. Как можно быстрее.

Я беру Себа под руку и тяну на себя. Мы играем в непродолжительную игру «кто кого перетянет», но Стив сдается.

– Может, позовешь Сойера? – предлагаю я Элле.

Она кивает и отступает назад, обнимая себя руками, словно желая защититься, и не спуская глаз со Стива. Дверь передо мной остается открытой, потому что, несмотря на громадные размеры нашего дома, Элла чувствует себя загнанной в ловушку, она напугана.

Я опускаю брата в кресло в просторном холле с мраморным полом. Он смотрит на меня из-под опухших век.

– Ты как, малыш? – Я легонько толкаю его кулаком в плечо.

– Голова болит. – Он закрывает рот рукой. – И мне кажется, меня сейчас вырвет!

– Ванная там. – Я показываю на уборную недалеко от входной двери.

Себ делает глубокий вдох, потом еще один, пытаюсь бороться с тошнотой, но проигрываю. Он вдруг становится серо-зеленым, а затем вскакивает и несется в ванную. Гортанные звуки эхом разносятся по огромному коридору.

– Теперь можешь уходить, – объявляю я человеку, который помогал растить меня, закрутил роман с моей мамой и пытался убить моего лучшего друга.

– Раз Каллума нет дома, думаю, лучше будет, если я...

– Нет, – я не даю ему закончить, – лучше будет, если ты уедешь.

Я подхожу к двери, которую Элла оставила открытой.

– Спасибо за помощь, хотя нам не стоило тебе звонить.

– Я уйду, потому что не хочу доставлять тебе лишних хлопот, сынок.

Элла расстроилась. – Он начинает говорить громче, видимо, надеясь, что Элла услышит его. – Я хотел все объяснить, но никак не представлялось возможности. Я не собирался причинять боль собственной дочери и никогда бы этого не сделал. С той самой минуты, как я узнал о ее существовании, мне хотелось лишь одного – найти и защитить ее. Та ночь... – Стив умолкает и с притворной печалью качает головой. – Та ночь

будет преследовать меня до конца моих дней. Я хотел защитить Элли, но вместо этого подверг ее опасности.

– Отличное представление. – Я хлопаю в ладоши. – Но я ставлю тройку. Хорошая была попытка, но ты тот еще психопат, чтобы правдиво заявлять о своих чувствах. Тебе пора. Здесь никто не хочет слушать твои лживые оправдания.

Мы смотрим друг на друга. Я напрягаюсь, гадая, придется ли мне драться со Стивом. Я молод и в хорошей физической форме, но и Стив тоже силен, да к тому же бывший военный. Они с отцом служили в отряде «морских котиков».

К счастью, пока от меня не потребуется на практике проверять бойцовские навыки Стива. Он опускает глаза и идет к двери, но останавливается, поравнявшись со мной.

– А ты весь в отца, сынок, – тихо произносит он.

А потом, подмигнув, выходит за дверь, оставив меня мучиться в сомнениях. Мне тошно от того, что он называет меня «сынок». Теперь же, когда я начинаю подозревать, что действительно его сын, меня воротит еще больше. Именно об этом заявил Джон Райт, когда я заявился пьяным к нему домой. Мерзавец глумился надо мной, рассказывая про тесты на отцовство, про то, что никакой я не Ройал, а самый настоящий О'Халлоран...

Я заставляю себя не думать об этом. К черту отца Хартли. К черту Стива. Пошли они оба!

Я с силой захлопываю входную дверь, а когда поворачиваюсь, то вижу на верхней ступеньке изогнутой лестницы Элли. Даже отсюда я ощущаю ее гнев и смятение.

– Где Себ?

Звуков рвоты больше не слышно.

– Сойер отвел его наверх. Зачем ты притащил его сюда?

Нет нужды спрашивать, о ком она говорит.

– Себастиан хотел выбраться из больницы, но доктор не отпустил бы его под мою ответственность.

– Ты совершеннолетний.

– Но я не его опекун.

– Стив тоже! – восклицает она.

Я потираю рукой затылок.

– После маминой смерти папа передал Стиву право контролировать нас в свое отсутствие. Это что-то типа... – я подыскиваю нужное слово, – опекуна. Когда папы нет, Стив уполномочен принимать решения от его

лица. Думаю, папа так и не аннулировал это право.

Лицо Эллы становится белым, как бумага.

– Хочешь сказать, когда Каллум уезжает, Стив может диктовать нам, что делать? Может забрать меня из этого дома?

Тревога и страх, зародившиеся где-то в моем желудке, начинают разливаться по всему телу.

– Не знаю, – честно отвечаю я. – Себ...

Но умолкаю: нельзя проговориться, что во всем виноват мой больной брат. Ему нужна Эллина забота.

– Я вспомнил, что как-то раз, во время папиного отсутствия, Стив подписал мне разрешение на полет, и захотел рискнуть. Это было идиотское решение, и я сожалею о нем.

– Я сильно обижена на тебя за то, что ты привез его сюда.

Элла исчезает на втором этаже, но я успеваю заметить слезы у нее на глазах. Она пошла звонить Риду. Наверняка сегодня вечером меня ждет разнос, но я заслужил его, порядком облажавшись.

Надо было сказать Себу «нет». Когда он угрожал сделать что-то, то, наверное, имел в виду, что будет бегать голым по коридору, а не убьет себя. Не стоило мне паниковать. Можно было решить это как-то по-другому, и хотя ничего не приходит на ум, я уверен, что были и другие варианты.

Блин! Тяжело быть взрослым.

Глава 25

Хартли

В среду после школы я нахожу маму на кухне. Она готовит ужин.

– Папа дома?

Еще нет пяти, и я надеюсь, что его рабочий день длится, как у всех обычных людей. Мне нужно попасть в его кабинет. Следуя плану, который я придумала за ланчем, мне необходимо тщательно изучить каждую бумажку на его столе, уповая на то, что удастся найти какую-нибудь компрометирующую информацию.

– Нет, милая. Порежь их, пожалуйста. – Она подталкивает ко мне фрукты.

– Конечно.

Мою руки и потираю пальцем шрам на запястье. В каком-то смысле это даже хорошо, что я не помню, как все случилось. Так я могу жить без гнета плохих воспоминаний, но по-настоящему хорошо станет тогда, когда я помогу своей сестре и сделаю все, чтобы прошлое не повторилось.

– Значит, Дилан поедет на выставку лошадей? На один день?

– Она уезжает завтра после школы и не вернется раньше воскресенья.

Наконец-то! Хотя что-то получается по-моему. У меня есть четыре дня, чтобы собрать доказательства против отца. Я вытираю руки, беру нож и встаю рядом с мамой у столешницы. Тут меня вдруг осеняет, что я на несколько сантиметров выше нее. Раньше я этого не замечала, но видимо, за три года выросла. Я изучаю мамино лицо. Она тоже выросла – в смысле постарела: губы стали тоньше, в уголках глаз скопились морщинки, щеки немного обвисли. Она выглядит уставшей и несчастной.

Я не помню, чтобы она когда-нибудь смеялась до упаду или вела себя легкомысленно. Это и есть взрослая жизнь? Или глубокие морщины у нее на лбу, с которыми даже ботоксу не под силу совладать, – это результат папиного поведения?

В моей голове засел один вопрос, который так и норовит сорваться с языка: *любит ли она его?*

– Ты знаешь, как я сломала руку? – Я поднимаю запястье, отчаянно желая получить ответ.

Мамин взгляд опускается на мой шрам, а потом поднимается на мое

лицо. Она растерянно смотрит на меня.

– Конечно. Ты упала в школе.

– Нет, это папа его сломал.

Мама бросает нож.

– Значит, вот что ты помнишь? Это неправда! Эту ложь распространяла твоя школа, чтобы не платить за собственные противозаконные действия. Но твой отец все решил. Они оплатили все три года твоего обучения там. – Она поднимает нож и продолжает крошить лук. – Поверить не могу, что после всего, что мы для тебя сделали, ты помнишь только эту ложь!

Я настолько запуталась, что у меня начинает кружиться голова. Неужели Истон солгал мне? Нет. Он лишь повторил то, что я рассказала ему сама. Так может, это я была неправа? Может, я все неправильно поняла? И что мама имела в виду под фразой «после всего того, что мы для тебя сделали»? Пустая квартира, пропавший телефон, бесцветная спальня – все это сложилось в одну большую тревожную картину. Она пыталась помешать мне вспомнить прошлое, потому что боялась того, что я знала?

– Где мой телефон, – требовательно спрашиваю я, – и сумка? Где они? Где все те вещи, которые вы забрали из моей квартиры?

Мамина рука дергается, но она не поднимает глаз от разделочной доски.

– Наверное, их потеряли в полиции.

Этот бесстрастный тон выдает ее с головой.

– Как они теряли доказательства в папиных делах, когда он получал взятку?

– Убирайся! – В ее голосе звучит тихая угроза. – Убирайся и не возвращайся, пока не выкинешь эти бредни из головы. Я не позволю тебе чернить отца! Если не перестанешь повторять эту ложь, тебе, возможно, придется вернуться в больницу.

Я сжимаю нож в руке.

– Надеюсь, вы не станете трогать Дилан.

– Повторяю, убирайся!

Судорожно вздохнув, я кладу нож и выхожу из кухни, но не иду к себе, потому что больше не хочу задерживаться в этом доме ни на секунду. Взяв куртку Истона и свой рюкзак, я ухожу. Мама меня не останавливает, не спрашивает, куда я собралась. Она не хочет ничего знать.

Я достаю телефон и пробиваю адрес Паркер. Звонить не хочу. Она может не взять трубку, но у нее не получится заставить меня уйти из ее дома до тех пор, пока я не выскажу все, что собираюсь. Автобусы в ее

квартал не ходят, поэтому мне приходится идти пешком. На дорогу уходит полчаса.

Паркер открывает дверь и хмурится.

– Что ты здесь делаешь, Хартли?

– Папа обижает Дилан, – сразу беру я быка за рога. – Ты должна забрать ее оттуда.

Лицо старшей сестры искажается злостью.

– Мама уже позвонила мне и рассказала, что ты снова начинаешь рассказывать всякую ложь. В прошлый раз ты чуть было не уничтожила нашу семью! Может, никто не рассказал тебе, но тебя отослали, потому что ты никак не могла уговориться. Ради всех святых, Хартли, перестань сочинять эти дурацкие истории, и все мы будем счастливы! Если кто и причиняет боль Дилан, то только ты.

От ее обвинений у меня подкашиваются ноги.

– Тебя там не было! – с жаром продолжаю я. – Папа схватил ее за лицо...

– Она не приняла свои лекарства. Ты понимаешь, как это опасно? Конечно, нет, потому что тебя здесь не было и ты не видела, через что пришлось пройти Дилан. Папа сжимал ее челюсти? Конечно, надо же было убедиться, что она проглотила эти таблетки. Ты ничего не знаешь. Мама говорит, ты помнишь только свои небылицы, и теперь я вижу, что она права. Возвращайся в Нью-Йорк, Хартли, – Паркер кривит губы, – здесь ты никому не нужна.

Она шагает обратно в дом и захлопывает дверь прямо у меня перед носом.

Я еще долго стою там, глядя на медную ручку, пока завитки на калиграфической «Р» не сливаются в одно мутное пятно. Даже не знаю, что мне делать. Можно пойти в полицию, но что я им скажу? У меня нет доказательств.

Запястье начинает болеть. Мне нужна моя история болезни. Может, там будут какие-нибудь подсказки? Хотя я даже не знаю название школы, в которой училась. Как и ее адрес. Нью-Йорк – большой штат. Кто бы мог подумать?

Я вспоминаю о непрочитанном сообщении от Дженнет. Спешно вытаскиваю телефон и открываю приложение.

Привет! Тебе уже лучше? Мама сказала, что ты попала в жуткую аварию и потеряла память!!! Это ужасно. Но мне почти нечего тебе рассказать. Мы перестали общаться после

того, как тебя перевели в школу-пансион в Нью-Йорке. Когда бабушка умерла, твои родители использовали деньги из образовательного фонда, чтобы отправить тебя туда. Я не помню точное название, что-то типа академии «Нортвайнд» или «Нортфилд». Начинается на «Норт» точно. Твой старый номер телефона 555-7891. Я звонила, но мне сказали, что этот номер больше не обслуживается. Хотелось бы вспомнить больше, но увы. Надеюсь, тебе стало легче!

Черт! Надо было прочитать его раньше. Нужно вернуться домой. Я не стану заходить, но мне просто необходимо увидеться с Дилан и поговорить с ней, заверить ее, что она может на меня рассчитывать, что бы ни случилось. Снова отказавшись от идеи ехать на автобусе, я вызываю такси – дом Паркер находится в десяти минутах езды от дома родителей. Чудо, что я подъезжаю одновременно с Дилан.

– Дилан! – Я бегу к ней и кричу, чтобы привлечь ее внимание. – Ну как, хорошо провела время?

Она останавливается и широко улыбается мне.

– Еще как!

От нее пахнет сеном, навозом и потом, но мне все равно, потому что сестра улыбается. Хочется ее обнять, но боюсь, она оттолкнет меня. Да и пусть! Я подхожу и быстро прижимаю ее к себе. Она едва обнимает меня в ответ, но не сопротивляется, и это уже одна маленькая победа.

Я оглядываюсь, прикидывая, сколько у меня есть времени до тех пор, пока из дома не выйдет мама и не прогонит меня.

– У тебя есть свой телефон?

Дилан хмурится.

– Да, а что?

– У меня новый телефон, и я хочу добавить тебя в контакты. Будем переписываться во время уроков и все такое. – *И ты напишешь мне, если я буду нужна тебе.*

Она медленно вытаскивает свой мобильник.

– Ну давай. Только я не особо люблю переписываться.

– Хорошо. Я буду стараться не сильно беспокоить тебя. – *Давай же, давай быстрее!* – Какой верховой ездой ты сейчас занимаешься?

– Сейчас конкуром. – Она снимает блокировку.

– Ничего себе! Так здорово. А можно мне прийти посмотреть?

– С чего это ты вдруг захотела посмотреть? – с подозрением спрашивает Дилан.

– С того, что ты моя сестра и у тебя крутое хобби. Встречный вопрос – почему бы мне не захотеть?

– Раньше тебя это не интересовало. – Ее пальцы висят над экраном.

– Видимо, раньше я была дерьмовой сестрой, – смеюсь я, но внутри замираю. Дилан еще такая маленькая, и ей нужна поддержка, а я, судя по всему, была бессердечной дрянью. – Похоже, удар головой пошел мне на пользу.

– Хочешь заставить меня пожалеть тебя? Я не буду, – отвечает она.

– Нет! Я даже не думала об этом.

Дверь позади меня начинает открываться. Вот черт!

– Твой номер? – взволнованно спрашиваю я.

Дилан хмурится.

– Ты снова собираешься бросить меня?

Снова. Боже, как одно слово может причинить столько боли? Она злится на меня за то, что я уехала в ту закрытую школу.

Сморгнув слезы, я качаю головой.

– Нет. Я буду рядом. Я и тогда не собиралась оставлять тебя, но прошлое нельзя изменить. Зато я здесь сейчас. Поэтому я и хочу обменяться номерами. Прощу тебя, Дилан! Пожалуйста.

Она смотрит за мое плечо.

– Дилан, пора домой, – ледяным тоном говорит мама. – Твоя сестра сегодня не останется с нами.

– Я думала, ты больше не бросишь меня! – кричит Дилан.

– Я и не бросаю тебя. Честное слово! Я остаюсь в Бэйвью. Пусть не в этом доме, но в Бэйвью. Хорошо? А теперь, пожалуйста, скажи свой номер.

Она колеблется, и я жду, затаив дыхание.

– Дилан, заходи в дом, – зовет ее мама.

Моя сестра кивает и идет вперед. Внутри у меня все умирает, но когда она проходит мимо, то еле слышно произносит семь цифр. От облегчения я закрываю глаза, а потом быстро забиваю ее номер в свой телефон. Дверь за Дилан закрывается, но мама остается стоять на крыльце.

– Раз уж ты вспомнила, что у тебя есть квартира, предлагаю тебе туда и вернуться. Уже три года как это не твой дом. И ты будешь оставаться нежеланной гостьей до тех пор, пока не перестанешь врать и порочить репутацию своего отца.

Значит, я никогда не вернусь сюда. Сжав в руке куртку Истона, я сжигаю последний мост.

– Я вернусь, но только для того, чтобы забрать с собой Дилан.

Развернувшись, я ухожу прочь. Не знаю как, но я это сделаю.

До своей квартиры я добираюсь на автобусе. Надеюсь, Истон не против разделить ее со мной. Когда я подхожу к дому, окна на втором этаже светятся. Какое-то теплое чувство прогоняет холод, который поселился во мне, пока я ехала сюда. Я бегу вверх по ступенькам. Лампочку над дверью поменяли, ручка надежно закреплена, но лестница осталась все такой же ветхой. И все же я начинаю проникаться любовью к этому убогому жилищу.

Я легонько стучусь в дверь и, не дожидаясь ответа, вхожу. Истон с голым торсом стоит у плиты. Черные спортивные штаны с белыми лампасами по бокам едва держатся на его бедрах. Я прислоняюсь к двери и добрых тридцать секунд пожираю его глазами. Я это заслужила. Еще секунд десять я развлекаю себя всякими грязными мыслишками, потом подбираю язык, проверяю, не капает ли с уголков губ слюна, и, наконец, приветствую Истона.

– Что на ужин?

– Спагетти, – не оборачиваясь, отвечает он. – Я только это и умею готовить. Элла научила. Накроешь на стол? Там должен быть пакет с посудой и прочей фигней.

Я отрываю взгляд от его плеч и с удивлением смотрю на маленький деревянный кухонный гарнитур.

– С каких это пор у нас есть стол?

– С сегодняшнего дня. Я тут немного закупился.

Это мягко сказано. Совершенно пустая квартира теперь полностью обставлена. Помимо стола и двух стульев, здесь появились новый красивый серый диван и бело-серо-черный ковер. К стене прислонен матрас. На краю дивана стоят пакеты со знакомым фирменным логотипом в виде красной мишени^[10]. Порывшись в них, я достаю тарелки, стаканы и даже коробку со столовым серебром. Нахожу и дуршлаг, который понадобится Истону для спагетти.

– Надеюсь, тебе все нравится.

Это волнение я слышу в его голосе?

– Да, очень нравится!

Я беру две тарелки, два стакана, столовые приборы и несусь к раковине, чтобы сполоснуть. Кухня очень маленькая, и мне приходится втиснуться рядом с Истоном, чтобы добраться до крана. Он чуть отодвигается, но мы все равно то и дело задеваем друг друга локтями.

Все это так здорово, особенно после кошмара, который случился у меня дома. Мне кажется, я никогда не захочу выходить отсюда.

– Я купил все в «Тарджет», – говорит мне Истон, вываливая в

сковородку с поджаренной говядиной красный соус. От одного вида у меня урчит в животе, а он совершенно умиротворенно продолжает. – Это место – просто бомба! Там есть все. Я купил там стол и стулья и всякую фигню для кухни. Матрас тоже купил там, осталось только разобраться, как собрать кровать. У них продаются полотенца и шампуни и еще куча всего. Типа, знаешь, мы можем покупать все в одном месте.

Мне нравится, что он использует слово «мы». Я больше не чувствую себя одинокой. Поставив дуршлаг в центр раковины, я несу посуду к столу.

– Осторожно! – доносится голос Истона. Я оборачиваюсь. Он несет огромную кастрюлю. – Заберешь хлеб? Он в духовке.

Я хватаю полотенце – тоже новое – и достаю завернутый в фольгу чесночный хлеб.

– Откуда ты знал, что я приду?

– Скорее, не знал, но надеялся. – Истон садится после меня, и я понимаю, что мне нравятся такие джентльменские поступки.

Если бы двадцать минут назад кто-то сказал мне, что я захочу есть, я бы не поверила, но сейчас, среди витающих ароматов соуса, печеного хлеба и сладкого угощения, приготовленных Истоном, я ощущаю себя голодной, как волк. Положив на тарелку десять ложек спагетти с соусом, я наваливаюсь на еду.

– Что думаешь о моих кулинарных способностях?

Я поднимаю вверх большой палец.

– Они феноменальные.

Он подмигивает мне и принимается за свои спагетти. Мы сидим в тишине, слишком занятые едой, чтобы отвлекаться на разговоры. К концу ужина от гигантской кастрюли с лапшой и соусом не остается почти ничего.

Я отодвигаюсь от стала и, пошатываясь, несу свою тарелку в раковину.

– Я как будто съела целый завод по изготовлению пасты.

– Вкусно было, да? – Истон ставит свою тарелку рядом с моей. На его красивом лице появляется широкая улыбка. Он так доволен собой, что мне хочется ущипнуть его за щеку.

Но если я коснусь его, то не смогу остановиться.

– Очень вкусно, – соглашаюсь я. – Отдохни, а я вымою посуду.

– Давай, помогу, – возражает он.

– Нет! Ты готовил, я мою посуду. Такие правила.

– Что еще за правила?

– Правила нашего дома. – Я выгоняю его из крошечной кухоньки.

Истон подходит к матрасу и достает ярко-розовый пластиковый

контейнер.

– Знаешь, что это?

– Понятия не имею. Фен?

– Нет, это штуки для настоящих мужчин.

Он открывает крышку, под которой оказывается набор отверток.

– С чего ты это решил?

– Потому что настоящие мужчины, Харт, могут из дерьма сделать конфетку. Как ты можешь не знать этого? – Истон достает инструменты и раскладывает их рядом с металлическим каркасом.

– Видимо, потому что у меня есть вагина.

– Нет. Я думаю, это потому, что ты почти не встречала настоящих мужчин. – Он останавливается, чтобы поиграть мышцами.

Я притворяюсь, что меня совершенно не впечатляет их рельефность.

– Как скажешь.

– Наверное, это из-за того, что ты так долго училась в школе для девочек. Не то чтобы я жалею. Чем меньше рядом с тобой парней, тем лучше для меня. – Он подкидывает и ловит отвертку и ухмыляется мне.

Я замираю, с моих рук капает вода.

– Я когда-нибудь говорила тебе, как называлась эта школа?

– Нет, не припомню. А что?

– Потому что мне нужно достать свою историю болезни.

Истон опускает розовую отвертку на пол, отвлекаясь от своей мини-мастерской.

– Что случилось?

– Я потребовала от мамы объяснений, и она сказала, что я сломала запястье в школе, а школа пыталась свалить все на мою семью, дабы избежать судебного разбирательства.

– Чушь собачья! – ругается он. – Зачем бы ты стала врать мне об этом? Я чуть ли не силой заставил тебя рассказать о том, что произошло. Ты не хотела делиться со мной, а значит, призналась не ради внимания или сочувствия. Ты рассказала правду.

– Пусть так, но как мне это доказать? Прошло три года. Я целый день размышляла о том, как мне спасти Дилан от папы, и это единственное, до чего смогла додуматься.

Истон чешет голову.

– Ладно. Мы найдем твою старую школу. Поищем больницы, которые находятся поблизости, и добудем твою историю болезни.

– Но как быть с тем фактом, что я несовершеннолетняя?

Истон барабанит пальцами по полу.

– У меня есть идея. Бери свою куртку, мы кое-кого навестим.

Глава 26

Истон

Кое-кто – это Лоуренс («Зовите меня Ларри») Уотсон, гигантский парень, на теле которого, несмотря на внушительный размер, нет ни грамма жира.

– Ларри играет в линии нападения, – объясняю я Хартли, но ее лицо ничего не выражает. Совсем забыл, что американский футбол это не ее.

Ларри отличный игрок, но футбол это и не его. В отличие от компьютеров. В пятнадцать лет он переехал в помещение над гаражом, сказав, что ему нужно больше места. Это при том, что в его доме с легкостью можно разместить парочку спортзалов. Родители разрешили ему, посчитав, что это пойдет на пользу его незаурядному уму.

– Похоже на офис NASA, – говорит Хартли, рассматривая пять мониторов в тускло освещенной комнате, которую Ларри называет кабинетом.

– NASA мечтают о том, чтобы у них было такое же железо, – хвастается он. – Здесь двадцать четыре ядра на серверном процессоре Intel Xeon E5-2687W v4 с частотой три гигагерца и технологией Smart Cache!

Глаза Хартли стекленеют. Она музыкант, а не программист. Я решаю вмешаться, пока мы не потеряли ее.

– Дело в том, Ларри, что Хартли потеряла память.

– Ого! Нет, правда?

Я сердито смотрю на него.

– Конечно, правда!

Он пожимает плечами и разворачивается к своему столу.

– Я просто спросил. Нечего так набрасываться!

– Все нормально, – успокаивает меня Хартли, положив ладонь на мое плечо.

Я делаю глубокий вдох и сжимаю ее пальцы. Если ее это не беспокоит, то и я не должен пылить.

– Что вы хотите найти?

– Школу-пансион, где училась Хартли. Она находится в штате Нью-Йорк и в название есть слова «Норт» и «академия».

– И все? Ребят, тут вы могли бы и сами справиться. – Он что-то

печатает, и на экране появляется страничка, на которой сверху написано: «Частная академия Астор-Парк».

Я стискиваю челюсти. Ларри вообще меня слышал?

– Нам не нужен «Астор-Парк»...

– Посмотри, – показывая на экран, перебивает меня Хартли.

Ларри нашел не табель успеваемости Харт, а ее личное дело целиком. Он листает оцифрованные страницы и останавливается на той, где вверху стоит надпись: «Академия Нортвуд для девочек».

– Школа для девочек, значит? – Ларри играет бровями. – С ума сойти! Там есть горячие цыпочки?

– Думаю, они там все красавицы, – говорит Хартли. – Каждые выходные мы устраивали лесбийские оргии. Натирали друг друга лосьонами, проводили состязания по щекотке, и каждый день заканчивался боем подушками в шелковых пижамах.

У Ларри отвисает челюсть.

– Она шутит, – встречаю я.

– Чувак, какая разница, шутит она или нет? – Он делает круговое движение рукой. – Продолжай. Плевать, сочиняешь ли ты или все это было на самом деле. Просто продолжай.

– Да почти больше нечего рассказывать, прости. Помимо оргий, каждое третье воскресенье мы восхваляли Никс, богиню ночи. Это было что-то типа ритуала. Мы выбирали новичка из школы для мальчиков по соседству, раздевали его, кастрировали, а потом скармливали его яйца своим кошкам.

Ларри вздыхает.

– Вот надо тебе было все испортить, да? – Он вновь разворачивается к экранам. – Не вижу здесь ничего интересного. Хорошие оценки. Никаких факультативных занятий. Заметка, в которой говорится, что тебе не нравится участвовать во всяком коллективном дерьме.

В его голосе слышится разочарование.

– Вообще-то, нет. Мы пытаемся найти ее историю болезни, но не знали, где находится школа. Ты можешь это выяснить?

Его глаза загораются.

– История болезни? Это уже весело. Давайте посмотрим. – Он вводит адрес и открывает сайт единственной больницы неподалеку. – Все будет зависеть от того, как много информации они оцифровали. Но сейчас большинство больниц сканируют всю свою документацию, потому что им часто приходится рассылать ее. О, глядите-ка, вход для пациентов! – радостно хихикает Ларри. – Даже не понадобится ничего взламывать.

И действительно, он вводит номер страховки Хартли, дату ее рождения, девичью фамилию матери – информацию, которую он добыл из учетных записей «Астора» – и получает доступ к личному кабинету пациента, где можно посмотреть результаты анализов, рентгеновские снимки и заметки доктора. До смешного просто. По-моему, наш мир – жуткое место.

Я кладу ладонь на спину Харт, но она так увлеченно читает информацию на экране, что не замечает. Похоже, успокоиться здесь надо только мне.

– Черт, трехнедельный недиагностированный перелом. Должно быть, было ужасно больно, – замечает Ларри.

– Я не помню, – Хартли потирает свое запястье.

По-моему, она делает это неосознанно. Готов поспорить, ее тело, в отличие от разума, помнит многое, иначе она бы не тянулась все время к шраму.

– Я компьютерный специалист, а не врач. Скажите, что конкретно мы ищем.

– Причину, – объясняет Харт. – Почему история болезни изменилась. – Она показывает в верхнюю часть экрана. – Во время первого приема я сказала, что травма случилась дома, но после второго приема везде написано, что я упала в школе.

– И в диагнозе стоит, что твой перелом был вызван «прямым повреждением вследствие избегания падения», – читаю я.

Мы с Харт разочарованно выдыхаем. Ничего из того, что мы узнали, нам не поможет. С этим не пойдешь в полицию или к адвокату, чтобы доказать, что отец Хартли представляет опасность. Опустив плечи, Хартли взволнованно проводит рукой по волосам.

– Мы найдем что-нибудь еще, – шепчу я ей.

Она кивает, но я не уверен, что Харт мне поверила. Я обнимаю ее и притягиваю к себе. Она натянута, как струна. Мне уже хочется просто поехать к ней домой и избить ее отца до потери сознания, но, к сожалению, это один из тех случаев, где насильем ничего не добьешься. И это отстой, потому что в последнее время драки – единственное, в чем я еще силен.

Я думал, что привести ее к Ларри было гениальной идеей.

– Еще что-нибудь? – спрашивает Ларри, забрасывая в рот кусочек картофельных чипсов. Похоже, он даже не замечает охватившего нас напряжения.

Харт так разочарована, что даже не может ответить.

– Что еще там есть? – спрашиваю я за нее.

– Я могу собрать воедино все посты, которые Хартли когда-то публиковала в соцсетях. Вдруг это поможет ей что-нибудь вспомнить? – предлагает Ларри.

Похоже, он все-таки уловил, как сильно она расстроена.

– Ты хороший человек, Ларри, – говорю я ему.

Он смущенно улыбается мне.

– Ну так что, мне это сделать?

Хартли пустыми глазами смотрит на монитор. Не сомневаюсь, что она думает о Дилан.

– Харт? – мягко окликаю я ее.

– Я уже пробовала, – наконец отвечает она. – Но ничего не нашла.

– Как ты искала? По своему имени?

– Ну да.

Ларри ухмыляется.

– В сети уже давно никто не пользуется своими настоящими именами.

Ты должна знать свой ник.

– Но я не знаю.

– А раньше? Какими идентификаторами ты пользовалась раньше?

– У меня не было аккаунтов в соцсетях до тринадцати лет. Это же нарушение закона.

Мы с Ларри изумленно таращимся на нее.

– Что? – восклицает она. – Так сказано на всех сайтах. Везде требовалось подтверждение, что тебе больше тринадцати лет.

– Почему ты не соврала? – задает Ларри сам собой напрашивающийся вопрос.

– Потому что у меня были бы проблемы, если бы кто-то узнал?

Он закатывает глаза и снова отворачивается к своему компьютеру. Я утыкаюсь лицом в ее волосы, чтобы заглушить свой смех.

– Что такого смешного? – натянуто спрашивает Харт.

– В Сети врут все, – говорит Ларри, пока его пальцы летают по клавиатуре.

– Не все.

– Я поверить не могу, что ты считала себе обманщицей. – Я дергаю ее за длинную прядь, которая свисает вдоль ее спины, словно ручеек чернил. – Ты даже не смогла соврать машине про свой возраст!

– О, подумаешь! – Хартли скрещивает руки на груди и сердито смотрит на меня.

– Можешь прислать мне фото своего лица крупным планом?

Она наклоняется вперед, чтобы посмотреть, что делает Ларри.

– Зачем?
– Попробую поискать по изображению.
– Ты это можешь?
– Конечно. Это же просто. Никогда так раньше не делала?
– Нет. – Она смотрит на меня так, словно я должен был об этом подумать.

Я пожимаю плечами.

– Я пользуюсь телефоном только чтобы писать сообщения, проверять результаты спортивных матчей и смотреть бои.

– От вас никакого толку, – жалуется Ларри. – Пришлите мне фотографию.

Я вытаскиваю телефон из кармана и выполняю просьбу Ларри. Он открывает фотку у себя, что-то делает с ней, и вскоре мы смотрим на экран, полный девичьих лиц. Я пробегаю по ним глазами, выискивая Хартли. Просмотрев первый ряд, я уже начинаю думать, что это дурацкая затея, но потом вдруг мы натываемся на изображение серьезной Хартли в ужасном желтом школьном блейзере и черных брюках в окружении группы других школьников, и у всех в руках скрипки.

– Молчи! – сделав каменное лицо, говорю я. – Теперь я знаю. Твоим талисманом был шмель.

Фыркнув от отвращения, Хартли наклоняется ближе.

– Теперь я вижу, что кое-что лучше забыть навсегда. Я безобразно выгляжу.

– Да, не очень хорошая фотография, – соглашается Ларри.

Я с силой пихаю его в спину.

– Ауч! – вскрикивает он. – Я просто говорю правду. Но теперь, Хартли, ты просто секси!

– Большое спасибо, Ларри.

Потерев руку, он обиженно смотрит на нас.

– Поверить не могу, что подвергаюсь насилию за то, что помогаю вам!

Улыбка на лице Хартли тут же меркнет. Для нее насилие всегда будет серьезной темой.

– Ларри, я очень благодарна тебе, но это не совсем то, что я ищу, и даже не потому, что выгляжу, как неудачница, которой отказали на пробах в «Би Муви»^[11]. – Хартли выпрямляется.

Мой друг даже не думает обижаться.

– Тогда скажи, что тебе нужно, и посмотрим, смогу ли я это найти.

Уверен, она не хочет делиться своим подозрениями о том, что ее собственный отец берет взятки и, возможно, обижает ее сестру. Я бы тоже

хотел сохранить в тайне многие факты о своей семье, но раз уж мы собрались искать доказательства, то Хартли лучше быть более откровенной.

– Харт, я знаю, это трудно, – шепчу я ей, – но может, ты расскажешь ему хоть что-то?

Она раздумывает над моим предложением, и ей в голову приходит какая-то идея. Ее лицо озаряется, и с едва сдерживаемым волнением Хартли поворачивается к Ларри.

– Ты хороший хакер?

– Не хочу хвастаться, но я залезаю в чужие компьютеры быстрее, чем Истон в трусики к девушкам.

Я даю ему подзатыльник.

– Ларри, черт тебя побери!

– Эй, прости, это единственное сравнение, которое пришло в голову.

– Забейте, – Хартли отмахивается. – Мне все равно. Если я скажу тебе мой номер телефона, ты сможешь получить доступ к моим старым сообщениям?

– О, конечно! Это не сложно, особенно если у тебя он есть. Я могу получить доступ к твоей электронной почте, журналу звонков, списку скачанных приложений, фотографиям и даже, может, голосовой почте. Диктуй.

Она на одном дыхании выдает цифры.

– Идите посидите. Это займет какое-то время. Мне придется залезть в ОКС-7. Каждое текстовое сообщение в мире проходит сквозь Систему сигнализаций № 7. Вы знали, что правительства стран могут отслеживать все ваши передвижения только по одному вашему телефону? А еще они слушают его. Советую вам установить на свои телефоны специальные программы, предупреждающие об атаке на ОКС-7. Двухуровневая авторизация не особо помогает. Правительство навязывает ее вам, чтобы вы чувствовали себя в безопасности. Но они всегда наблюдают за нами. Одноразовые телефоны – это тоже хорошо. Я меняю свой каждые три месяца.

Я веду Хартли к двум потертым кожаным диванам, а Ларри все продолжает бубнить про риски использования телефонной связи.

– Надеюсь, что приставленный ко мне агент ФБР не слишком скучает, потому что этим летом я перестал смотреть порнушку, – со смехом говорю я, притягивая Хартли на диван рядом с собой.

Я вытягиваю ноги и стараюсь расслабиться.

Хартли же сидит, как на службе в церкви: руки на коленях, спина

прямая, глаза смотрят вперед, на спину Ларри.

Я массирую ей шею.

– Как думаешь, что мы найдем в твоих сообщениях?

– Не знаю, но наверное, там было что-то важное, раз мои родители избавились от моего телефона.

– Согласен, – об этом я не подумал. Решил, что ее предки просто хотели помешать ей все вспомнить. Но может быть, на самом деле они пытались спрятать что-то определенное.

– Как думаешь, у тебя были какие-то фотографии или аудиозаписи?

Хартли качает головой.

– Не знаю. Если были, то почему я не пошла к отцу сразу? Почему вернулась спустя три года?

– Тебе было четырнадцать, и тебя выслали из дома. Что ты могла сделать в четырнадцать? – Мне больно думать о том, что она винит себя. Харт была еще ребенком. Она не должна была проходить через такое. Как и я не должен был переживать мамино самоубийство, папино невнимание и предательство Стива.

Взрослые должны защищать своих детей, а не разрушать им жизни.

– Ты ни в чем не виновата. Ты делала все, что могла, чтобы выжить.

Я говорю это даже больше для самого себя. Я принимал наркотики, напивался, имел беспорядочные связи – но все это я делал лишь для того, чтобы выжить. Я притягиваю одеревеневшую Хартли к себе и обнимаю до тех пор, пока ее напряжение не проходит и она не перестает сверлить дыру в спине Ларри, залезает ко мне на колени и обнимает меня за шею.

Хартли такая малышка. Иногда я забываю об этом – когда она спорит со мной или проявляет находчивость, как с Ларри. Но обнимая ее, я чувствую, какая же она хрупкая. Харт делает все, чтобы решить свои проблемы. А какой закрытой она была до аварии? Не хотела делиться со мной даже самыми незначительными фактами о себе. Мне приходилось клещами вытягивать их из нее.

Теперь я вижу почему. Грязные тайны мы стараемся спрятать подальше, не бахвалимся ими. Хартли, наконец, прислонилась ко мне, но в том, как она ерзает и вздыхает, чувствуется беспомощность. Я глажу ее по голове, пальцы запутываются в длинных чернильных прядях.

– Если это не сработает, будем искать в другом месте.

– Знаю, – шепчет она.

Но в ее голосе нет уверенности. Я поднимаю ее за подбородок, чтобы она могла видеть искренность в моем взгляде.

– Я не остановлюсь на этом. Неважно, сколько времени это займет,

через сколько трудностей нам предстоит пройти, я буду с тобой.

Она моргает, ее серебристые глаза блестят под ресницами. Я продолжаю гладить ее по спине, провожу пальцами по позвонкам. Пытаюсь хотя бы немного согреть ее одеревеневшее тело.

Хартли делает глубокий вдох, затем еще один и еще, и, наконец, напряжение полностью покидает ее.

– Ладно. Мы команда. – Она протягивает руку.

Яжимаю ее и подношу к своим губам.

– Команда.

Харт подается вперед, ко мне, ее взгляд замирает на моих губах. Джинсы вдруг кажутся мне тесными, а пульс ускоряется. Я впииваюсь в нее пальцами и притягиваю...

– Мы внутри! – торжественно восклицает Ларри.

Хартли спрыгивает с моих колен и подбегает к компьютерам.

Я с досадой вздыхаю, одергиваю футболку и поправляю джинсы. Я становлюсь таким слабым, когда дело касается Хартли. Пока мои друзья разговаривают, я стараюсь представить, как Ларри выходит голым из душевой в нашей раздевалке и чешет задницу. Потом вытягивает пальцы и говорит: «Не хотите понюхать, как вкусно пахнет?» Вся команда стонет в ответ.

Мой член тут же падает. Я встаю и подхожу к Ларри и Хартли. Они очень довольны чем-то. Харт поворачивается ко мне с сияющей улыбкой.

– Думаю, я знаю, что нам делать дальше.

Глава 27

Хартли

В тысячный раз поблагодарив Ларри и пообещав все обозримое будущее снабжать его любимым лакомством, «Доритос», мы с Истом уходим, чтобы внимательнее пересмотреть целую тонну полезной информации, которую этот компьютерный гений загрузил на мой одноразовый телефон. Этот волшебник достал все: старые электронные письма, фотографии с камеры и текстовые сообщения.

Папка с входящими содержит почти лишь один спам вперемешку со школьными заданиями. Единственное, что представляет хоть какой-то интерес, это моя переписка с трастовой компанией Бэйвью по поводу образовательного траста, оставленного мне бабушкой, к которому я могла получить доступ по достижении семнадцати лет. Попечитель полагал, что деньги должны пойти на обучение в колледже, но согласился со мной, что формулировка «для образовательных целей» может быть интерпретирована по-разному, а значит, я вправе воспользоваться ими для учебы в «Астор-Парке».

«Мама мечтала, чтобы я училась в «Астор-Парке», – писала я. – Спасибо, что сделали эту мечту реальностью». Получается, что родители ни цента не заплатили за мое обучение в «Асторе». Я организовала все сама, и они не могли ничего поделать, потому что бабушкин траст был оформлен на мое имя и я уже достигла того возраста, когда могла распоряжаться им.

Я горжусь собой, что мне однажды уже удалось переиграть отца. Значит, я могу сделать это снова.

В галерее с фотографиями, снятыми на старый телефон, совсем нет ничего интересного. Я была до омерзения скучной: сплошь фотографии пейзажей, членов любимых групп и несколько хмурых селфи.

Удача улыбается нам, когда мы начинаем читать текстовые сообщения. Почти сразу после прошлогоднего Дня благодарения я начала писать какой-то женщине, миссис Роки, в надежде, что она расскажет правду про моего отца. Заметив, что я ничего не понимаю, Истон поясняет, что миссис Роки как раз и есть та самая женщина, которая дала взятку моему отцу. Она заплатила ему за то, чтобы дело ее сына о наркотиках было закрыто. Что-то

заставило меня связаться с этой женщиной, но я не знаю, что – хотя судя по сообщениям, я очень тревожилась за свою сестру.

Миссис Роки, это Хартли Райт. Можно с вами поговорить?

Ответа не было, и на следующий день я отправила ей новое сообщение:

Снова Хартли Райт. Я волнуюсь за свою сестру. Я уже несколько месяцев не могу связаться с ней. Думаю, вы в силах помочь мне.

После нескольких недель ожидания я потеряла терпение и стала забрасывать ее сообщениями, отправляя по несколько в день. Сразу после рождественских каникул мне, наконец, ответили.

Перестаньте звонить и писать. Я блокирую ваш номер.

Нахмурившись, я показываю это сообщение Исту.

– Наверное, после того, как она заблокировала мой номер, я начала звонить ей с других телефонов, потому что после Нового года она пишет: «Если я соглашусь поговорить с вами, вы оставите меня в покое?»

– Когда вы могли встретиться?

– Должно быть, где-то после апреля, потому что тогда я отправила сообщение, в котором говорится: «Соболезную вашей утрате».

– В апреле Дрю Роки умер от передозировки, – задумчиво произносит Истон.

Ларри нашел для нас эту информацию вместе с адресом миссис Роки.

– Наверное, она решила, что поплатилась за взятку, и теперь лучше рассказать правду. – Храброе решение, мне кажется.

– Когда пришло последнее сообщение? Летом? – Истон заглядывает в телефон через мое плечо.

– Да, и на этом все. Если у меня были ее показания, почему я не сдала папу? Я бы не стала игнорировать ее, верно? Не стала бы сидеть сложа руки, получив это сообщение. Я же что-то делала. Получила деньги из траста, перевелась в школу маминой мечты... Наверное, хотела вернуть ее расположение. – Это не сработало. Она ожесточилась против меня. Не прошло и двух недель после аварии, как мать решила, что я слишком опасна, чтобы жить с ними. Она поняла, что я очень близко подобралась к

истине, к тому, чтобы разрушить ее идеальную жизнь.

Но почему последнее сообщение от миссис Роки пришло летом? И почему я никак на него не отреагировала?

Я перечитываю сообщение еще раз.

Простите, что я так долго не связывалась с вами. Мне нужно было все обдумать, но вы правы. Мой сын уже не с нами. Лучше бы я позволила посадить его в тюрьму. Может, это спасло бы его. Я заплатила вашему отцу двадцать пять долларов, чтобы он «потерял» улики, наркотики, которые изъяли у Дрю, и я согласна повторить это в суде, если потребуется. Прошло три года, но я думаю об этом каждую ночь. Я вам все рассказала и как будто сбросила камень с души. Дайте мне знать, когда мы встретимся.

– Я никогда не рассказывала тебе об этом? – спрашиваю я Иста.

– Нет. Ты рассказывала лишь о том, как слышала, что твой отец спорил со своим боссом о снятии обвинений с Дрю, и что ты видела его в машине с другой женщиной, уже не миссис Роки. Как раз тогда он и сломал тебе запястье.

Я чешу шрам.

– Может, она передумала?

Истон берет мои пальцы в свои.

– Давай поедem к ней. Мы ничего не потеряем, если покажем ей сообщение и попросим дать показания.

– Ты прав.

Но я все равно чувствую себя ужасно. Как будто облажалась. Дилан имеет полное право злиться на меня.

Истон ловит нам машину, и она везет нас в северную часть Бэйвью в восьми километрах отсюда – настоящий пригород, где дома отличаются лишь разными оттенками голубого и бежевого. Адрес, который нашел нам Ларри, находится в самом конце тупиковой улочки. Свет горит, значит, дома кто-то есть.

Сделав глубокий вдох, я набираюсь храбрости и вылезаю из машины. Ист отдает деньги водителю и встает на тротуаре рядом со мной.

– Мне пойти с тобой или подождать здесь?

Я бросаю быстрый взгляд на этого красивого мальчишку.

– Конечно, пойдem со мной. Одна твоя улыбка, и она растает. – Ну, и мне не мешает моральная поддержка.

Он одаривает меня своей убийственно красивой улыбкой, берет за руку и жестом показывает идти вперед. На крыльце лежит дверной коврик из ротанга, на входной двери висит венок из плюща и ягод. Через стеклянное окошко в двери видно, что миссис Роки решила заранее подготовиться к Рождеству, а ведь еще даже не День благодарения.

– Надо было купить ей цветы или шоколад, – говорю я, вытирая вспотевшие ладони о джинсы. – Что лучше подходит в случае, когда человек поклялся повторить под присягой, что подкупил чиновника?

– Шоколад, стопудово. Я отправлю ей коробку, когда мы закончим.

– А если это тоже посчитают взяткой? Нет, давай лучше не будем.

Истон сжимает мою руку.

– Стучи, Харт.

Входная дверь приоткрывается.

– Чем могу помочь?

Она с подозрением смотрит на нас, и я не виню ее. Уже вечер, слишком поздно для торговых агентов и даже для «Свидетелей Иеговы».

Я смущенно протягиваю руку для пожатия.

– Хартли Райт, мэ. Вы пригласили меня, чтобы поговорить. Но я попала в аварию и смогла приехать только сейчас. – Я не упоминаю, что авария произошла всего две недели назад. Сейчас эта информация будет только лишней.

Миссис Роки хмурится.

– Хартли Райт? Простите, но вы можете сказать мне, о чем мы собирались говорить? – Похоже, она искренне не понимает, чего я от нее хочу.

– О вашем сыне, Дрю.

– Дрю? О Господи! Вы имеете в виду Дрю Роки? – Женщина распахивает дверь настежь. – Теперь я вас вспомнила. Вы приходили пару месяцев назад и спрашивали про него.

– Приходила?

– Она ударилась головой, – встревает Ист. – И почти ничего не помнит из прошлого.

Женщина, которая, как мне кажется, вовсе не является матерью Дрю, ахает.

– О боже! Пойдемте, пойдемте. Входите. – Она приглашает нас в дом и усаживает в гостиной. – Хотите чего-нибудь выпить?

– Нет, мэ, – хором отвечаем мы.

– Хорошо. Меня зовут Хелен Бергер, я купила этот дом у Сары Роки в июне.

– О! – Наверное, сейчас я своим видом напоминаю шарик, из которого выпустили воздух. – А где она сейчас?

– Она умерла, милая. Через пару месяцев после того, как ее сын отошел в мир иной, она вышла на середину трассы, где ее сбил грузовик. Ужас, да и только! Благослови Господь ее душу. Видимо, она так и не смогла оправиться от потери сына. – Хелен печально качает головой. – Ты приходила сюда в августе, и я все тебе рассказала. Тогда у тебя был такой же ошарашенный вид. Наверное, ты хотела встретиться с Сарой. Мне жаль, что так получилось.

– Да, мне тоже, – поникшим голосом повторяю я.

Внутри меня все леденеет. Я опоздала – и до потери памяти, и после. Ощущение беспомощности тяжелым камнем ложится на плечи. Я опускаю голову, потому что все надежды рухнули.

Истон и миссис Бергер обмениваются любезностями:

– Мне так жаль, что я больше ничем не могу помочь!

– Ничего страшного. Спасибо, что уделили нам время.

– Не за что. Ваша подруга, кажется, очень расстроилась. Может, все-таки угостить вас чем-нибудь, пока вы не ушли?

– Нет, не нужно. Я позабочусь о ней.

– Вы хороший друг.

– Спасибо.

Ист помогает мне подняться.

– Еще раз спасибо вам, миссис Бергер.

– Не за что.

Получив толчок в бок от Иста, я вспоминаю о хороших манерах.

– Спасибо, миссис Бергер.

Ист выводит меня за дверь.

– Мне вызвать такси или пока подождать?

Я не отвечаю, потому что злюсь – на себя, на отца и даже на миссис Роки за то, что та умерла. Сбросив с себя руку Истона, я сердито шагаю по тротуару.

– Пусть я не списывала и никого не шантажировала, но я была трусихой, – рассерженно говорю я. – Сидела сложа руки и ничего не делала. А теперь не знаю, что делать. У меня есть всего три дня до возвращения Дилан.

– Выход есть всегда, – утешает меня Ист.

– Черта с два он есть! – Я провожу рукой по лицу, еще больше злясь на себя за слезы. Какой от них толк? – Почему мне понадобилось так долго ждать?

– Ты не ждала. Мы же выяснили примерный ход событий. Ты понимала, что в семнадцать лет не сможешь забрать сестру из дома. Тогда ты решила вернуться в семью, чтобы иметь возможность защитить ее. Ты поступила в «Астор-Парк», чтобы порадовать маму, и никому не рассказывала о делишках своего отца. Ты делала все, что могла.

– Этого было не достаточно. – Я обхватываю руками голову, боясь, как бы она не взорвалась. – Не достаточно!

Я снова и снова повторяю эти слова, меряя шагами пятак перед собой, пиная камни, но легче не становится. Истон стоит рядом, наблюдая за моим идиотским поведением. Где-то начинают лаять собаки, а машины притормаживают, чтобы посмотреть, что за маньячка нарушает тишину и спокойствие их спального района. Один из водителей даже сигналил мне, и это приводит меня в чувство. Покраснев от стыда, я сажусь на край тротуара и прячу лицо в ладонях.

– Пойдем! – Ист тянет меня за руку.

– Не хочу, – бубню я, как пятилетняя девочка. Похоже, моя истерика еще не закончилась.

– Захочешь. – Он в буквальном смысле поднимает меня, а потом ставит на ноги и тащит через несколько кварталов, пока мы не подходим к автозаправке. – Жди здесь.

Мне ничего не остается, как опустить свой зад на тротуар и тупо рассматривать поток машин и клиентов, заправляющих свои автомобили, протирающих лобовые стекла, забегающих внутрь за легким перекусом. Я завидую, что у всех остальных жизнь идет своим чередом, в то время как в моей полный хаос. Но хуже всего то, что мне казалось, будто заветный ключик – ответ – почти у меня в руке, когда вдруг выяснилось, что его вообще не существовало.

Всякие «что если» и «если бы только» преследуют меня. Что было бы, если бы я ответила чуть раньше? Если бы меня не отправляли в тот пансион? Если бы я держала рот на замке? Если бы смогла убедить маму, что Дилан в опасности?

– Пойдем, – говорит Истон.

Я поднимаю глаза и вижу, что в одной руке у него упаковка из шести алюминиевых банок, а в другой – метровая металлическая палка с желтыми резиновыми вставками, и мой мозг подсказывает мне, что это противоугонное устройство. Это я помню, а про миссис Роки нет! Ненавижу себя!

– Я не хочу напиваться, – грубовато отвечаю я, раздраженная тем, что алкоголь – любимое решение всех проблем Истона. Мои проблемы он

точно не решит.

– Я тоже. – Он поворачивает упаковку, и я вижу, что это 7-Up. – Тут неподалеку есть парк, пойдем туда.

Он уходит, не дожидаясь меня.

Я несколько секунд смотрю ему вслед, потом неохотно поднимаюсь. Он был так добр ко мне: выслушивал про мои проблемы, терпеливо ждал, когда я закончу истерить, всегда был рядом, несмотря на то что я потеряла память. Все это время он был мне настоящим другом. Если бы не Ист, не знаю, что со мной было бы. Так что если он хочет пить, я буду сидеть с ним, пусть, черт его дерит, пьет, сколько угодно.

Истон ждет меня на темной баскетбольной площадке, упаковка с газировкой стоит у его ног, палка зажата в руке. Когда я подхожу к нему, он протягивает ее мне.

Я беру палку и удивляюсь ее тяжести.

– И что мне с этим делать? Ни у тебя, ни у меня нет машины.

– Когда я чем-то сильно расстроен, мне становится лучше, если я ударю что-нибудь. В доках проводят подпольные бои. Кто-то из парней ходит туда ради денег, но мы с Ридом ходили туда только потому, что ощущали удовлетворение, когда наши кулаки врезались в лица других. Думаю, это в твоём стиле...

Меня передергивает.

– Нет.

– ...так что я купил газировку и палку. – Он показывает рукой на упаковку. – Выбей из них все дерьмо. Обещаю, тебе сильно полегчает.

Я не особо в это верю, но несильно замахиwaюсь.

Истон подходит и встает позади меня, берет меня за руки и бьет палкой по банкам. Из них с шипением вырывается пена, и я отпрыгиваю, но Истон удерживает меня на месте.

– Приложись как следует, Харт. Что ты чувствуешь, когда думаешь о том, что твой собственный отец сломал тебе руку?

Хреново! В этот раз я бью сильнее. Банки мнутся, и их хруст приносит удовлетворение. Я не уклоняюсь от брызнувшей в сторону газировки, а замахиwaюсь и снова наношу удар. Этот за то, что отец берет взятки. *Шарах!* Этот за то, что меня выгнали из дома. *Шарах!* Этот за то, что миссис Роки умерла прежде, чем я успела добыть ее показания. *Шарах!* Этот за Фелисити, Кайла и мою амнезию. Я бью палкой по банкам до тех пор, пока от них не остается груда покореженных железяк и лужа белой пузырящейся жидкости.

– Как ты себя чувствуешь? – забирая у меня палку, спрашивает Ист.

Я вытираю лоб липким запястьем.

– На удивление, мне и правда стало лучше.

Но истерики и тотальное уничтожение банок с газировкой – это лишь временное решение проблемы, потому что я не смогу спать спокойно, пока не вызволю Дилан из того дома. Я отгоняю от себя вновь нахлынувшую беспомощность. Жалость к самой себе вообще ничего не решит.

Убрав волосы с лица, пытаюсь собраться с мыслями. В голове немного прояснилось. Пока у нас маловато доказательств.

– У меня есть сообщение от мертвой женщины. Но папа за секунду камня на камне от этого не оставит. Сейчас кто угодно может подделывать сообщения. Так что нам нужно отправиться туда, где все началось.

– Будем допрашивать твоего отца? – Истон потирает руки. – Я только за!

– Нет. Мы влезем к нему в кабинет, в его *домашний кабинет*.

– Сегодня?

Я пожимаю плечами.

– Почему бы и нет? Еще не очень поздно, мы все равно не дома и идем по следу, как Скуби-Ду и его команда.

Истон усмехается, но тут же становится серьезным.

– Думаешь, мы что-нибудь найдем в его кабинете?

– Попытка не пытка.

– Ты уверена, что хочешь пойти на это? После такого твоя семья обозлится на тебя еще больше.

Я пристально смотрю на Иста.

– Если я этого не сделаю, он причинит боль Дилан. Все, что я могу, – это найти доказательства его продажности, а потом сдать в полицию.

Ист притягивает меня к себе.

– Я с тобой. До конца.

Глава 28

Истон

– Поверить не могу, что мы взяли лимузин с шофером, чтобы шпионить за кем-то. – Я не хотел брать такси для наших шпионских игр, поэтому мы с Хартли вынуждены были позвонить Дюрану, который тут же приехал за нами на заправку.

– Вы можете не так сильно бросаться в глаза? – спрашиваю я шофера, постучав его по плечу.

Он сползает вниз по сидению.

– Так пойдет, мистер Истон?

Дюран потешается над нами, но мы это заслужили.

Вся эта авантюра, наверное, покажется смешным любому, кто не знает, что происходит внутри семейства Райт. Полчаса назад идея забраться в кабинет отца Хартли казалась мне отличной, но сейчас я уже не так уверен. Что будет, если ее застукают? Я не буду стоять в сторонке и смотреть, как папаша ломает ей второе запястье, но пока не знаю, как начать этот разговор. *Эй, детка, может статься, что сегодня я набью морду твоему отцу. Надеюсь, ты не против.*

Но Харт уже устала от бездействия. Сказала, что раньше была чересчур пассивной. Не уверен, что она правильно подобрала слова, но я понимаю ее желание ринуться в бой. Я и сам предпочитаю *делать* что-то, а не сидеть сложа руки.

– Без обид, но эту машину трудно не заметить. – На лице Харт мелькает тревога.

– Какие обиды, мисс! – отвечает Дюран.

– Давай как следует осмотримся. Мы же для этого сюда приехали, разве нет? – Я даю ей возможность пойти на попятную.

– Да, – отвечает Хартли и вылезает из машины.

Все ясно.

– Скоро вернемся, – говорю я, выходя из машины вслед за ней.

– Я буду ждать.

У Дюрана веселое настроение. По-моему, ему тоже нравится вся эта шпионская хрень. Наверняка это куда интереснее, чем кругами возить мою унылую задницу по одному и тому же маршруту: дом – школа – больница –

дом.

Я поднимаю воротник, закрываясь от прохладного ночного воздуха, и крадусь за Хартли, которая вдруг останавливается посреди тротуара и оглядывается на дорогу.

– Авария произошла где-то здесь, да? – спрашивает она, когда я подхожу к ней.

– Ты что-то вспомнила? – Я ищу на ее лице признаки узнавания.

– Нет, но я слышала, что она случилась прямо за изгибом дороги. – Харт показывает на резкий поворот, который мы прошли.

Перед глазами вновь встает та кошмарная сцена. Смятый багажник ее машины. Осколки лобового стекла машины близнецов на гравии. Тело Себа в шести метрах от «рейндж ровера».

Я поворачиваюсь спиной к тому месту и загораживаю от него Харт. Если она ничего не помнит, какой смысл заикливаться на этом? Прошлое не вернешь.

– Вы с Себом идете на поправку, – говорю я. – Все остальное неважно.

Хартли смотрит за мое плечо, но потом коротко кивает, видимо, внутренне смирившись.

– Ты прав. А теперь давай займемся делом.

Она оглядывается, всматриваясь в дома, особняки, выстроившиеся в линию вдоль улицы. Ройалы живут в настоящем поместье, мы никогда не видели, чем занимаются наши соседи, но дома в этом районе не такие изолированные.

– Может, нам притвориться, что у нас убежала собака? Это хоть как-то объяснит, почему мы рыскаем по задним дворам и заглядываем в окна.

Я кашляю, чтобы замаскировать смех.

– Это может привлечь больше внимания, чем нам нужно.

– У нас нет выбора. Миссис Роки мертва. Единственное, что нам осталось, – добыть прямые доказательства непосредственно у моего папы. – Хартли засовывает руки в карманы моего темно-синего пальто, ее плечи опустились так низко, что скоро будут задевать тротуар.

– Давай пойдем задними дворами, вдоль границы участков, – предлагаю я, потому что она права. Какая уже разница.

– А если кто-нибудь подстрелит нас, подумав, что мы собираемся ограбить один из этих домов?

– Пальто, которое сейчас на тебе, стоит как две выплаты по закладной. Не думаю, что кто-нибудь спутает тебя с грабителем.

– Ну еще бы. – Хартли закатывает глаза. – У тебя аллергия на одежду, цена которой состоит меньше чем из четырех цифр?

– Именно. И еще у меня член съезживается.

– Только ты, Истон, настолько уверен в себе, что можешь шутить про то, как твой член уменьшается в размерах.

– Это из-за проблем с большим членом, – мрачно отвечаю я.

Мы доходим до конца участка. Пока за нами не гонится ни одна собака.

– Как ты можешь спать в этой занюханной квартирке, если так любишь все дорогое?

«Потому что это твоя квартирка», – хочется ответить мне, но, по-моему, она еще не готова к этому.

– Потому что там я могу побыть один, без близнецов или Эллы. – *И потому что там ты.* – А ты почему там жила? Дом твоих родителей не похож на халупу.

– Зато внутри все не так красиво. По-моему, мои родители купили его, потому что хотели казаться богаче, чем они есть. В отличие от вас у нас нет дизайнерской одежды. Мама постоянно говорит о том, как все дорого. Но для них важно создавать видимость. Когда я попросила Паркер о помощи, она сказала, что я порчу репутацию нашей семьи.

– Отстой.

Харт слегка пожимает плечами.

– Ничего не поделаешь.

В голосе звучит смирение. Больше всего в ее ситуации меня бесит то, что семья раз и навсегда отвернулась от нее. Мы с братьями можем ссориться, возможно, Себ вышел из комы другим человеком, но мы всегда поддержим друг друга. Когда в нашей семье появилась Элла, мы не сразу приняли ее, но даже несмотря на внутренний разлад, не задумываясь встали бы на ее защиту, если бы кто-то попытался обидеть ее. В нашей семье мы друг за друга горой.

Думаю, сейчас я – семья Хартли.

– Вот он, – шепчет она.

Задний двор у Райтов большой, но пустой, без ландшафтных изысков. В основном трава и несколько деревьев. Свет в особняке не горит, за исключением одной из комнат в конце первого этажа, где в окне мелькают синие всполохи. Кто-то смотрит телевизор.

– Четвертое окно на первом этаже, вон там, это папин кабинет.

Я разглядываю задний фасад дома. На веранду, протянувшуюся по периметру, выходят две пары французских дверей – из кухни и из гостиной. Харт думает, что мы сможем войти через последние. Охранная сигнализация, похоже, не работает на протяжении нескольких лет, так что

вряд ли раздастся сирена, когда мы проникнем в дом.

– Каков план? – спрашиваю я ее.

– По твоим рассказам, папа достаточно самоуверен. Раз он встречается с людьми в доме, готова поспорить, мы найдем что-нибудь в его кабинете.

– Логичнее предположить, что он хранит все в сейфе.

– Может быть. Ничего страшного не случится, если мы проверим. Что он сделает? Выставит меня из дома еще раз?

Он может ударить тебя, и тогда я ударю его в ответ. Но эти мысли я оставляю при себе.

Хартли незаметно подкрадывается к окнам гостиной.

– Мама на диване, но, по-моему, она спит.

Я встаю, чтобы тоже взглянуть. Миссис Райт, похоже, и правда вырубилась. Ее голова склонилась в сторону под странным углом, в расслабленной руке лежит пульт. Мистера Райта нигде не видно.

– Может, он на встрече с клиентом, – тихо говорит Харт.

Мы бочком крадемся вдоль стены и останавливаемся под окнами кабинета ее отца. Она заглядывает в окно и показывает мне большой палец. В кабинете никого. Хартли шмыгает к огромному металлическому грилю, просовывает руку вниз и достает ключ от французских дверей. Я слышу скрежет металла о металл, а потом раздается приглушенный восторженный вскрик.

– Я была права, – ликует Харт, махая ключом перед моими глазами.

– Супер! Пойдем. – Ее восторг оказывается заразительным, и я приказываю себе расслабиться. Здесь нет реальной опасности. Это ее гребаный дом. Если она хочет забраться в кабинет своего отца, то мы это сделаем.

Хартли вставляет ключ в замок и начинает поворачивать, когда до нас доносится его голос.

Мы падаем на бетонную плиту, стараясь лежать как можно незаметнее.

– Я обещал позаботиться об этом, но это очень деликатные вопросы, их нужно решать медленно и осторожно, иначе у нас обоих будут большие проблемы.

Хартли хватается за руку. Я сжимаю ее ладонь. В ответ она шлепает меня.

– Что? – беззвучно произношу я.

Она подносит руку к уху. Хочет, чтобы я кому-то позвонил?

Харт отрицательно качает головой. Потом снова изображает «телефон», а потом показывает вверх. Тут до меня доходит: она хочет, чтобы я записал разговор!

Я вытаскиваю свой мобильник, открываю приложение для голосовых заметок и включаю запись. Надеюсь, сработает.

– Я хочу, чтобы ты заплатил наличными. Мне плевать, это твои трудности, как достать наличными пять миллионов. Ты должен заплатить именно так.

Пять миллионов? Не удивительно, что он может жить в таком доме на зарплату окружного прокурора. Похоже, это какое-то крупное дело, раз речь идет о таких цифрах. Меня охватывает нехорошее предчувствие. Сейчас в Бэйвью все говорят только об одном крупном деле – деле об убийстве, в котором обвиняется Стив О’Халлоран.

– Я пытался запугать девчонку, чтобы она не давала свидетельских показаний, но это упрямица та еще. Поэтому придется решить этот вопрос, уничтожив кое-какие улики. Надеюсь, у твоих адвокатов хватит мозгов добиться закрытия дела на основании отсутствия доказательств.

Повисает тишина – мистер Райт слушает своего собеседника.

– Если ты так переживаешь насчет показаний своей дочери, то я предлагаю тебе сделать так, чтобы она *не смогла* их дать. Ты видел, чтобы у меня были проблемы с моей? Я знаю, как заставить маленькую дрянь ходить по струнке.

У меня кровь стынет в жилах. Сделать так, чтобы Элла не смогла дать показания? Он что, предлагает Стиву убить ее? Ярость и страх сливаются в гремучую смесь, которая вот-вот взорвется у меня в груди. Нет! Гребаному Стиву никогда не добраться до Эллы.

Хартли шокирована не меньше меня. Фраза про «маленькую дрянь» причинила ей боль, я вижу это по ее глазам. Уже не в первый раз мне хочется придушить ее отца. И если у меня были какие-то сомнения по поводу того, о чем именно был этот разговор, то мистер Райт их разрушил. Стив пытается подкупом избежать суда, а Райт с превеликой радостью готов помогать ему – главное, чтобы ему платили.

– Я хочу получить половину завтра, считай это предоплатой. Я даже близко не подойду к уликам, пока не получу аванс. Встретимся у парка Винвуд в десять. И помни, мне нужны наличные.

Меня начинает подташнивать. Харт не просила меня помочь ей посадить своего отца за решетку. Она лишь хочет забрать свою сестру. Но я не смогу молчать о том, что только что слышал. Элла должна знать, что ее биологический отец, однажды пытавшийся ее убить, теперь пытается ускользнуть от наказания за убийство бывшей девушки моего папы. И что он может в любую минуту прийти за ней, чтобы остановить от дачи показаний.

Хреновая дилемма.

– Вот козел! – раздраженно восклицает мистер Райт.

Он исчезает в дверях, и мы слышим, как он орет: «Я проголодался! Сделай мне сэндвич», и с каждым словом его голос звучит все глуше.

Хартли вскакивает на ноги и жестом показывает мне следовать за ней. Мы бросаемся прочь в том направлении, откуда пришли, и бежим до самой машины. Она дрожащими руками открывает дверь и говорит:

– Поехали! Пожалуйста, поехали.

– Куда? – бросив на меня тревожный взгляд, спрашивает Дюран.

– Думаю, нам лучше поехать к тебе. – Ее полные боли глаза смотрят прямо на меня. – Ты должен рассказать все своему отцу, когда он вернется.

– Значит, ты поняла. – Мое сердце громко колотится.

– Это касалось Эллы, да? – В голосе Хартли звучит отчаяние.

– Да, – горло саднит, и трудно говорить. – Если мы расскажем моему отцу, он не остановится до тех пор, пока твоего отца не отправят далеко и надолго.

Она сдавленно глотает, и ей, похоже, тоже трудно говорить.

– Значит, пусть будет так.

Глава 29

Хартли

– Они встречаются завтра вечером, – заканчиваю я, ссутулившись от эмоционального опустошения. – Вернее, уже сегодня вечером, так как сейчас фактически утро.

Уже перевалило за два часа ночи, и я валюсь от усталости.

Каллум выглядит не лучше меня: последние двадцать четыре часа он провел в дороге, и это видно по его утомленному лицу. Мы несколько часов ждали, когда он прилетит из Лондона. Я думала, это займет еще больше времени, но, в отличие от обычных людей, Каллуму Ройалу не нужно проходить через таможенный досмотр или ждать в очереди, чтобы получить свой багаж. Догадываюсь, что именно в этом преимущества собственного самолета.

Истон обнимает меня рукой за плечи и притягивает к себе, словно предупреждая Эллу и своего отца от любых возражений против того, что я им только что рассказала. Но они оба молчат. Элла слишком зла, а Каллум... Думаю, он ошарашен и опечален, словно не может поверить, что его давний друг мог пасть так низко. По-моему, больше всего его напугало то, что Стив может действительно что-то сделать с Эллой, чтобы помешать ей свидетельствовать против него. Мой отец посоветовал ему поступить именно так. Элла побледнела, когда я пересказывала им эту часть разговора, но теперь ее лицо покраснелось от гнева. Она жаждет крови Стива, и я ее полностью понимаю.

– Это все? – спрашивает Каллум.

Я киваю.

– Да. По крайней мере, это все, что мне известно.

Я протягиваю ему телефон с сообщением от миссис Роки, и он внимательно читает его.

– Это та женщина, которую ты видела?

– Да.

– Но сейчас ее нет в живых?

– Да, сегодня мы ездили к ней домой, и соседка сказала, что когда сын миссис Роки умер от передозировки в прошлом году, та потеряла смысл жизни. Думаю, поэтому она так долго собиралась с мыслями, чтобы

написать мне. Если вы посмотрите на даты сообщений, то увидите, что я ждала ответа больше шести месяцев.

– Это из-за нее ты вернулась в Бэйвью, – догадывается Истон.

– Я тоже так думаю.

Каллум кладет оба телефона, мой и Истона, на стол позади себя.

– Я буду откровенным с тобой, Хартли. Я не могу допустить, чтобы это произошло, и должен защитить свою семью любой ценой, а значит, мне придется разоблачить твоего продажного отца и остановить его.

– Папа... – начинает Истон.

Я поднимаю руку, чтобы он замолчал.

– Нет. Я все понимаю. Я тоже хочу защитить свою семью. Мне нужно забрать Дилан из этого дома до того, как все выяснится. Боюсь, он может сорвать свою злость на ней. Вы можете помочь? Пожалуйста!

– Конечно, он поможет. Правда? – вмешивается Истон.

– Да, помогу, – отвечает Каллум. – Я позвоню своим адвокатам, чтобы те потребовали дополнительной встречи с твоим отцом, и попрошу Дюрана присмотреть за твоей сестрой. Мы будем держать их на расстоянии так долго, как это возможно. Когда правда всплывет, мы перевезем твою семью в безопасное место.

Это все, что он может предложить, и хотя это, в сущности, пустяк, мне все равно стыдно за то, что я принимаю эту помощь. Я ни в чем не виновата. Действия моего отца не имеют ко мне никакого отношения, и тем не менее мы связаны – кровью, фамилией.

– Нам нужно сделать их совместную фотографию, – впервые за все время подает голос Элла. – Мы не можем полагаться лишь на сообщение и аудиозапись. Без фотографий этот подонок может улизнуть в два счета.

Не уверена, кого она сейчас имела в виду – своего отца или моего?

Каллум кивает.

– Я позабочусь об этом, Элла.

Я жду, что она начнет возражать, но девушка лишь коротко кивает и уходит. Истон поднимает меня на ноги. Я чувствую себя так, будто уже умерла. Дайте мне добраться до моей квартиры, и я сразу упаду на первую попавшуюся мягкую поверхность.

– Пойдем, – говорит Ист, таща меня за собой.

– Так мы не попадем к выходу, – возражаю я.

– Знаю. Но ты уже буквально валишься с ног, так что я веду тебя наверх. Поспишь в моей комнате, а я завалюсь у Рида. – Он бросает взгляд на Эллу, как будто ждет ее разрешения, но она смотрит отсутствующим взглядом, погруженная в свои мысли. У нее сейчас много проблем, и мне

снова приходится напомнить себе, что в этом нет моей вины, хотя я глубоко переживаю все то, через что она вынуждена пройти.

– Давай, я просто поеду домой.

– Нет! – Звонкий голос Эллы несется по коридору. Она останавливается у подножия лестницы. – Нет, идем наверх. Нам нужен план.

– План? – одними губами спрашиваю я Истона.

Он растерянно пожимает плечами и подталкивает меня к ступенькам. Я неохотно взбираюсь по мраморным плитам, скрипя подошвами кроссовок. На втором этаже мы поворачиваем направо.

– С той стороны папины комнаты, – объясняет Истон.

Комната Эллы – самая первая в длинном широком коридоре.

– Входите, – говорит она.

Я попадаю в спальню Барби: розовые стены, розовый ковер, розовая обивка, розовые гофрированные шторы. Это настоящая комната принцессы. При условии, что принцессе меньше десяти лет. И я бы никогда не подумала, что это ледяная блондинка настолько любит розовый.

– Папа занимался оформлением, – говорит мне Ист, хватая розовый стул и подсовывая его под меня.

– Ужас, да? – говорит Элла, забираясь на кровать. Она хлопает по покрывалу, жестом показывая Истону сесть рядом, но он остается стоять возле меня.

Его рука опускается мне на плечо. Он определился с выбором, и мне это не нравится. Элла его семья. Он не должен выбирать между нами.

Я встаю.

– Я не хочу сидеть, – говорю Исту и отхожу от него. Он, кажется, обиделся, но так будет правильнее.

Сложив руки на груди, я обращаюсь к Элле:

– Чего ты хотела?

– Я не хочу полагаться в этом на Каллума. Дело не в том, что я не доверяю ему, но давайте представим, что произойдет что-то, из-за чего парень Каллума не сможет сделать хорошую фотографию? Мы с тобой, – она показывает пальцем на меня и на себя, – единственные по-настоящему заинтересованные лица, поэтому нам следует заняться этим самим.

– Ладно.

– Нет, – произносит Истон одновременно со мной.

– Почему нет? – нахмурившись, я поворачиваюсь к нему.

– Ой, даже не знаю. Может, потому что это чертовски опасно?

– В Винвуде есть заросли деревьев, которые тянутся вдоль парковки, –

говорит Элла. – Мы можем спрятаться там.

– Звучит неплохо. У тебя есть камера?

– Да...

– Элла, ты тоже ударилась головой? А ты, Харт? Я думал, ты потеряла память, но похоже, и разум тоже, – возмущается Истон. Он показывает пальцем на Эллу. – Твой отец не чурается огнестрельного оружия, – затем он тыкает пальцем в меня. – А твой, возможно, убил миссис Роки, чтобы заставить ее молчать. Мы уже знаем, насколько он жестокий тип, раз сломал тебе руку. Складываем два и два и получаем: держитесь от них подальше, черт вас дер!

Элла пристально смотрит на него, потом поворачивается ко мне.

– Да, у меня есть камера, но нет объектива для ночных съемок. Завтра утром заеду за ним в магазин.

– Отлично. У меня нет машины, но в трех кварталах от парка есть автобусная остановка, если ты не против немного прогуляться.

– Вы меня совсем не слышите?! – кричит Истон.

Мы с Эллой умолкаем.

– Вы можете быть потише? – ворчит голос из дверей. – Я, мать вашу, пытаюсь спать! Я только что выписался из больницы.

Мы разворачиваемся и видим в дверном проеме сонно моргающего Себастиана. Его темные волосы торчат в разные стороны, и на нем милая голубая сатиновая пижама с коричневыми обезьянками.

– Прости, – поднимаясь с кровати, говорит Элла.

Когда Себастиан замечает меня, то от удивления даже делает шаг назад.

– Какого черта ты здесь делаешь?

– Я, э-э-э... – я не знаю, что ответить, и поворачиваюсь к Истону за помощью. Мне сказать правду или Истон и Элла хотят сохранить все в тайне?

– Она здесь для того, чтобы помочь нам засадить Стива в тюрьму, – отвечает Истон. – И не ругайся, когда говоришь с Хартли.

– Я буду ругаться, когда, блин, захочу, – сердито отвечает его брат. – Особенно когда говорю с этой дрянью, которая чуть меня не убила.

– Себ, ты ведешь себя некрасиво, – говорит Элла. – Ты прекрасно знаешь, что это был несчастный случай.

– Как хочу, так и веду! Я ездил по этой дороге миллион раз, и авария случилась только тогда, когда появилась эта сучка!

Истон бросается вперед. Я хватаю его за руку.

Элла подбегает и встает между братьями.

– Прекратите! – строгим голосом говорит она, выталкивает Себастиана и бросает нам через плечо: – Идите спать.

На виске у Истона пульсирует жилка.

– Пойдем. – Он перехватывает мою руку, чтобы я не висла на нем.

Он выходит, идет по коридору, распахивает дверь и заталкивает меня внутрь. Входит сам, закрывает дверь за собой, но я успеваю услышать Себастиана.

– Поверить не могу, что ты позволила этой дряни спать в нашем доме!

Не знаю, что ответила ему Элла.

– Прости, – говорит Истон, шагает через комнату к двойным закрытым дверям и скрывается за ними.

– Не извиняйся. Твой брат имеет на это полное право. – Внутри прочно засела тревога: как мы с Истоном можем быть вместе, если его семья настроена против меня? Одиночество – невыносимое чувство, и я не хочу, чтобы Истону пришлось пережить его. Это ужасно, когда тебе не рады в собственном доме. В душе появляется мерзкое и унижительное ощущение, что тебя выбросили, как ненужную вещь. Дни рождения, на которые тебя не приглашают, игры, в которых тебя выбирают самой последней, – с каждым разом изоляция становится все сильнее. Ты словно стоишь посреди огромной пустыни и жаждешь хоть каплю... но не воды, а ласки, внимания, любви.

– Истон, думаю, мне лучше уйти.

Он возвращается, держа в руках одеяла.

– Я посплю на диване. Кровать в твоём распоряжении.

Я не двигаюсь.

– Ты меня слышал?

– Да, но я не собираюсь никуда тебя отпускать, поэтому тебе лучше начать готовиться ко сну. Вот запасная зубная щетка. – Он кидает мне что-то, и я машинально ловлю. – Может, тебе нужна пижама? Я могу одолжить тебе свою футболку или попросить у Эллы.

Истон стоит, уперев руки в бока и расставив ноги, его тело напряжено, словно он думает, что я сейчас метнусь к дверям и ему придется перехватывать меня. Но как всегда, когда я с ним рядом, все мои сомнения улетучиваются, а холод сменяется теплом. Истон – мое солнце.

– Мы будем бороться из-за этого? – спрашивает он. – Если да, то давай раздеваться и ложиться в кровать. Потому что это единственный вид борьбы, который разрешен в этой комнате.

Я оглядываюсь на огромную кровать. Мои щеки краснеют, когда я представляю, как мы катаемся по ней. Целуясь... лаская друг друга. Я до

смерти хочу поцеловать его, но трушу сделать первый шаг. Поэтому приходится пустить в ход сарказм.

– Готова поспорить, здесь проводилась *масса* схваток. Наверняка больше, чем я могла бы сосчитать.

Ист лишь невинно улыбается.

– Что ты! Здесь никогда не было никаких схваток. И вообще, я девственник.

Я изумленно открываю рот.

– Правда?

Он с серьезным видом кивает.

– Конечно. Ты все равно ничего не помнишь, поэтому да, я девственник. А теперь иди переодевайся, и будем ложиться спать.

Я иду в ванную, но останавливаюсь в дверях.

– Раз ты девственник, я постараюсь быть очень нежной в наш первый раз.

Я получаю колоссальное наслаждение, оставив его в полнейшем недоумении от такого смелого заявления, и закрываю за собой дверь. В последние дни было мало поводов для веселья, но выражение лица Истона заставляет меня улыбаться. Может, я и не профи во флирте, но последняя фраза была крутой! Я молодец!

Я чищу зубы, умываюсь мылом с запахом кедра и апельсинов, а потом переодеваюсь в футболку Истона, которая доходит мне почти до колен.

Когда я открываю дверь ванной, в комнате темно.

– Ты все? – звучит хриплый голос Истона.

Внезапно засмутившись, я подбегаю к кровати и залезаю под одеяло. Она такая огромная, что здесь могут поместиться все пять братьев Ройалов. Мне необычно слышать, как Истон совершает вечерний туалет. Наверное, привыкла к тишине. Это логично, если учесть, что раньше я жила сама по себе, а судя по почти полному отсутствию фотографий в соцсетях, у меня было не очень много друзей.

Это приятно. Хотя «приятно» – слабо сказано. Это... чудесно, и я не хочу возвращаться в те времена. Видимо, поэтому, когда мое персональное солнце выходит из ванной, вытирая волосы полотенцем, я говорю:

– На этой кровати может поместиться вся семья.

Истон застывает.

– Это кинг-сайз.

Я сажусь и откидываю одеяло с другой стороны.

– Залезай.

– Как! Хартли Райт, ты собираешься лишить меня девственности? –

ахает он в притворном изумлении. Или это завуалированное желание? Кто знает.

– Не сегодня. Я все понимаю, у тебя это будет в первый раз, поэтому не хочу давить на тебя. Начнем с того, что просто поспим вместе.

Ист отбрасывает полотенце, щелкает выключателем и падает на матрас, приземляясь одной половиной на меня, одной на кровать.

– Я тебе не доверяю, – дразнится он.

– Вижу, – сухо отвечаю я, сбрасывая с себя его ногу. – Ты прямо воплощение перепуганного девственника.

– А то!

Я бросаю подушку ему в голову.

– Залезай под одеяло.

Ист берет подушку, взбивает ее и кладет себе под голову, устраиваясь так, чтобы лежать рядом со мной.

– Тебе не холодно? – спрашиваю я, стараясь не смотреть на его почти обнаженное тело. Истон Ройал не спит в пижамах, и я уверена, останься он один, спал бы вообще голым.

– Я же сказал, это все проблемы доверия. – Мне кажется, что в этот раз он говорит про себя. Он сомневается в своей способности держать руки при себе, поэтому сейчас подсунул их под голову.

– Мы можем притвориться пуританами и использовать подушки вместо перегородки, – предлагаю я.

– Что еще за перегородка, черт побери?

– Ну, типа такое бревно или мешок, которые клали между мужчиной и женщиной, если они не были женаты. Так они могли спать рядом, не теряя свою драгоценную девственность.

– Ты помнишь какие-то странные вещи, Харт.

Я вся трепещу, как бывает всякий раз, когда он называет меня этим прозвищем. Как будто я его сердце. Как будто принадлежу ему. Я заставляю себя поднять взгляд на потолок.

– Я собираюсь запоминать случайные вещи, чтобы моя голова была забита всякой всячиной. Может, моей жизненной целью станет победа в викторине «Рискуй!»^[12]. Я не пойду в колледж, буду все свободное время тратить на запоминание всяких любопытных фактов, а потом выиграю миллион долларов.

– Ну ладно, – говорит Истон, как будто в моем плане нет ничего странного.

– Думаю, ты скажешь «ну ладно», даже если я сообщу, что хочу стать акробаткой и присоединиться к цирку.

Я чувствую, как он перекатывается набок. Повернув голову, вижу, что он улыбается мне.

– Во-первых, акробатки – это сексуально. Во-вторых, цирк – это круто. А в-третьих, – он протягивает руку и проводит по моим волосам, – в-третьих, я люблю тебя, Харт. Так что да, хочешь, присоединяйся к цирку, хочешь, продавай журналы, хочешь, работай продавщицей в магазине – мне все равно. Главное, чтобы ты была счастлива.

Он любит меня?

О боже! Иногда он говорит самые неожиданные вещи. Мое сердце вот-вот выскочит из груди, бабочки порхают в животе – я как будто только что побывала в эпицентре урагана. На глаза наворачиваются слезы. Я яростно моргаю, чтобы избавиться от них.

– Ты говоришь так, чтобы я пригласила тебя быть моим партнером в цирке.

Большим пальцем Истон стирает предательскую слезинку, которой все-таки удалось сбежать.

– Конечно. Я просто должен быть там, когда ты будешь раскачиваться на трапедии в трико, вся такая невероятно сексуальная. Не могу позволить, чтобы бородатая женщина или укротитель львов украли у меня мою девочку.

Потому что он Истон Ройал, а у меня нет ни капли самоконтроля, ведь мое истерзанное сердце истосковалось по солнцу и я тоже люблю его, бросаюсь в его объятия и целую его.

Я планировала лишь один поцелуй, даже быстрый чмок, но уже не могу остановиться, целую его снова и снова, и вот уже мои руки расстегивают пуговицу на его джинсах, пальцы тянут молнию вниз.

Ист позволяет мне делать все это до тех пор, пока не остается лежать подо мной почти голый, в одних только боксерах.

– Закончила? – спрашивает он, когда и они улетают прочь.

– Еще нет.

Мои щеки горят. Я люблюсь им. Он прекрасен даже там, где я не ожидала особой красоты. Я не большая фанатка мужских членов. Больше того, мне они кажутся непривлекательными. Я ни разу не искала их фотки в сети, но Истон... Я не могу перестать пялиться на него: от кончиков шелковистых темно-русых волос до аномально красивых больших пальцев на ногах Истон Ройал – само совершенство. У него подкаченная грудь и рельефный живот. Мускулистые бедра и длинные ноги. Каждый сантиметр его тела излучает мощь.

Его рука опускается вниз, он сжимает себя так сильно, что белеют

костяшки.

– Ты сводишь меня с ума, Харт. Я продержусь еще ровно две секунды, если ты не перестанешь вот так на меня смотреть.

– Ничего не могу с собой поделать.

И тут Истон вдруг бросается ко мне, стягивает футболку через голову, приподнимает меня над матрасом, чтобы снять трусики. Раздается звук рвущейся ткани, проклятие, а потом удовлетворенное «наконец-то!»

Он останавливается, только когда я остаюсь совсем голая. Его руки гладят мои бедра длинными, размашистыми движениями. Очерчивают мои изгибы, живот и спину. Его рот двигается от моих губ по подбородку, вниз по шее и вдоль ключицы. Он целует мои соски, груди и ложбинку между ними.

Истон протискивает между нами руку, чтобы натянуть презерватив.

– Ты готова?

Его глаза полыхают, лицо покраснелось. Губы припухли от поцелуев.

Я еще никогда в жизни не чувствовала себя такой готовой.

– Да, – отвечаю я так рьяно, что даже стыдно становится.

Ист перекачивается, и я оказываюсь сверху.

– Помни, ты обещала быть нежной. Это мой первый раз, – шепчет он перед тем, как я опускаюсь на него.

Не знаю, первый ли мой это раз или пятидесятый, неважно – для нас он первый. Истон стискивает зубы, на его лбу выступают капельки пота. Пальцами он впивается мне в бедра, и все его тело подо мной напрягается. Вены на его шее раздуваются, когда он пытается справиться с собой.

– Харт, – выдыхает он.

– Ист, – выдыхаю я в ответ.

Наши прозвища вдруг оказываются такими сентиментальными, и мы не будем говорить об этом вслух, чтобы не разрушать момент излишней слащавостью. Но мы можем думать об этом, здесь и сейчас. Можем сказать об этом друг другу нашими телами. Что он мое солнце, мое тепло, моя путеводная звезда. Мой Ист^[13].

Что я его душа, его смысл, его любовь. Его Харт.

Мы одно целое – одна душа, одно тело. Это чувственно и опьяняюще. Я не хочу спускаться с этой высоты. Но Истон ловит меня, когда я по спирали лечу вниз. Он прижимает меня к своей широкой груди, обнимая теплыми руками, и шепчет, что никогда не отпустит меня, никогда не перестанет любить, никогда, никогда, никогда, никогда.

Глава 30

Хартли

Я думала, что после самой лучшей ночи в моей жизни на следующее утро буду на седьмом небе от счастья. Но завтрак больше напоминает чьи-то похороны. Все встречаются на кухне и подкрепляются различными протеиновыми коктейлями, овсянкой или хлопьями с молоком, поданными Сандрой, женщиной лет пятидесяти, вернувшейся после продолжительного отпуска, во время которого она помогала ухаживать за своим новорожденным внуком. Мы с Эллой уже сидим за столом, когда по очереди спускаются мальчики. Первым в кухне появляется Себастиан. Увидев меня, он чертыхается, берет смузи и исчезает. Потом заходит Сойер. Я жду, что он последует примеру брата, но младший Ройал берет у экономки порцию овсянки и садится за стол возле окон, из которых открывается вид на огромных размеров лужайку, бассейн и океан за ними.

Мы уже собираемся уходить, когда в кухню вваливается Истон.

– Он постоянно опаздывает, – мурлычет Элла.

Мы садимся за стол к Сойеру.

– Он милый, так что, похоже, это сходит ему с рук.

– «Он», вообще-то, тоже здесь, – ворчит красавчик Истон и опускается на стул рядом со мной.

– А он не жаворонок, да? – спрашиваю я у Эллы.

– Не-а. Когда я только переехала к ним, то решила, что из него получится отличный вампир – он пропадает всю ночь и спит днем.

– Если хочешь знать правду, – тут я понижаю голос, – я ни разу не видела его грудь в солнечном свете, так что все возможно!

– Нет, серьезно! Я. Блин. Прямо. Здесь!

– А я видела, – объявляет Элла, показывая ложкой в сторону бассейна. – И с прискорбием сообщаю, что она не светится.

– Это можно исправить. У меня есть крутые тени, называются «глиттер-бомб», и мы можем намазать ими его грудь.

– О! Как потеплеет, сразу попробуем.

Истон бормочет что-то о том, что ему не надо было приводить меня сюда, но я знаю, что это шутка. Он разбудил меня самым лучшим из всех возможных способов и объявил (еще даже до того, как мы встали с

постели), что это самое солнечное утро в его жизни. И явно самое активное утро в моей.

Ну, а прошлая ночь... Я даже не могу описать ее словами. Истон был таким нежным, таким восхитительным и... У меня вспыхивают щеки, когда я вспоминаю, как он сдерживался, каким терпеливым был со мной. Учитывая его репутацию бабника, я думала, он будет заботиться лишь о собственном удовольствии, но Ист вовсе не вел себя эгоистично. Он был... потрясающим. Мои щеки краснеют еще сильнее.

Мы обязательно должны поставить в квартире кровать, да побольше. Интересно, а есть ли такие простыни, которые не сбиваются с матраса? Было бы здорово.

Элла вздыхает, так громко и печально, что все поворачиваются в ее сторону.

– Что? – спрашивает Истон.

Теперь она показывает ложкой на меня.

– Я узнаю этот счастливый утренний взгляд. Раньше и я так смотрела, – жалобно говорит Элла. – Слава богу, что этот дурацкий футбольный сезон почти закончился, и скоро я смогу проводить время с Ридом.

Сойер, сидящий по ту сторону стола, отталкивает свою тарелку.

– Мы можем поговорить о чем-нибудь другом, а не о том, как вы двое трахаетесь с моими братьями?

Я становлюсь пунцовой и, заикаясь, отвечаю:

– Мы... я... это было... мы не....

Истон тянется через стол и дает брату подзатыльник.

– Заткнись, ты смущаешь Хартли!

– А как же я? – с оскорбленным видом спрашивает Элла.

– С каких пор ты начала смущаться? – Погладив ее по голове, Истон встает и целует меня в макушку. – Думаю, нам пора. Элла водит машину, как девяностолетняя старушка, так что надо выезжать, а иначе опоздаем.

– Я вожу машину, соблюдая скоростные ограничения! – возражает Элла.

– Точно, я так и сказал, как девяностолетняя старушка.

Элла пытается ударить его, но Истон легко отскакивает в сторону. Они гоняются друг за другом по всей кухне, а мы с Сойером наблюдаем за ними из-за стола. Когда-нибудь мы с Дилан тоже будет такими – довольными, счастливыми и любимыми.

Улучив момент, я поворачиваюсь к Сойеру.

– Не знаю, вдруг ты тоже разозлишься, но прости за аварию и за твоего

брата.

Он опускает глаза в свою почти пустую тарелку и бесцельно водит по ней ложкой. Я не знаю, что за мысли крутятся в его голове, но Сойер поднимает на меня полный боли взгляд и тихим, смиренным голосом говорит:

– Ты не виновата, и мы оба это знаем. Мы ехали слишком быстро. Мы... отвлеклись на то, что происходило в салоне, так что больше не извиняйся. Себ еще придет в себя. Просто сейчас нам приходится иметь дело... со многим.

Любопытно, что он имел в виду под этим, но не мне задавать такие вопросы. Я рада уже тому, что он не считает меня виноватой. Не хотелось бы, чтобы из-за меня Истон отдалился от семьи.

– Ты доел? – Я киваю головой на его тарелку. – Давай захвачу.

Сойер подталкивает ее ко мне, потом с несчастным видом смотрит на дверь, видимо, ожидая увидеть брата, который, в свою очередь, ждет, пока я уйду. Я надеюсь, Сойер прав, и Себастиан придет в себя, потому что наша с Истоном любовь только зарождается, и будет совсем не трудно уничтожить ее.

Мы едем в школу. Я откидываюсь на подголовник и слушаю, как Элла и Истон болтают о Дне благодарения и рождественских каникулах, о том, как они надеются, что в оставшихся матчах команда университета штата проиграет всем, кому можно, и Риду не придется ехать на игру за Кубок. Истон говорит, что они должны поехать в Аспен, а Элла хочет отправиться куда-нибудь, где потеплее.

– Это же зима, – говорит она ему, двигаясь на несколько миль медленнее скоростного ограничения. – А когда наступает зима, люди уезжают в теплые края.

– Нет, зимой нужно ехать туда, где много снега, потому что снег может быстро растаять, в то время как теплые места никуда не денутся, – возражает он.

– На Эвересте всегда лежит снег, – заявляет Элла.

– Но на Эвересте не покататься на лыжах, – Ист разворачивается на сиденье, – детка, поддержи меня.

Я открываю один глаз.

– В Дубае можно кататься на лыжах весь год напролет. По-моему, я где-то читала об этом.

– Ты это помнишь? – обиженно говорит он. – Ты должна быть на моей стороне. Придумай что-нибудь и поддержи меня.

– Не могу. Женская солидарность и все такое.

Элла поднимает кулак, выражая признательность.

– Что? – восклицает Ист. – А как же сегодняшнее утро, когда мой язык был у тебя...

Я мигом придвигаюсь вперед и закрываю ему рот рукой. Он лижет середину моей ладони. Я вскрикиваю и сажусь обратно.

– ... у тебя во рту, – заканчивает он с дьявольским блеском в глазах. – А ты что подумала?

– Ничего. Ничего я не подумала. – Я сердито смотрю на него, но мое сердце вот-вот выпрыгнет от счастья. Все, что мы вчера делали с Истоном, было восхитительно. И... да... я не могу пожаловаться на его язык.

– Приехали. Спасенные звонком «Астор-Парка», – объявляет Элла, въезжая на школьную парковку.

Не знаю, кто спасся – я или Ист.

Мы втроем идем по широкой дорожке к главному зданию, и это целая комедия. У одноклассников отвисают челюсти, они встают как вкопанные, разговоры внезапно обрываются. Если бы глаза могли вываливаться, то асфальт был бы просто усеян ими.

Ист останавливается в центре тротуара, почти прямо перед крыльцом, и поворачивается лицом к изумленным ученикам. Я собираюсь идти дальше, но его сильная рука, обхватившая мою талию, не дает мне сбежать.

– Потому что я такой великодушный и всегда готов прийти на помощь, я отвечу на несколько ваших вопросов перед началом занятий, чтобы потом вы могли сконцентрироваться на учебе, а не сочинять новые слухи. Да, мы с Хартли вместе. Да, моя семья не против. – Он подталкивает Эллу, и та кивает. – Да, у Хартли амнезия, и да, я выбью все дерьмо из любого, кто заставит ее даже нахмуриться. А если кто-то из вас заставит ее плакать, то я сломаю вам столько костей, что придется закупить весь ассортимент китайской стали, чтобы они срослись.

Он говорит все это с широкой улыбкой и будничным тоном, и наверное, поэтому от этих слов мороз по коже.

– Есть еще вопросы? – кричит Ист.

Повисает оглушающая тишина. Он улыбается еще шире, хлопает в ладоши и говорит:

– Ну и отлично! Спасибо, что выслушали меня. Увидимся в школе!

Истон поворачивается и подталкивает нас с Эллой в сторону входа.

– Это было так необходимо? – Мне стыдно за его речь и одновременно за то, что так сильно наслаждалась происходящим.

– Очень необходимо, – отвечает вместо него Элла. – Особенно, когда Себ вернулся в школу. Мы хотим, чтобы все видели нашу сплоченность. В

прошлом году Ройалы шатались по школе, как зомби, и народ как с ума посходил. Унижения и тирания продолжались до тех пор, пока мы не объединились в одну команду. Акулам «Астора» не помешает лишний раз услышать, что Ройалы друг за друга горой. Ну все, пока, увидимся за ланчем.

Помахав нам рукой, она убегает и останавливается рядом с брюнеткой, которая тут же обнимает ее.

– Это Вэл, лучшая подруга Эллы. Ты встречалась с ней однажды, на пирсе, – шепчет Ист мне на ухо. – А это Клэр, моя бывшая. – Он украдкой показывает мне на изящную, похожую на куколку девушку, которая печально смотрит на нас. – Я показываю тебе людей, чтобы ты не удивлялась. Так, еще ты должна познакомиться с Пашем. Он мой лучший друг, не считая членов моей семьи. – Истон оглядывается по сторонам.

Он все время это делает. Его случайные, казалось бы, даже не особенно важные поступки заставляют меня трепетать. Несколько минут назад он фактически объявил всей школе о том, что я тоже вроде как Ройал, а теперь ему не терпится посвятить меня во все детали своей жизни. Ист не хочет, чтобы я чувствовала себя лишней.

– Я могу с ним познакомиться и потом. Завтра, например. А сейчас мы должны идти на занятия.

Он улыбается мне, и внутри сразу становится тепло. Мое личное солнышко.

Утро проходит гладко. Истон вместе со мной на всех уроках. Он признался, что это не случайное совпадение и что ему пришлось сжульничать. Я не против. Здорово не быть одинокой. На нас все время кто-то смотрит, но широкоплечая фигура Истона загораживает меня от них, как огромный щит.

Когда мы приходим на ланч, он оттаскивает меня подальше от угла.

– Там водятся насекомые, помнишь?

– А, точно! Брэн говорил мне.

Истон хмурится.

– Я говорил тебе это первый, до Брэна.

Я отворачиваюсь, чтобы спрятать улыбку. Эти маленькие приступы ревности просто очаровательны.

– Брэн – хороший парень. Вы могли бы дружить.

– Мы и дружили. До тех пор, пока он не решил вторгнуться на мою территорию, – бурчит Истон себе под нос, протягивая свое школьное удостоверение кассиру.

– Твою что? – выгнув бровь, спрашиваю я.

– Нашу территорию? – пытается спасти ситуацию Ист.

Я протягиваю свою карту.

– Звучит все так же не очень.

Он отталкивает мою руку и снова дает свою карту.

– Они не могут проводить одним удостоверением дважды, – напоминаю я Исту.

– С каких пор? – Он смотрит на кассира. – Проводи.

– Э-э-э... – Парень закусывает нижнюю губу. – Нам нельзя.

– Проводи, – повторяет Ист тихо, но твердо.

Кассир делает как велено, деньги снимаются со счета, и мы поднимаем наши подносы, чтобы освободить места для следующих в очереди.

– Раньше они отказывались так делать, – говорю я Истону, опуская тот факт, что до него так же пытался сделать Брэн.

– Это глупое правило, но никто не принуждал нас его исполнять. Им все равно платят, так что тут такого.

Он останавливается у стола рядом с огромным окном, выходящим на спортивное поле. За ним уже сидят Элла, Вэл и близнецы. Когда они вместе, их почти невозможно различить, но думаю, тот, который смотрит волком, – Себастиан, а тот, что сидит с видом мученика, – Сойер.

Кивнув обоим, я тихо здороваюсь. Себастиан притворяется, как будто его сейчас стошнит, когда я сажусь. Все чувствуют себя неловко и неудобно, но я не знаю, что вызовет больший скандал – если я уйду или если останусь.

Нелегкие раздумья вдруг прерывает разыгравшаяся неподалеку от нас драма. Мой старый приятель Кайл стоит рядом со столиком, где сидит Фелисити со своей компанией. У него в руках поднос, и он, очевидно, хочет сесть вместе с ними. Но точно так же очевидно, что этого не хочет Фелисити. Она кладет свою сумочку на пустое место рядом с ее подносом.

– Здесь занято!

– Кем? – с вызовом спрашивает Кайл. – Последние пять минут это место было пустым. А еще ты говорила, что я могу сидеть с вами.

– Ты, должно быть, шутишь! – громко с презрением отвечает Фелисити. – Ты рвань. А мы не сидим с такими.

– Рвань? – шепчу я Исту.

– Те, кто учатся по стипендии нуждающимся в финансовой помощи, – шепчет он мне на ухо.

– До нелепого ужасное оскорбление. Она подсмотрела это слово в словаре? – шепчу я в ответ.

Он пожимает плечами.

– У нее есть деньги. Ей не обязательно быть умной.

Кайл становится пунцовым. Стрелка моего счетчика стыда и неловкости за других зашкаливает. Я ненавижу этого парня за то, что он пичкал меня ложью, но такие унижения просто недопустимы!

– Раньше ты так не говорила.

– Ты прикалываешься? Я бы никогда не пригласила такого парня, как ты, сесть за стол с моими девочками. По-моему, твоей отец зарабатывает на жизнь тем, что чинит *машины*, верно? А что если на твоих руках масло? Ты хоть знаешь, сколько мама Скайлар заплатила за этот блейзер? Это не та дешевая синтетика, которую носишь ты. Блейзер сделан из натуральной шерсти овец, выращенных в одной испанской деревне. Тебе придется починить не один миллион машин, чтобы получить право хотя бы дыхнуть на эту шерсть, так что, – Фелисити машет на него рукой, – проваливай!

Это так грубо, что я ахаю. Потом застываю, а потом начинаю подниматься из-за стола. Истон хватает меня за правую руку, а Элла за левую. Они вместе сажают меня обратно на стул.

– Это не твоя битва, – предупреждает Ист. – Этой парочке нужно разобраться между собой, к тебе это не имеет никакого отношения.

– Он прав. Сейчас не время вступать с ней в перепалку.

В какой-нибудь другой день я, наверное, прислушалась бы к ним. Но когда Кайл выбегает из столовой, а губы Фелисити кривятся в довольной ухмылке, меня накрывает. Я сбрасываю с себя руки Иста и Эллы и вскакиваю на ноги.

– Даже не думайте, – говорю я им. – Это дерьмо не сойдет ей с рук.

Они не успевают ничего сказать, потому что я уже марширую к столику Фелисити. Она как раз собирается сделать глоток из бутылки с какой-то дорожкой газировкой, этикетка на которой полностью на французском. Конечно же, она пьет газировку, привезенную из-за границы. Еще бы!

Стиснув зубы, я выхватываю у нее бутылку. Фелисити гневно взвизгивает, и ее глаза вспыхивают, когда она видит, чьих рук это дело.

– Какого черта! Отдай! – Она сердито протягивает руку.

Я отодвигаю бутылку в сторону.

– Кто дал тебе право обращаться с людьми подобным образом?

Фелисити растерянно моргает. Серьезно? Она правда *забыла*, как *только что* унизила Кайла?

– Кайл, – подсказываю я. – Как ты посмела разговаривать с ним так, как будто он какой-то мусор под твоей туфлей?

До нее доходит. Но она тут же взрывается пронзительным смехом.

– Ты сейчас серьезно, Райт? Какое тебе дело, как я обращаюсь с этим лузером? Ты даже представить себе не можешь, как легко было уговорить его согласиться немного поиздеваться над тобой, бедняжкой! – Фелисити снова смеется. – Обошлось мне дешевле, чем я плачу специалисту по химчистке, который заботится о моей форме. – Она показывает на свою белую блузку и идеальной чистоты блейзер.

– Ты имеешь в виду *эту* форму? – Широко улыбаясь, я переворачиваю бутылку, и ее содержимое выливается на Фелисити.

Наступает гробовая тишина.

Потом раздается уже знакомый смешок Истона.

А затем по столовой эхом проносится полный ужаса вопль Фелисити. За ней вскрикивает ее подруга Скайлар, которая тоже случайно попала под раздачу. Несколько капель пузырящейся красной жидкости забрызгали ее блейзер из волшебной натуральной шерсти откуда-то из Испании, и она вот-вот разрыдается, схватившись за его лацканы.

– *Мой блейзер!* – завывает Скайлар.

– Ах ты, *гребаная* овца!

Промокшая, в заляпанной красными пятнами форме, Фелисити вскакивает из-за стола, замахиваясь для удара. Но у нее ничего не выходит, потому что она поскальзывается на луже газировки в своих дизайнерских туфлях на каблуках.

Фелисити летит вперед и падает лицом в блестящий пол.

Огромное помещение наполняется хохотом – все наблюдают за ее неудачными попытками подняться. Она скользит по полу и, не успев толком встать, тут же падает снова, как героиня какой-нибудь нелепой комедии.

Я окидываю толпу убийственным взглядом и поднимаю руку, требуя тишины. Я не намеревалась унижить Фелисити и выставить ее на посмеище. Это было бы равноценно тому, как она обошлась с Кайлом, который мне даже не нравится! Поэтому мне нужно высказаться.

– Ты *не* лучше нас, никого из нас, – рывкаю я на Фелисити. – То, что твоя семья может купить и продать мою несколько сотен раз, то, что твои тупые друзья не учатся по стипендии и имеют трастовые фонды с семью нулями, еще не делает тебя лучше всех остальных. И не дает тебе права унижать их, или использовать, или «издеваться над бедняжками». – Мой голос дрожит от гнева. – Клянусь Богом, Фелисити, если я еще раз увижу, как ты снова попытаешься показать кому-то свое превосходство, ты не отделаешься вылитой на тебя газировкой! – Я угрожающе смотрю на нее. – Я надеру тебе задницу!

Опять этот смешок. *Проклятье, Истон, я же тут изображаю крутую девочку!*

Должно быть, Ист чувствует мою досаду, потому что подходит и говорит:

– Помнишь, как Элла протащила Джордан Каррингтон за волосы по всей школе? – Он широко улыбается Фелисити. – Что ж, Харт и не такое тебе устроит.

– Еще как! – подтверждаю я.

Фелисити, наконец, удается встать, но ее каблуки то и дело разъезжаются в разные стороны. Она злобно смотрит на меня, потом на Истона, потом на Эллу, потом на своих друзей и всех, кто наблюдает за ней, даже не пытаясь сдержать смех.

Затем открывает рот, как будто собираясь сказать что-то, но принимает мудрое решение промолчать, обходит меня и вылетает из столовой.

– Святые угодники! – восклицает подруга Эллы Вэл, когда Фелисити исчезает. – Это было *офигенно*, Хартли!

Она протягивает мне ладонь.

Я бью по ней своей и начинаю краснеть, когда и другие ученики подходят ко мне, чтобы тоже дать пять или сказать, как это было круто.

Но в столовой есть человек, которого мой поступок совсем не впечатлил.

– Подумаешь, она вылила газировку на какую-то стерву, – насмешливо произносит Себастиан Ройал. – Какая героиня!

– Себ, – одергивает его Сойер.

– Нет! – Злой близнец пререзает рукой воздух. – Кому есть дело до того, что она отчитала Фелисити? Я поверить не могу, что должен находиться рядом с этой дрянью! Мало того что, когда я спустился позавтракать в своем собственном доме, она сидела за моим столом, словно не таранила своей тачкой мой «ровер», чуть не убив меня, моего брата и нашу девушку...

– Бывшую девушку, – вставляет Сойер.

– ...девушку, которая теперь даже не разговаривает с нами. А теперь она еще будет сидеть за нашим семейным столом в «Асторе»? А все будут считать ее героиней? Вам, ребята, совсем плевать, что я провалялся в гребаной коме из-за нее?

– Себ, хватит, не надо так, – просит Сойер.

– Вижу, после аварии ты превратился в тряпку, – с презрительной усмешкой отвечает его близнец. – Вот что я вам скажу: либо вы избавляетесь от этой сучки, либо избавитесь от меня.

Он вскакивает со стула и уносится прочь из столовой.

– На самом деле он так не считает. – Ист поворачивается ко мне и проводит рукой по моей спине.

Но вслед за его ладонью по мне пробегает тревожный холодок. Неправильно, что Ист утешает меня. Я не заслужила этого.

– Мне нужно в туалет. – Я встаю из-за стола.

– Погоди, Харт...

– Пусть идет, – слышу я голос Эллы.

Я уже третий человек, который за последние пару минут вылетает из столовой, и, наверное, выгляжу смешно, но сидеть здесь, когда чувство вины придавливает меня к полу, еще хуже. Не знаю, как мне наладить отношения с Себастианом, но можно попытаться начать с извинения. Сегодня утром я уже извинилась перед Сойером, но попросить прощения у его близнеца мне пока так и не удалось. Слов обычно недостаточно, но они могут стать неплохим началом.

Я пробегаю по коридорам, пытаюсь отыскать Себастиана, но везде пусто. Останавливаюсь под табличкой «Мужская раздевалка». Прижав ухо к двери, слышу скрип кроссовка о плитку.

Сделав глубокий вдох, я стучусь.

– Себастиан? Это Хартли Райт. Можно поговорить с тобой? Я хочу извиниться.

Снова раздается скрип, как будто кто-то подходит к двери.

– Спасибо, – говорю я и тут же вскрикиваю, потому что, когда дверь открывается, вместо Себастиана Ройала передо мной появляется Кайл Хадсон.

– Передо мной тебе тоже не помешает извиниться, – рычит Кайл.

Я отскакиваю от него.

– За что я должна перед тобой извиняться?

– За то, что ты существуешь на этом свете, тупая сучка.

Я уже начинаю уставать от этого слова. Сначала Себастиан, теперь Кайл? А если подумать, то всего несколько минут назад я бросилась на его защиту.

Можно оскорбить его в ответ, но какой толк? Он снова обзовет меня, от чего, повторюсь, я уже устала. Повернувшись к нему спиной, я ухожу.

Вернее, пытаюсь уйти.

Мясистая рука с пальцами, похожими на сосиски, опускается на мое плечо и толкает меня в шкафчики. Я ударяюсь с такой силой, что воздух выходит из легких.

– Теперь ты сама по себе. Ройалы всегда вместе, так что Истон пошлет

тебя куда подальше. – Кайл угрожающе наступает на меня.

Я оглядываюсь в поисках чего-нибудь, чем можно ударить по его большой голове.

– Если твой член окажется рядом со мной, я отрежу его.

Он снова толкает меня.

– Очень мне надо пихать своего Джонсона в твою грязную щелку. Даже не мечтай. Но вот тебе маленький анонс того, какой будет твоя жизнь до окончания школы.

Я не вижу его кулак. И уж тем более ничего такого не ожидаю. Я подумала, он просто хочет полапать меня, засунуть свой язык в мой рот. Я подумала, он полезет мне под юбку, и мое колено уже было наготове... Но я бы никогда в жизни не подумала, что он собрался ударить меня.

Удар – усиленный злостью униженного стокилограммового импотента – приходится мне прямо под дых. Я сгибаюсь пополам, из меня вылетает все, что я съела за ланчем. У меня перехватывает дыхание, и я падаю на колени, хватая ртом воздух.

Краем глаза я вижу, как он заносит свой ботинок. *Он сейчас пнет меня!* Я сворачиваюсь в клубочек и пытаюсь откатиться в сторону, но не успеваю, и носок его туфли с силой вонзается в мой бок. Сквозь пелену слез и боли я стараюсь придумать, как мне выбраться отсюда. Где я буду в безопасности? В классе? Рядом есть класс? *Ну же, Харт! Вставай!*

Но мне больно даже пошевелиться. До меня доносятся смех, шаги, потом еще голоса, которые вдруг внезапно обрываются.

– Какого хрена тут происходит? – от рева Истона в буквальном смысле дрожат стены.

Кайл, застыв надо мной, начинает заикаться.

– П-п-привет, Истон. Это сучка запнулась и упала. Наверное, хотела отсосать мне, но я отказался.

Что-то быстро проносится мимо меня, и рядом падают два тела. Раздается тошнотворный звук удара плоти о плоть. Я пытаюсь прохрипеть что-то типа «хватит!», или «помогите!», или «нет!». Но никто даже не замечает меня. Я с трудом поднимаюсь на ноги, хватаясь за ручки шкафчиков, принимаю вертикальное положение и тут же обхватываю себя за бок, гадая, не вывалятся ли из меня кишки, если опущу руку.

Звуки драки привлекают внимание. Ученики собираются в конце коридора.

– Ставлю сотню на Ройала.

– Никто не примет твою ставку.

– Тогда как насчет сотни на то, что Хадсон не протянет и пяти минут?

– Вот это уже лучше.

– Что здесь происходит? Хватит! Разойдитесь! – через толпу пробирается приземистый мужчина плотного телосложения в клетчатом костюме.

Истон сидит верхом на Кайле и изо всех сил старается вмять его в пол. Парень лежит неподвижно. Его лицо в крови, как и кулак Истона. Меня охватывает неподдельное беспокойство, что Ист мог сделать непоправимое. За нападение на другого ученика можно угодить в тюрьму.

Стараясь не обращать внимания на боль, я пробираюсь вперед и хватаю руку Истона, которую он занес для очередного удара.

– Истон, – стону я. – Пожалуйста.

Он опускает руку и смотрит на меня. Видимо, я выгляжу совсем плохо, потому что на его лице появляется безумное выражение. Он скалится.

– Я убью его!

– Нет! Мне плевать на него, но ты мне нужен. – Мне невыносимо даже думать о том, что у меня могут забрать мое солнце. Я лучше вытерплю тысячу ударов в живот, чем позволю такому случиться.

– Мистер Ройал, довольно. Еще один удар, и я отстраню вас от занятий. Мне все равно, что ваш отец жертвует деньги этой школе.

– Истон, – продолжаю умолять я, – прошу тебя!

Его одеревеневшая рука слегка сгибается. Я прижимаюсь губами к его локтю и шепчу:

– Отпусти его. Он за все заплатил. Клянусь тебе. Он заплатил.

– Дерьмо. Ладно. – Он обнимает меня, прижимая мою голову к своему плечу. Наклоняется ко мне и прижимается щекой к моим волосам. – Сейчас я закончил, но если он еще хоть раз прикоснется к тебе, то будет вычищать ошметки своих яиц из зубов до конца школы.

– Справедливо, – говорю я, но сомневаюсь, что Кайл когда-нибудь вернется в школу.

Истон еще раз нежно целует меня в лоб и поднимается.

– Как твой живот? – Он склоняется, чтобы осмотреть меня и задирает мне юбку.

Я опускаю ее вниз, потому что вокруг нас собрались человек пятьдесят и все смотрят на нас, ожидая продолжения.

– Мне уже лучше.

– Я хочу отвезти тебя в больницу.

– Нет, правда. Со мной все в порядке.

– Мистер Ройал, вы должны пройти в мой кабинет.

Истон даже не смотрит на мужчину.

– Я собираюсь отвезти Хартли в больницу, чтобы убедиться, что у нее нет внутреннего кровотечения. Если она умрет из-за того, что вы медлили с помощью, судебный процесс против вас будет очень громким.

И без того тонкие губы директора сжимаются в одну линию.

– Хорошо, но завтра утром я жду всех троих в своем кабинете.

– Не вопрос, – у Истона нет никакого желания идти на эту встречу, а что до меня, то пусть уж лучше исключают из школы совсем.

Мы начинаем препираться о том, стоит ли везти меня в больницу. Истон намерен нести меня на руках до машины, и я всячески этому сопротивляюсь. Но он непреклонен.

– Мне стыдно, – говорю я, пряча лицо на груди Иста.

– Я несу тебя, как настоящий герой. Здесь нечего стыдиться, – утверждает он.

– Это не тебя тащат по коридорам на глазах у пары сотен человек. – И одного человека, со взглядом которого я особенно не хочу встречаться. Злобное удовлетворение, мелькнувшее на лице Себастиана Ройала, когда Истон поднимал меня на руки, я забуду не скоро.

– Нет, все разошлись по классам.

– Я слышу их. Никто никуда не уходил. – Ровный гул не утихает с тех пор, как Истон взял меня на руки. – Ты не умеешь врать.

– Но они уйдут. Элла, можешь открыть дверь? – Звенит металл, и входные двери открываются. – Спасибо. Увидимся дома.

– Наши планы на сегодня в силе? – с тревогой спрашивает меня Элла.

У меня хватает сил поднять вверх большой палец.

– Брось мне свои ключи, сестренка. Сойер подвезет тебя домой.

Истону каким-то образом удается поймать их, не уронив при этом меня.

– Выбрала бы больницу, я позволил бы тебе идти самой, – ворчит он, шагая к кабриолету Эллы.

– Сомневаюсь.

– Ты права. Не позволил бы. Но обещаю, что если меня изобьет в мясо кто-то в два раза больше, то я разрешу тебе носить меня на руках столько, сколько захочешь. – Истон подгибает колени и умудряется открыть дверь, не уронив меня. Он опускает меня на сиденье, пристегивает ремнем безопасности и снова нежно целует в лоб.

– Поверить не могу, что директор так просто дал тебе уйти. – Я оглядываюсь на фасад школы.

– Берингер знает, что мой папа как банкомат. Кто-нибудь из Ройалов влип в неприятности – и наш старый добрый директор покупает себе

новую «БМВ». В итоге все довольны.

Он говорит об этом таким будничным тоном, что я сразу перестаю волноваться и перевожу тему на более важные вопросы.

– Мы возвращаемся в квартиру, да?

Истон, застыв на мгновение, закрывает дверцу.

– Я думал отвезти тебя к себе домой.

Как мне вежливо объяснить ему, что я боюсь, как бы его брат не придушил меня подушкой?

– Мне лучше будет в квартире. Там уютнее.

Он хмурится, глядя на меня с подозрением, но мой не такой уж и притворный стон от боли заставляет его согласиться.

– Тогда в квартиру.

Как бы я ни старалась забыть, но лицо Себастиана не идет у меня из головы. Он ненавидит меня. То ли это из-за аварии, то ли из-за того, что случилось после, но это неприятная правда, которая причиняет мне куда больше боли, чем удар Кайла в живот. Я переживу побои, могу не обращать внимания на оскорбления Фелисити, но не знаю, как пережить потерю Истона. Я не готова к тому, чтобы мой мир вновь погрузился во тьму.

Но есть ли у меня варианты? Я не могу разлучить Истона с семьей. Они одно целое. Паззл, из которого нельзя вытащить ни одной детали.

– Ты так напряженно о чем-то думаешь, что я даже притормаживаю. В чем дело?

Я могла бы соврать ему. Но раз уж благодаря амнезии я получаю шанс начать новую жизнь, то в ней не будет места лжи и жалости к самой себе.

– Я не нравлюсь твоему брату.

– Значит, ты видела его?

Я поворачиваю голову.

– Ты тоже видел?

Истон щелкает языком.

– Трудно было не заметить. Послушай, Себ всего несколько дней назад вышел из комы. Возможно, ему даже не надо пока появляться в школе. Парень слаб, как котенок. Его унесет дуновение ветра. К тому же он расстроен из-за разрыва с Лорен. Дай ему время прийти в себя.

Это не сложно. Но за это время я могу еще сильнее влюбиться в Истона – так сильно, что если мы расстанемся, то это будет как потерять часть себя. А еще я могу сбежать, чтобы спастись. Этот путь прямо противоположен пути жертвы. Оказавшись перед лицом опасности, самым умным решением будет сбежать – уверена, я где-то это прочитала.

– Я могу не помнить какие-то события, но помню чувства. Всякий раз,

когда рядом со мной оказывался Кайл, мне было жутко некомфортно. Фелисити вызывала страх. Как и мой отец. Когда я думала о тебе, то всегда чувствовала теплый свет. Всякий раз, когда я думаю о своем прошлом, у меня возникает ощущение, как будто я стою посреди пустыни, а вокруг ни души, и это продолжается уже целую вечность. Я кричу так сильно, как только могу, пока не перестану дышать, но никто не отзывается. Там даже нет эха. Все звуки поглощаются. Это тотальное одиночество, и когда я начинаю думать о прошлом, то помню только его. Я не хочу, чтобы ты испытал то же самое.

– А как же ты? Чего ты хочешь для себя?

Боже, ну почему он всегда задает такие сложные вопросы?

– В сложившейся ситуации то, чего я хочу для тебя, и то, чего я хочу для себя, несовместимо.

– Значит, ты считаешь, что нам лучше расстаться? – Его голос звучит ровно, без намека на тревогу. Руки небрежно держат руль, в плечах не заметно напряжение. Зато я натянута как струна.

– Я не знаю, что нам делать. Может, стоит подождать до тех пор, пока Себастиан не придет в себя?

– У него поврежден мозг. Поэтому он так ведет себя. На днях я прочитал об этом. Оказывается, это даже нормально, что люди с черепно-мозговыми травмами вдруг ни с того ни с сего становятся злобными подонками. Он может никогда не прийти в себя. И что тогда?

Я не отвечаю ему, потому что, как уже сказала ранее, не знаю, что нам делать. А если и знаю, то не хочу озвучивать.

Глава 31

Истон

– Поверить не могу, что директор вот так просто отпустил нас, – говорит Харт, когда я паркую маленькую машинку Эллы у края тротуара.

– Директор Берингер – тряпка. Папа откупался от него миллион раз. Последний был, когда Элла протащила Джордан Каррингтон по всей школе. Джордан заслужила. Она со своими друзьями подстригла одну девочку, раздела догола и прикрепила на скотч к главному корпусу.

Хартли в шоке.

– Что?

– Раньше «Астор-Парк» был похож на сумасшедший дом.

– Был?

– Конечно. Сейчас на фасаде школы флаги, а не люди. Уже прогресс. Погоди, я помогу тебе. – Я выпрыгиваю из машины и обхожу спереди. Кайл в буквально смысле выбил из нее весь дух, потому что она даже не может вылезти самостоятельно.

– Детка, давай я помогу.

Она откидывается на спинку сиденья и раздосадованно вздыхает.

– Я все равно пойду сегодня в парк.

– Посмотрим, – уклончиво отвечаю я.

У моей девочки почти нет сил. Если она куда-то и пойдет, то не дальше ванной. Однако я не вижу смысла спорить об этом посреди улицы.

Я поднимаю ее на руки – она легкая как перышко. По-моему, ей следует лучше питаться.

– Захвати еду? – Я киваю в сторону бумажного пакета с супом и сыром гриль, купленными по дороге.

Харт тянется за пакетом, морщась от боли.

– Я сама могу идти, – слабым голосом утверждает она.

– Мы уже спорили об этом в школе. – Я прижимаю ее крепче и поднимаюсь по ступенькам. Но мне все-таки приходится поставить ее, чтобы открыть дверь. Харт без конца повторяет, что с ней все в порядке, но все же держится за мою талию, чтобы не упасть. Я делаю вид, что не замечаю.

Открыв дверь, я снова беру ее на руки, заносу в квартиру и подхожу к

дивану, но прежде чем посадить ее, интересуюсь:

– Хочешь в туалет?

– Пусть лучше Фелисити приклеит меня к стене «Астор-Парка», чем ты понесешь меня в туалет, – объявляет Харт, и ее суровый взгляд подсказывает мне, что она не шутит.

– Ладно. – Оставив ее на диване, я иду за ужином. – Надо было собрать кофейный столик. – Я показываю на плоские коробки.

– Мне и на полу хорошо. – Хартли соскальзывает вниз.

Я внимательно смотрю на нее, но она не морщится, не стонет и не вздыхает. Аппетит у нее тоже хороший. Она уминает весь сыр, практически залпом выпивает суп, потом прислоняется спиной к дивану и попивает диетическую колу вприкуску с крекерами, оставшимися от супа.

Есть некое удовольствие в том, чтобы кормить того, кто тебе небезразличен. Мне нравится наблюдать, как она с удовольствием ест. Я по очереди задерживаю взгляд на ее изящной переносице, прямых бровях, круглых полных щеках. Никогда не было такого, чтобы мне нравились девушки определенного типа. Богатые и жеманные; дерзкие и сексуальные, полненькие и веселые – если они хотели заняться сексом, я исполнял их желание.

Но теперь стоит мне закрыть глаза и представить свою идеальную девушку, передо мной встает лицо Харт. Может, для кого-то она простовата, но это неважно, потому что для меня она само совершенство.

– У меня что-то на лице? – касаясь щеки, спрашивает Хартли.

– Нет. Мне просто нравится смотреть на тебя.

Она смущенно втягивает голову в плечи.

– Перестань.

– Нет.

– Серьезно, я стесняюсь.

– Да брось. Ты красивая. – Я вытягиваюсь на локтях и пью колу.

– Ты добавил водку в свою банку? – с подозрением спрашивает она. – Потому что говоришь, как пьяный.

Я встряхиваю банку. Удивительно, но в последнее время у меня не возникало желания выпить. Слишком много всего происходило.

– Нет, но даже если бы и так, пьяные всегда говорят правду.

Хартли мило морщит носик.

– Это такая поговорка?

– Теперь да. Приказ Истона Ройала.

Хартли бросает мне в голову подушку. Я отмахиваюсь от нее и бросаюсь на Харт. Она кричит и пытается сбежать, но я очень быстрый.

Поймав ее, я утыкаюсь лицом ей в шею, вдыхая сладкий аромат. Она теплая, мягкая и *та самая*.

Зачем мне алкоголь? У меня теперь есть лучший в мире наркотик. Я крепко целую ее в губы. От этого у меня кружится голова. Харт легонько обнимает меня за плечи, как будто не уверена в том, что может коснуться меня. А в это время аркан, который она, сама того не зная, накинула на мое сердце, затягивается еще туже.

Черт, я люблю эту девушку. И поэтому отстраняюсь: ей нужен покой, а не мои домогательства. Я веду пальцем линию по ее лбу и спускаюсь вниз по щеке.

– Надо собрать кровать, – охрипшим голосом говорю я.

Хартли кивает, моргая, как соенок. Я заставляю себя подняться и подхожу к матрасу и каркасу кровати, которые оставил, потому что у меня не было нужных инструментов. Но мне по-прежнему нужен шуруповерт, которого не оказалось в маленьком розовом наборе. Я отставляю каркас в сторону и опускаю матрас на пол.

– Ты раньше когда-нибудь заправлял кровать? – свернувшись калачиком на боку, спрашивает Хартли.

Я не смотрю в ее сторону, потому что искушение наброситься на Харт слишком велико. Поэтому роюсь в пакетах в поисках набора постельного белья, который выбрал с помощью продавца-консультанта.

– Нет, но вряд ли это очень сложно.

Спустя пять минут я уже весь в поту, без рубашки, а чертова простыня так и остается незаправленной. Но по крайней мере, я хотя бы больше не думаю о сексе.

– Как это вообще работает? – с раздражением спрашиваю я, поднимая вверх огромный кусок ткани, который оказался простыней на резинке, как меня уведомила Харт в промежутках между приступами смеха.

– Я разрываюсь между желанием помочь тебе и желанием продолжать наслаждаться шоу, – подначивает она, но встает и забирает у меня простыню.

Я наблюдаю, как она наклоняется, и ее округлая попка действует на меня, как красная тряпка на быка. Я разворачиваюсь. Раньше, если мне хотелось ощутить вкус к жизни, я дрался, так что знаю, каково это, когда тебя бьют под дых и как потом еще несколько часов – а то и дней! – болят ребра. Сейчас же я чувствую себя живым благодаря Хартли. В прошлом я был идиотом.

– Я закончила, – объявляет она. – Можешь поворачиваться.

Хартли лежит на кровати, вытянув руки в стороны.

– Это большая кровать, – говорит она, глядя на меня из-под опущенных ресниц.

У меня закипает кровь. Сложно не броситься к ней, особенно когда она смотрит на меня так, будто хочет впиться зубами в мою грудь.

– Мне нравится, когда много места.

Не без труда, но мне удастся взять себя в руки. Напомнив себе про ее побои, я укрываю ее одеялом. Форменная юбка задирается, и от вида обнаженного бедра меня бросает в жар. Опускаясь на матрас, я закусываю щеку, надеясь, что боль поможет отвлечься от мыслей о сексе.

– Сегодня ты остаешься дома, – шепчу я, притянув ее к себе.

– Увидим.

Сомневаюсь, что мне удастся выиграть эту битву, поэтому обнимаю ее еще крепче, потом ласково провожу по бокам и переплетаю ее ноги со своими. Она прижимает ступни в носках к моим голеним и кладет голову на мое плечо. Я глажу ее по спине до тех пор, пока дыхание Хартли не становится ровным, а тело не расслабляется.

В штанах тесно, я уже не чувствую руки, которая лежит под ней, мне нестерпимо жарко, но я не сдвинулся с места ни за какие деньги, самолеты и выпивку в мире.

* * *

В девять часов приезжает Элла на моем пикапе, в котором мы без труда поместимся вдвоем. Ее «ауди» рассчитана на двух человек, так что придется оставить ее на обочине. Мысленно напоминаю себе дать Хосе сотню, чтобы он присмотрел за кабриолетом, если вдруг какие-нибудь отморозки попытаются что-то с ним сделать.

– Кто-то в плохом настроении, – замечает Элла, когда я впускаю ее в квартиру.

– Нет. Просто я... – Не знаю, как это описать. С тех пор, как увидел, что Кайл бьет Харт, я испытываю необъяснимое беспокойство. И как бы ни было здорово обниматься с ней, даже это не уняло тревогу. Мне хочется отменить наши планы, но вероятно, это наша лучшая и единственная возможность подловить отца Хартли и спасти дело против Стива.

Я не могу подвести их. Особенно Харт. Прошлым вечером она открылась и доверилась мне. Целиком и полностью. А значит, теперь на мне лежит огромная ответственность. Стремление защитить Хартли любой ценой и раньше было сильным, но сейчас это превращается в навязчивую

идею.

– Я переживаю, – наконец отвечаю я.

– Мы просто сделаем несколько фотографий.

– Верно. – Но ее слова не успокаивают меня.

И вот Хартли стоит в дверях, нервно перебирая пальцами, а Элла, одетая с ног до головы во все черное (даже ее золотистые волосы спрятаны под черной шапочкой), медленно осматривает наше жилище. Харт уже мысленно приготовилась к колким замечаниям по поводу размера и состояния квартиры, матраса, стоящего на полу, и разобранной кровати.

Она волнуется, потому что не хочет, чтобы Элла плохо отзывалась о нашем жилище. Точно! Она же не в курсе Эллиного прошлого.

– Здесь круто, – говорит Элла и садится на диван. – Но почему ты живешь здесь, а не со своими родителями?

– Они выставили меня, – натянуто отвечает Харт.

– Ничего себе! – присвистывает Элла. – Не знала, что родители могут так поступать. Это из-за того, что ты встречаешься с Истоном? Он, конечно, отвратительный и все такое, но я думала, он нравится родителям.

– Большое спасибо, сестричка. – Я отвечаю ей легкий подзатыльник и направляюсь к холодильнику, благодарный за попытки поднять настроение Хартли. Я достаю две банки с газировкой, открываю одну для Харт, вторую для Эллы.

Хартли так и стоит в дверях с большими от удивления глазами.

– Она не знает твою историю, – объясняю я Элле. – Харт была слишком увлечена своим прошлым, чтобы копаться в твоём.

Элла делает глоток газировки и только потом отвечает:

– Это даже здорово. Можно я сохраню это при себе?

Я выразительно смотрю на нее.

Она вздыхает.

– Ладно. Я приехала сюда год назад. Боже, Ист, неужели прошел всего год?

– Да, Элла, длинный и мучительный, – поддразниваю ее я.

В ответ она показывает мне средний палец.

– Год назад Каллум нашел меня в одном стрип-клубе и привез сюда. Сначала они меня ненавидели. – Элла показывает на меня. – Были такими злыми! Однажды даже высадили меня из машины посреди ночи, и мне пришлось идти домой пешком.

– Мы ехали за тобой! – рычу я, в то время как Харт переводит свой ошарашенный взгляд на меня.

– Вы бросили ее, вынудив идти домой пешком? В темноте?

Я откашливаюсь.

– Мы просто сделали вид, что бросили ее, на самом деле мы все это время не спускали с нее глаз.

– Истон Ройал, поверить не могу, что ты мог так поступить!

– Это была идея моего брата! – защищаюсь я.

– Ты должен был остановить его, – парирует Харт, мило рассердившись. По крайней мере, она больше не прячется в углу.

– Ты права.

Я беру ее за руку и притягиваю к себе. Она садится на краешек моего колена, как будто боится, что соприкосновение с моей промежностью сродни порно-шоу.

– Хорошо, что Элла всех нас простила и теперь играет с Ридом в «спрячь салями».

Харт усмехается.

– Правда?

Элла шлепает меня по руке – сильно.

– Я простила тебе все твои прошлые грехи, но не те, что ты совершаешь сейчас. – Она поворачивается к Хартли. – Это правда. Нам с Ридом многое пришлось пережить, но сейчас мы вместе. Проблема в том, что мой биологический отец то и дело продолжает выскакивать, как черт из табакерки или какой-нибудь злодей в фильме ужасов, которого вроде как убили, а он жив и здоров. И дело даже не в том, что он пытался убить меня, а в том, что он повесил убийство на Рида, а сейчас старается улизнуть. Это опасный мужчина. Нельзя допустить, чтобы он ушел от наказания. – Элла с вызовом смотрит на Харт, готовая привести еще аргументы, если та откажется.

– Согласна с тобой, – отвечает Хартли. Уголки ее губ чуть заметно приподнимаются. – А я-то считала, что это у меня отец монстр.

Элла облегченно выдыхает.

– Ну что, когда выдвигаемся?

Я вытаскиваю лист бумаги и протягиваю его Хартли.

– Только после того, как Харт сделает это.

Она спрыгивает с меня.

– Что это?

– Да, что это? – Элла подходит ближе, чтобы взглянуть на список упражнений.

– Это тест на определение уровня физической подготовки. Пойдешь только после того, как выполнишь все элементы. – Мы с Харт целый час ссорились по поводу того, пойдет она сегодня с нами или нет.

– Ты издеваешься, честное слово! – восклицает она.

Я скрещиваю руки на груди.

– Ничего подобного. Если хочешь ползать по лесу и шпионить за своим отцом, то сначала выполни этот тест.

– Я же сказала тебе, что у меня больше ничего не болит!

– А я сказал, что не верю.

Мы сверлим друг друга глазами.

– Десять прыжков из упора лежа? – вырвав у Хартли лист, спрашивает Элла. – И как это может ей сегодня пригодиться?

– Вдруг ей придется подпрыгнуть и бежать? Или перелезть через забор? Или перепрыгивать через бревно? Все эти упражнения симулируют маневры отступления и движения под прикрытием.

– Я поеду, даже если вы не возьмете меня! Даже если свяжете и запихнете в шкаф, оглянуться не успеете, как я уже буду лежать вместе с вами на еловых иголках.

Я поднимаю руки вверх. Знал ведь, что проиграю этот спор, но попробовать стоило. Я подхожу к входной двери, возле которой Элла оставила сумку. Как меня угораздило влюбиться в девушку, еще более упрямую, чем моя названная сестричка? Взяв из сумки кое-какие вещи, я бросаю их Хартли.

– Элла захватила это для тебя. Переодевайся, и поедem оценим обстановку.

Она убегает в ванную.

– Еще чуть-чуть, и ты своим взглядом прожжешь дыру в двери.

– Ты не видела, как ее бьют в живот. – Эта картинка надолго засядет в моей памяти.

– Мы, женщины, сильнее, чем кажется. – Элла напрягает несуществующие мышцы на руках.

Я не хочу начинать новый спор, поэтому решаю оставить свое ворчание при себе. Харт выходит из ванной и натягивает на голову шапочку.

Заметив беспокойство в моем взгляде, она подходит ко мне и похлопывает меня по плечу, как пятилетнего мальчика, который потерял свою игрушку в ливневом стоке.

– Со мной все будет хорошо, – уверяет меня Харт.

Мои глаза опускаются на ее запястье.

– Не лезь на рожон. Мы едем туда только для того, чтобы сделать фотографии и добавить их к аудиозаписи и сообщению, которые у тебя уже есть. Все, больше ничего.

Она салютует мне.

– Тебя это тоже касается, – говорю я Элле, которая подскакивает к Харт.

– Да, капитан!

– Обязательно устраивать клоунаду? – Я вздыхаю. Не надо было их знакомить. – Пойдемте, Пустячок Один и Пустячок Два.

– Тогда ты у нас Кот в шляпе? – усмехается Харт.

В ответ я шлепаю ее по заднице, когда она проходит мимо. Им с Эллой это кажется жутко смешным, они придумывают все более дурацкие шутки и цитируют строчки из книги доктора Сьюза, которые Хартли почему-то помнит.

Но по мере приближения к месту смех смолкает, и наконец в салоне повисает тишина. Бросив взгляд в их сторону, я замечаю, что они сидят, держась за руки. Нет, я не жалею, что познакомил их. Наоборот, было бы здорово, если бы они узнали друг друга раньше. У них много общего, и после сегодняшнего вечера, думаю, им как никогда понадобится поддержка друг друга.

– Готовы, Пустячки?

Харт нервно кивает, а Элла сжимает челюсти. Как бы мне хотелось, чтобы потом они смогли забыть все, что здесь сегодня произойдет. Неважно, как закончится этот вечер, – девчонки в любом случае пострадают от действий своих отцов, и это жестоко.

– Я проеду чуть дальше по дороге. Вы не против чуть-чуть прогуляться?

– Нет, – отвечает Элла и выпрыгивает из пикапа в ту же секунду, как он останавливается. Харт не отстает.

Я забираю камеру из бардачка.

На улице Элла прыгает с одной ноги на другую.

– Пойдемте, – шипит она и жестом показывает нам поторопиться.

Я едва успеваю закрыть дверцу, как она уже несется по дороге. Мы с Хартли бросаемся вслед за ней.

– Давайте сюда. – Элла показывает на низкий деревянный забор, окружающий вход в парк, который находится примерно через квартал от нас.

Меня охватывает тревога за Хартли, но она даже глазом не моргнув перелезает через забор. Я расслабляюсь. Может быть, она все-таки говорила мне правду.

Мы пробираемся по лесу, стараясь не наступать на ветки, которые тут же выдадут наше присутствие. К счастью, у нас под ногами лишь трава и

сорняки. Здесь темно, к тому же купол из крон деревьев закрывает половинку луны. На парковке горит несколько ламп, подсвечивая заасфальтированный участок, на котором нет ни одной машины.

Мы их упустили? Или пришли не в то время?

– Харт... – начинаю я.

Она яростно машет на меня рукой.

– Ш-ш-ш! Пригнись! Кто-то едет!

На въезде в парк показываются фары. Мы с Эллой падаем на землю. Надеюсь, темная одежда поможет нам остаться незамеченными. Подъезжает знакомая серебристая машина. Отличный выбор для тайной встречи. Электромобили практически бесшумные. Если бы не свет фар, мы бы и не увидели его. Стив ставит свою «теслу» в дальнем углу парковки, у последнего фонарного столба.

– Нам нужно подобраться поближе, – шепчу я.

Девчонки согласно кивают. Мы поднимаемся и пробираемся через заросли деревьев к концу парковки, вовремя успевая снова опуститься на колени, потому что едет вторая машина.

– Это мой отец, – говорит Харт.

– А где Каллум? Или кто-то из его парней? – шипит Элла.

– Понятия не имею. – Я оглядываюсь по сторонам. – Может, там?

Я показываю на другую сторону парковки, где почти в полной темноте стоят торговый киоск и туалет. Даже если там кто-то есть, мне не видно. Я поворачиваюсь к подъехавшим машинам.

Из машин выходят мужчины и останавливаются в шести метрах друг от друга. Напоминает какой-то дешевый вестерн. Может, они решили стреляться? Это решило бы кучу проблем.

Я мысленно отвечаю себе подзатыльник. Девочкам лучше не видеть, как погибают их отцы. *Включи мозги, Ист!*

– Нам нужно подобраться поближе, – тихо говорит Харт.

Она начинает двигаться, но я тяну ее назад.

– Нельзя! Они могут увидеть тебя!

– Я хочу послушать, о чем они говорят.

– Тише. Что-то происходит. Ист, бери камеру.

Я достаю ее и навожу на мужчин. Жаль, у нее нет микрофона. К тому же мне почти ничего не видно через размытый зеленый слой объектива для ночной съемки. Я все больше начинаю сомневаться, что аудиозапись и сообщение смогут нам как-то помочь, даже вкуче с фотографиями. Очевидно, что отец Харт уже много лет зарабатывает на своих «услугах». Мы знаем лишь о трех взятках, но их может быть больше. Даже если мы

соберем доказательства, где гарантии, что он не останется на свободе? Где гарантии, что улики в нужный момент не «потеряются»?

Я перевожу камеру на Стива, который подходит к багажнику «теслы» и поднимает крышку. Рядом с ним появляется отец Харт. Они оба наклоняются.

– Ты снимаешь? – Элла тянет меня за рукав.

– Да.

Я ползу вперед на локтях, чтобы сделать снимок получше. Делаю несколько фотографий, где они заглядывают в багажник. Но это дерьмовое доказательство. Что необычного в снимках людей, которые смотрят в машину? Нам нужно что-то посерьезнее. Типа фотографии, где они будут вместе с сумкой. Я придвигаюсь еще ближе.

– Золотые слитки?! – почти кричит отец Харт, и его громкий голос доносится до нас. – Я не смогу обменять их. Я же сказал тебе, мне нужны только наличные!

– Мои счета заморожены, пока идет расследование, – отвечает Стив и показывает на золото с таким видом, как будто все нормальные люди хранят слитки в багажнике «теслы».

Мистер Райт, выругавшись, собирается уходить. Я задерживаю дыхание. Неужели сделка не состоится? Неужели отец Харт настолько глуп? Он ведь может взять эти слитки и легко обменять их через брокера на наличные, раз уж ему так приспичило. Тревожное ощущение, что что-то вот-вот произойдет, возвращается с новой силой.

– У меня есть наличные, – объявляет третий мужчина.

Все замирают в изумлении.

Стив засовывает руку в карман. Мистер Райт удивленно пятится назад. За моей спиной раздаются два потрясенных вздоха. Я слишком поражен увиденным, чтобы пошевелиться или издать какой-то звук.

– Какого черты ты тут делаешь? – спрашивает Стив.

Мой отец делает шаг вперед и вытягивает руки, держа в каждой по черной сумке.

– Я предлагаю тебе сделку, Стив. Ты не хочешь в тюрьму, но если останешься на свободе, Элла больше не будет знать покоя. Я не могу этого допустить. – Повисает пауза. – Я многим тебе обязан. Ты мой лучший друг, но дети для меня важнее.

Каллум ставит одну из сумок на землю, потом пересекает стоянку и там оставляет вторую. Затем, повысив голос, чтобы все его слышали, продолжает:

– В той сумке новые документы и наличные, которых хватит, чтобы ты

устроился с комфортом. Я буду раз в месяц переводить тебе деньги, так что ты сможешь жить, как пожелаешь, но главное, держись подальше от Эллы. Все, что я хочу взамен, это записи всех ваших разговоров с Райтом, которые, я знаю, у тебя есть.

Отец Харт злобно рычит. Но никто не обращает на него внимания.

Каллум показывает себе под ноги.

– В этой сумке только наличные. Это для вас, Райт. Аванс к тем пяти миллионам, которые вы получите, если Стив О’Халлоран будет признан виновным.

Во время представления, которое устроил мой отец, девчонки тоже подползли ближе и теперь лежат рядом со мной у самого края леса.

– Какого черта он делает? – шипит Элла.

Папа стравливает этих двух мужчин, но не понятно, для чего. Я хочу, чтобы они оба страдали. Где *такой* вариант? Почему нет третьей сумки?

Время замедляется. Двое подонков обдумывают свои перспективы. Я считаю свой пульс, пока тикают секунды. Элла лежит не шелохнувшись. Мне кажется, она даже не дышит. Харт держится за мое плечо. Это и правда все больше напоминает дешевый вестерн. Я еле сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. Это какое-то безумие, дешевый фарс. Я даже жду, что на заднем плане вот-вот заиграет банджо.

Мистер Райт откашливается.

– Я возьму деньги.

– Черта с два ты их возьмешь! – Стив еще глубже засовывает руку в карман и вытаскивает пистолет.

Кто-то из девчонок ахает. Я прижимаю их головы к земле, но уже слишком поздно. Трое мужчин поворачиваются в нашу сторону.

– Черт побери, Каллум! Что ты наделал? – рычит Стив. Он поднимает оружие, и я выскакиваю из своего укрытия.

Пробирающий до костей страх гонит меня вперед. Стив забрал мою маму, но моего отца он не получит!

Глава 32

Хартли

Я слышу лишь эхо выстрела, раскатившееся по парку. Не вижу, как падает мой папа, потому что не отрываясь смотрю на Истона, несущегося к своему отцу. Я не понимаю, что прозвучавший изумленный вскрик принадлежит папе, а не Исту, Каллуму или Элле, чье пронзительное «Мистер Райт!» вырывает меня из моего транса.

– Папа... – Я спотыкаясь бегу к нему.

Он неподвижно лежит на земле, зажав в руке сумку с деньгами.

– Папа.

Я падаю на колени рядом с его телом и выдыхаю с облегчением. Он еще дышит: грудь поднимается и опускается. Но по выражению лица нетрудно понять, что ему очень больно, и я вижу кровь вокруг рта. Я не хотела этого. Даже представить себе не могла, что все так обернется. Мне нужны были лишь доказательства. Думала, что все закончится газетными статьями, судебными процессами и публичной оглаской. Но никак не подозревала, что нам придется столкнуться с оружием, насилием и кровью. Я натягиваю рукав, чтобы вытереть кровь.

– Все будет хорошо, – шепчу я, роюсь в кармане его пальто в поисках телефона. Кровь выливается из него с каждым мучительным вздохом прямо на мои пальцы. – Я вызову «скорую». Они спасут тебя.

Его рука с удивительной силой обхватывает мое запястье, впиваясь ногтями в шрам.

– Это из-за тебя меня убили, – словно выплевывает он.

У меня сердце ёкает.

– Ты не можешь так думать. – Я освобождаюсь из его хватки и прижимаю руку к ране.

Папа стонет от боли.

– Если бы ты держала рот на замке... меня бы здесь не было. Надо было сломать... не только твое запястье... Надо было посильнее толкнуть тебя там, в больнице.

– Толкнуть меня? – Он говорит про ту ночь, когда я упала и ударилась головой? Меня вдруг начинает тошнить.

Его хриплый смех обрывается кашлем.

– Ты споткнулась... не без моей помощи.

Слезы жгут глаза. О боже! Я потеряла память из-за своего отца? Он сделал это со мной?

– Я никогда не хотел детей... Ни одну из вас... ни одну... – с трудом дыша, повторяет папа. – Какая же ноша, все вы трое! Никчемные транжиры.

Он, не переставая стонать от боли, перекачивается на живот, ползет к сумке и прижимает ее к себе.

– Не двигайся, – приказываю я, придя в себя, и карабкаюсь вслед за ним. Отец слишком слаб, чтобы оттолкнуть меня.

Я переворачиваю его обратно на спину и кричу:

– Помогите! Мой папа ранен. Помогите!

– Не... нужно... помощи. – Отец пытается убрать мою руку со своей груди, на которой из крошечного отверстия, словно маленький фонтан, сочится кровь. – Оставь меня умирать... бесполезное... дитя.

– Отойди, Харт, – сильные руки берут меня за плечи. – Папа вызвал скорую. Они должны вот-вот приехать.

– Он ранен, Истон! Мой папа ранен! – Но ему уже не больно. Его глаза смотрят в небо, грудь больше не двигается.

Истон прижимает меня лицом к своему плечу, чтобы я больше не видела своего мертвого отца.

– Знаю. Мне очень жаль.

Я держусь за Иста, вспоминая папины ужасные признания. Как бы мне хотелось потерять память сегодня! Ребенок не должен слышать, как родитель желает ему смерти, как признается, что если бы мог повернуть время вспять, то причинил бы ему еще большую боль. По моим щекам струятся горячие слезы. Он получил, что хотел. Его слова, его признания, его отречение разрывают меня на части.

– Все будет хорошо, – шепчет Истон.

Но холодный лязг патрона говорит об обратном.

– Истон, мой мальчик, подойди сюда, к своей семье.

Мы оборачиваемся и видим, что черное дуло пистолета Стива направлено на нас.

– Что ты делаешь? – рычит Истон, сразу же загоротив меня собой.

– Мы сейчас решим все сами, между собой. Ты, я, твой отец, Элла. Я бы никогда не обидел тебя, Элла. Ты же знаешь это, правда? Ты моя дочь. Мне просто нужно было припугнуть Дину, а ты оказалась не в том месте не в то время.

– Твой пистолет был направлен на меня, точно так же, как сейчас на

Истона! – восклицает Элла.

– Нет. Он направлен на мисс Райт. Я бы никогда не причинил боль ни Истону, ни тебе. Каллум знает об этом, правда, мой друг?

– Стив! – кричит Каллум. – Остановись.

Стив отвечает что-то тихо и неразборчиво. А может, я не могу вообще ничего расслышать, потому что объята паническим страхом.

– Чтобы добраться до нее, тебе придется сначала пристрелить меня, – встав в полный рост, Истон разводит руки в стороны.

– Нет, хватит! – огрызаюсь я. Хватит с меня крови и безрассудной храбрости. Я уже выплакала все свои слезы и больше не вынесу ни секунды этой драмы. – Перестаньте! Мистер Ройал, остановите это, – умоляю я отца Иста.

Каллум переходит к действиям и бросается на Стива, которого по инерции заносит в сторону. Я никогда не узнаю, специально ли он нажал на курок или это просто была защитная реакция, но пуля вылетает.

– *Papa!* – кричит Ист.

– *Каллум!* – плачет Элла.

Я просто кричу от ужаса.

Потому что это не тело Каллума дергается, когда пуля попадает в цель. Не Каллум пятится назад с удивленным выражением лица. Не Каллум падает на землю, прижимая руку к боку.

Это не Каллум.

Это Истон.

Мы с Эллой бросаемся к нему, но Каллум первым подхватывает сына.

– Боже, что ты наделал? – кричит он Стиву.

Отец Эллы пытается сделать шаг вперед, но у него подгибаются колени.

– Нет! – судорожно вскрикивает он. – Нет!

– Звоните в скорую, – приказывает Каллум.

– Я уже вызвала для мистера Райта, – быстро говорит Элла.

– *Позвони им еще раз!* – орет Каллум.

Испугавшись, Элла не может даже пошевелиться. Я сжимаю кулаки и понимаю, что держу папин телефон. Набирая номер экстренной службы, я не отрываю глаз от Стива. В его руке по-прежнему зажат пистолет.

– Что у вас случилось?

– Огнестрельное ранение в живот, – быстро говорю я, – парк Винвуд.

– Мэм, машина уже выехала по этому адресу.

– «Скорая» уже едет, – говорю я, бросая телефон на землю. Я хочу подойти к Исту, но боюсь Стива. Он похож на загнанного зверя и

подстрелил уже двоих. Мне кажется, он на этом не остановится.

– Проклятье, Стив! За что? – В глазах Каллума стоят слезы. Его пальцы покрыты такими же бурыми пятнами, как и мои. – Я привез тебе эту сумку. Ты мог бы взять ее и уйти.

– Я бы сел в тюрьму! Мне нельзя в тюрьму! – Его голос дрожит, глаза светятся лихорадочным блеском. – Я просто хотел избавиться от Райтов. Мы с тобой смогли бы все решить. Я не хотел, чтобы так получилось. Ты должен поверить мне! Я бы никогда не причинил боль Истону. Он мой сын.

Если бы у меня еще остались силы, я бы ахнула.

– Нет, – громко и решительно произносит Каллум. – Истон мой сын во всех отношениях. Он всегда был моим сыном.

– Но он не твой, – настаивает Стив. – Долгое время наш с Марией роман то разгорался, то потухал. Она была одинока, и я утешал ее.

– Ты принимаешь меня за дурака? Я всегда это знал. Конечно, я, мать твою, знал! – Каллум качает головой. – Истон – твоя копия. Не внешне, но во всем остальном.

– Он не твой сын! – восклицает Элла. Она пронзительно смотрит на Каллума. – Истон абсолютно не похож на этого... этого... монстра!

Голос Каллума смягчается.

– Ты права, милая. Ист совсем не такой. У моего мальчика есть сердце. Он заботится о других. – Его взгляд на короткое мгновение задерживается на мне, а потом он разворачивается к Стиву. – Но все эти дурные привычки, опрометчивость, легкомыслие, которые он не всегда может контролировать. Перемены настроения. Это все ты, Стив.

Ничего не отрицая, мужчина кивает.

– Поэтому я никогда не спрашивал Марию, – говорит Каллум. – Я любил Истона, как собственного, потому что *он и есть мой, мой сын*. Мне плевать, что у вас с ним одна ДНК. Он мой, и ты не заберешь его у меня!

Вдалеке раздается гул сирен, потом все громче и громче. Я с облегчением поднимаю глаза на дорогу.

– Едут, – тихо говорю я.

Стив поднимает голову. Он понимает, что стены сужаются.

Смогу ли я броситься на него и выбить пистолет из рук? Мне нужно что-то сделать. Я не собираюсь терять еще одного дорогого мне человека без боя! Поднявшись на цыпочки, я готовлюсь.

– Используй меня, Стив, – умоляет Каллум. – Возьми деньги, возьми меня в заложники. Мы уберемся отсюда. Только оставь моих детей в покое!

– Как до этого дошло, Каллум? Как наши идеальные жизни скатились к этому ветхому парку и сумке, полной денег? Мы должны были быть

королями. Мы Ройалы. – Стив мерзко смеется. – Нет. Ты Ройал. Я же просто приживала. Дерьмовый друг. И еще более дерьмовый отец. Я спал с женой лучшего друга, позволил ему растить собственного ребенка. Оставил другого. Но я убил, чтобы защитить тебя. Убил ту женщину ради тебя.

– Я знаю, – отвечает Каллум и судорожно вздыхает. – Я знаю, что ты не хотел ничего дурного. Поэтому я прошу тебя уйти, чтобы не натворить еще больше глупостей.

Стив качает головой.

– Я и дня не протяну в тюрьме. Закрой ему глаза, Каллум. Я люблю тебя. Правда.

Он поднимает пистолет к виску и, прежде чем я успеваю подбежать к нему, нажимает на курок.

Элла кричит.

Каллум плачет.

Я падаю на асфальт рядом с Истоном.

– Мы справимся с этим, – шепчу я ему. – Обещаю тебе. Обещаю.

Я повторяю это, даже когда его привязывают к каталке, грузят в скорую и увозят. Я повторяю это Элле, которая так крепко сжимает мою руку, что у меня немеют пальцы. Я говорю это всю дорогу до больницы, а потом в течение долгого ожидания, пока Истону делают операцию, и до тех пор, пока он, наконец, не приходит в себя и не улыбается мне своей убийственно красивой улыбкой.

– Мы справимся с этим, – говорит Ист, беря меня за руку. – Обещаю тебе.

Глава 33

Хартли

– Такое ощущение, что я здесь живу, – сердито бурчит Истон.

Прошло всего три дня после операции, но можно подумать, будто четыре года – так много он жалуется. Я настолько привыкла к этому ворчанию, что даже не отрываю глаз от учебника.

– Тогда хорошо, что на здании красуется твоя фамилия.

Он смеется, а потом стонет.

– Перестань смешить меня! Мне больно.

Я притворно ахаю.

– Тебе больно, потому что у тебя недавно вырезали одну почку, кто бы мог подумать?

Ист вздыхает.

– Ты все еще злишься на меня?

– «Не лезь на рожон. Мы едем туда только для того, чтобы сделать фотографии», – низким голосом повторяю я его собственные слова.

– Согласен, я действовал немного безрассудно.

Я смотрю на него поверх учебника.

– Немного? Это то же самое, что сказать про вчерашний ливень «чуть-чуть покапало».

Что-то проворчав, Ист начинает биться головой о подушку.

– Теперь я понимаю, почему Себ так сильно хотел сбежать отсюда. По-моему, с каждой секундой, проведенной на этой кровати, мне становится только хуже. Разве я уже не должен вставать, ходить? Где физиотерапия и прочая фигня?

– Не знаю, доктор Ройал. Раз вы такой умный, может, сами скажете?

– Ты всегда такая язва или это простая новая форма пытки для меня?

– Новая форма пытки, – отвечаю я.

Истон стучит по кровати рядом с собой.

– Думаю, твои пытки будут куда эффективнее, если ты сядешь поближе.

Я откладываю в сторону учебник по математике.

– Ты уверен? – Я оглядываюсь на дверь.

В последний раз, когда медсестра застала меня лежащей с ним в

кровати, то чуть не вышвырнула вон. Спасло лишь величественное напоминание о том, что он *Истон Ройал*. У богатых свои привилегии.

Ист подвигается, освобождая мне место, и слегка морщится при этом.

– Я думаю, что в VIP-палатах можно было поставить кровати пошире.

Я залезаю на койку и подкладываю руку под голову.

– По-моему, они не предназначены для двоих.

– Знаешь, вот если бы кровати были больше и парень мог спать со своей девушкой, он бы поправлялся куда быстрее!

– Завтра перед школой брошу записку в ящик для жалоб и предложений.

Истон проводит пальцем по моему лбу.

– Буду тебе премного благодарен.

Мы лежим неподвижно. С тех пор как он пришел в себя после операции, мы проводим много времени, просто разглядывая друг друга, запоминая милые черты. Мы оба благодарны судьбе, что остались живы. Я останавливаю его руку, которой он поглаживает мой лоб, и подношу пальцы к губам. Потом беру и прижимаю к его груди, чувствуя ровное биение сердца.

Моя жизнь разделена пополам, но, как ни странно, граница проходит не там, где я потеряла память, а до стрельбы и после. До происшествия у меня не было ответов. Теперь же их слишком много, но от этого знания мне не стало легче. Перед походом в парк я всерьез думала расстаться с Истом, потому что его брат Себастиан был против того, чтобы мы встречались. После я решила, что только сам Господь Бог разведет нас с Истом. И даже тогда, наверное, я бы боролась и с раем, и с адом, только чтобы вернуться к нему.

Истон прижимается губами к моей руке.

– Прости за все.

«За все» – это за то, что его отец убил моего.

– И ты меня.

Когда мама пришла в больницу, то метала громы и молнии. Собиралась засудить Ройалов, отправить всех в тюрьму. И меня за компанию. Но я рассказала ей о имеющихся доказательствах, что папа брал взятки.

Рано или поздно, но его преступления получают огласку. Полиция нашла в кармане Стива флешку, где были вся информация о папиных темных делишках – не только со Стивом, но и со многими другими, в том числе и с миссис Роки. Стив записал все, чтобы подстраховаться на случай, если отец задумает обмануть его. Действительно, с волками жить – по-

волчьи выть.

– Как там «Астор-Парк»?

– Ты местный герой. Мне кажется, они даже собираются устроить праздник в твою честь. Элла всем рассказывает, как ты бросился под пулю, чтобы спасти меня, своего отца, ее и даже, наверное, весь Бэйвью! – Я треплю его по щеке, но потом серьезно добавляю: – Никто не знает о том, что сказал Стив в самом конце.

– Мне все равно, – отвечает Истон. – Я думаю, что когда находишься на пороге смерти, то сразу становится ясно, что важно, а что нет. Каллум растил меня с самого рождения. И ни разу не дал мне понять, что не он мой биологический отец. В таких делах кровь не всегда решает, верно? Стив постоянно думал только о себе. Гребаный трус даже убил себя, только чтобы не садиться в тюрьму. Вот ублюдок! – Он хрипло смеется, но не хочет признаваться, что ему больно. – А если серьезно, я знаю, кто моя семья. Гид, Рид, близнецы – мои братья. Элла – сестра. Каллум – отец. Мария – мать. А ты... Ты – мое сердце.

Я моргаю, чтобы не расплакаться. Хотя удивительно, откуда у меня еще берутся слезы, учитывая, сколько ведер я наплакала с тех пор, как очнулась в больнице, ничего не помня.

– Я встретила доктора Джоши в коридоре. Он спросил меня, что с моей памятью, и я ответила, что все хреново.

– И?

– И тогда он сказал, что, скорее всего, я никогда не восстановлю те воспоминания.

– Как ты это восприняла?

– На удивление, нормально. Может, конечно, во время учебы в колледже меня вдруг накроет прямо посреди столовой, но сейчас я спокойно к этому отношусь. Дилан в безопасности. Ты жив. Большого мне и не надо.

Мы долго сидим и просто улыбаемся друг другу, потому что совсем недавно могли навсегда лишиться даже таких маленьких радостей.

Стук в дверь заставляет меня вскочить с кровати, а Истона – нахмуриться.

– Кто там? – сердито спрашивает он.

– Я.

Я поднимаю глаза и вижу в дверях одного из близнецов.

– Себ, – осторожно приветствует его Истон.

– Я, пожалуй, пойду съем мороженого, – быстро говорю я. Ист не хочет ссориться со своим братом, но из-за меня вполне может. А этого я

хочу в последнюю очередь.

– Вообще-то, погоди. Я пришел поговорить с тобой, – говорит мне Себастиан.

– О чем? – Истон садится в кровати и сверлит взглядом брата.

– Я пришел извиниться. Какие-то проблемы с этим? – Себ с вызовом поднимает подбородок.

Я быстро подбегаю и приставляю к своему креслу еще одно.

– Прощу, проходи. – Я нервно смеюсь над собственным нахальством. – Глупость сказала. Как будто тебе нельзя заходить в палату собственного брата.

Я бросаюсь к шкафу и достаю оттуда контрабандно принесенные «Читос», кислые конфеты и кексы с арахисовым маслом, которыми подкармливаю Иста в промежутках между отвратительной больничной кормежкой.

– Хочешь чего-нибудь?

– Нет, – Себ качает головой. – Ты можешь просто... подойти сюда?

– Я люблю тебя, Себ, но то, что я лежу на больничной койке, еще не значит, что я не надеру тебе задницу из-за Харт.

– Истон! – испуганно восклицаю я. – Дай своему брату сказать.

– Да, козел, дай мне сказать, – Себ двигает кресло обратно и со вздохом опускается в него. – Сядь, – показывает он на второе кресло и добавляет: – Пожалуйста.

Я делаю, как он просит.

– Прости меня, – говорим мы одновременно.

Истон смеется и откидывается на подушки.

– Я хорошенько не веселился с тех пор, как Харт вылила газировку на Фелисити, а потом все мы наблюдали, как та скользила и покачивалась на каблуках в той красной луже.

– Заткнись! – огрызается Себ, а я в это же самое время восклицаю: – Истон!

Он жестом показывает нам, что застегивает рот на молнию.

– Прости меня, Себастиан. Прости за все, что тебе пришлось пережить. Если бы я могла, то изменила бы это.

Он медленно кивает и хмурится.

– Да, и ты меня прости, – Себ проводит рукой по губам. – Слушай, я не должен был говорить того, что сказал. Иногда у меня в голове появляется плотное облако, а давление все нарастает и нарастает. Я пытаюсь избавиться от него, но от этого становится только хуже. Я понимаю, что не должен произносить и половины того дерьма, которое говорю, но это

получается само собой. Я не могу это остановить, но никто – *никто* – этого не понимает.

Он смотрит на меня умоляющими, полными отчаяния глазами, и я так четко ощущаю нашу с ним связь, как будто оказалась у него в голове. Он поменялся, и это необратимо. Себ больше никогда не станет тем, кем был раньше. Он не сможет, и наверное, я единственная, кто по-настоящему понимает его. Голова – это очень хрупкая часть тела, но наши сердца еще более уязвимы.

Когда Себ говорил «никто», он имел в виду своего близнеца. Их разделили. Реакцией Сойера стало желание всегда быть рядом с братом, в то время как Себастиан пытается найти свое место в этом безумном мире.

Мне хочется обнять этого бедного потерянного мальчишку, но я знаю, что он возненавидит меня за это. Я могу лишь поддержать его, дать понять, что нет ничего неправильного в том, как он себя чувствует, и что, изменившись, он не стал хуже.

– Я знаю. Ты уже не тот Себастиан, которым был когда-то, и никогда им не станешь. И это нормально. Все будет хорошо.

Поджав губы, Себ коротко кивает один раз, потом второй. Потом трет лицо руками и поднимается.

– Хорошо поболтали, Райт. Еще увидимся.

Я поворачиваюсь к Истону, который в задумчивости кусает нижнюю губу.

– Он справится, – уверяю я своего парня. – Но мы должны позволить ему сделать это самому.

– Какой же он тупица! – с нежностью бормочет Ист, когда я залезаю к нему на кровать. – Нам плевать, что он стал мрачным засранцем. Мы просто счастливы, что он с нами.

– Он знает это. Ему просто тяжело примириться с тем, как он изменился. – Я придвигаюсь ближе к Истону, стараясь не задеть послеоперационный шрам.

Он кладет подбородок на мою макушку.

– Давай поговорим о тебе. Тебе сейчас тоже несладко, да? Твоя мама кричала на тебя по телефону.

– Значит, ты слышал?

– Трудно было не услышать.

Я вздыхаю и утыкаюсь носом ему в грудь, вдыхая теплый мужской запах.

– Ей страшно. Вся ее жизнь будет разрушена. Она мечтала вступить в загородный клуб и устраивать чаепития с первыми дамами Бэйвью. Теперь

же ей повезет, если ее не закидают камнями на автозаправке.

– Я бы предпочел, чтобы меня закидали камнями, чем усадили пить ослиную мочу с мамой Фелисити, – заявляет Истон.

– Любой здравомыслящий человек выбрал бы заправку, а не маму Фелисити. Тем более что на заправках продают хот-доги, – напоминаю я ему.

– Верно. Просто нектар богов. – Он усмехается и тут же стонет: – Блин, не смей меня!

Ист поднимает мой подбородок.

– Я буду заботиться о тебе. Мой папа тоже. Он не оставит тебя одну. Теперь ты Ройал.

И он запечатывает свою клятву поцелуем.

Быть Ройалом не значит носить одну с ними фамилию, или жить под их крышей, или носить значок академии «Астор-Парк» на одежде. Это означает, что есть группа людей, которые всегда рады мне, и парень, который любит меня. Если я с этим согласна, значит, я Ройал.

Стив О'Халлоран так этого и не понял. Не понял, что все эти годы оставался в сердце Каллума, который любил его и был готов простить и принять обратно, несмотря на все его грехи. Он продолжал искать наслаждения, но так и не находил – ни в деньгах, ни в машинах, ни в экстриме. Он спал с Марией Ройал не потому, что любил ее, а потому, что любил то, что было у Каллума. Семейю больших и сильных мальчишек, яростно преданных друг другу. Которые любят всем сердцем. Которые борются за все, что считают правильным, хорошим и стоящим в этом мире.

Я могла оплакивать свои потерянные воспоминания. Могла бы годами горевать о том, что мой отец никогда не любил меня, что мать больше всего волнуют деньги и что моим сестрам понадобится время, чтобы понять, что мы на одной стороне. Если бы я выбрала такой путь, то превратилась бы в Стива, или Фелисити, или Кайла, и ненависть заполнила бы все мое сердце, не оставив места для радости.

Но я выбираю Ройалов и хочу открыть свое сердце для всей той любви, которой хочет одарить меня Истон. Поэтому я обнимаю свое солнце и позволяю ему согреть меня изнутри.

Я Ройал, потому что меня любит Истон Ройал.

И в мире нет ничего более чистого и чудесного, чем эта любовь.

Глава 34

Хартли

- Они уже ждут тебя, Харт! – кричит Дилан с нижних ступенек.
- Уже иду! – кричу я в ответ.
- Я закончу тут, – говорит мне Истон. – Иди.

Мы уже почти собрали кровать, которую нам привезли сегодня утром. Теперь мы с Дилан живем с Ройалами, что кажется совершенно невероятным. Но нам все равно больше некуда идти, потому что мама и Паркер переехали в Вирджинию. Разразившийся скандал оказался слишком тяжелым для обеих. Стоит отдать маме должное, она старалась, как могла, но чем больше папиных дел оказывались сфабрикованными, чем больше снимали обвинительных приговоров, тем невыносимее это становилось для нее. Через год она собрала вещи и уехала. Вскоре за ней последовала и Паркер.

К счастью, Каллум предложил забрать нас с Дилан к себе. Как сказал Истон, мы были Ройалами – или, по крайней мере, так к нам относились Каллум и все остальные. Сначала нас разместили в главном доме, но мы с Дилан одиночки, и я думаю, Каллум понял, что нам будет удобнее на собственном пространстве. Так, он приказал очистить огромное помещение над отдельно стоящим гаражом, которое раньше использовалось как хранилище, а затем нанял подрядчика, чтобы превратить это место в квартиру.

Руководить этим проектом взялся Ист, во-первых, чтобы доказать, что он становится ответственным и взрослеет, а во-вторых, чтобы у нас было немного личного времени, потому что я отказывалась покидать квартиру и спать в его спальне, пока моя младшая сестра здесь.

Он взял в привычку ночевать на нашем диване. Признаюсь, что так я чувствую себя в безопасности. Мы оба решили, что возьмем год каникул перед поступлением в колледж. Я хочу провести время с Дилан, а Ист – в небе. Он сказал, что ему все равно, попадет ли он в колледж. Я дала ему учебник по приборостроению в надежде, что он передумает.

Еще у нас с Дилан теперь есть собственные ванные и спальни, а также милая кухня и небольшая обеденная зона. А позади нам пристроили небольшую веранду, и если прислониться к углу, то можно увидеть океан.

– Тебе тоже уже пора, ты же друг невесты, – напоминаю я ему.

– Это называется шафер, – настаивает Ист. – Сколько раз мне еще повторять – шафер!

– Как скажешь, друг невесты, – поддразниваю я его и убегая, пока он не успел придумать мне какое-нибудь наказание. Я сбегая по ступенькам, пересекаю выложенный булыжниками внутренний дворик и через боковой вход проскальзываю в особняк Ройалов.

Я выросла в большом доме, но дворец Ройалов – это что-то запредельное. Как и вообще вся их жизнь. Но несмотря на всю ее гламурность, все, кто хоть сколько-нибудь знают Ройалов, понимают, что за это богатство пришлось дорого заплатить.

Но сегодня мы не будем думать о прошлом. Сегодня торжественный день, день, который устремлен в будущее.

Я так и не вспомнила все до конца. В одном из отрезков моей жизни зияет огромная черная дыра. Но раз уже мне выпал шанс начать все заново, значит, правильно будет начать оттуда. Истон говорит, что я первая поцеловала его, когда мы катались на колесе обозрения, и, соблюдая традиции, первая поцеловала его снова. По-моему, он хочет сказать, что я осталась такой же, какой была год назад, и амнезия не изменила меня.

В прошлом я совершала ошибки. Мне ни за что не следовало оставлять Дилан, несмотря на то что я была четырнадцатилетним подростком, она – десятилетним ребенком и у нас почти не было вариантов. Сестра поклялась мне, что папа ни разу не ударил ее, но не отрицала, что он травмировал ее психологически. Он насмехался над ее болезнью и не воспринимал ее всерьез. Мама стеснялась ее. Все эти факторы только лишь усугубляли состояние сестры. Она не принимала лекарства, потому что хотела притворяться, будто они ей не нужны. И тогда нападки родителей воспринимались не так напряженно.

Теперь Дилан намного лучше. Братья Ройалы взяли ее под свое крыло и жутко ее балуют. Но Истон оказался лучше всех, потому что рассказал ей, что когда-то чувствовал то же самое. Он поддержал ее и помог смириться с фактом, что биполярность – всего лишь психологическое заболевание. Она обожает его. По-моему, если ей придется выбирать между ним и мной, сестра сбросит меня в океан.

Истон сражается со своими собственными демонами. Иногда, когда у него тяжелый день, я знаю, что он хочет выпить. Его руки дрожат. Глаза судорожно рыскают по комнате, и тогда ему приходится отвлекать себя: нарезать круги в бассейне, отправляться на пробежку по пляжу. А если Дилан нет рядом, я помогаю ему разряжаться другим способом.

Еще далеко до летней жары, но на улице тепло, а с океана дует чудесный послеполюденный бриз. Идеальный день для свадьбы.

Я прохожу мимо столовой на четырнадцать мест, потом по мраморному полу под хрустальной люстрой, которая так ярко блестит, что может посоперничать даже с солнцем. Длинная комната в передней части была переделана в салон красоты. Каллум нанял целую армию обслуживающего персонала: официантов, парикмахеров, визажистов, музыкантов. Такое ощущение, что к этому событию здесь готовится чуть ли не половина Бэйвью.

– О, ну наконец-то пришла! Я уже собиралась идти за тобой, – важничает Дилан.

Ее длинные, того же оттенка, что и мои, волосы тоненькими косичками уложены вокруг короны с цветочным узором, украшенной кристаллами и эмалью. На шее висит простое ожерелье с таким же орнаментом, как на короне.

Подозреваю, что эти украшения стоят больше, чем чья-то машина. Каллум Ройал так раскидывается деньгами, как будто их печатают прямо здесь, в подвале. И бессмысленно пытаться спорить с его великодушием. Истон говорит, что так его отец пытается загладить свою вину и, если у меня есть хотя бы капля сострадания, я должна принимать все эти подарки с улыбкой.

Это легче делать, когда он осыпает ими Дилан, потому что она заслуживает, чтобы весь мир был у ее ног.

– Ты выглядишь просто чудесно, – говорю я ей.

– Знаю. – Она кружится, и ее юбка взлетает. – Теперь твоя очередь.

Я отдаю себя в руки команде, которая оденет меня, надушит, уложит волосы, сделает макияж и наденет на ноги туфли с красной подошвой. Рядом со мной лучшая подруга Эллы, Вэл, окружена не меньшей заботой, в то время как Саванна, девушка Гидеона, играет с Дилан в карты.

В комнату просовывает голову организатор свадьбы.

– Если вы готовы, то можете занимать свои места.

Мы вчетвером выходим из дома на огромную лужайку, с которой открывается вид на бескрайний океан. Дилан и я садимся в первом ряду, предназначенном только для членов семьи. Сестра берет меня за руку. Наши пальцы почти одной длины. Я удивленно поднимаю глаза. Дилан взрослеет. Почему-то я не замечала этого раньше, когда она крутилась передо мной, как волчок.

Я тут же отвлекаюсь, когда из-за цветочной арки выходит Истон, а за ним – его старший брат. Я чуть не глотаю язык. Нужно законодательно

запретить Истону Ройалу носить смокинги. Интересно, сколько еще женщин в этих рядах беременеют от одного взгляда на этих двух братьев?

– Ты отвратительная, – шепчет мне Дилан.

Я вытираю пальцами уголки губ.

– Слюна не течет?

– Еще нет. – Сестра высокомерно фыркает. – Но я жду не дождусь, когда твои глаза выпадут тебе на колени. Соберись! Вы оба ведете себя неприлично.

Мы оба? Я поднимаю глаза. Истон смотрит на меня так, словно я его любимое блюдо, а он не ел недели две. Я заливаюсь румянцем.

Дилан пихает меня локтем в бок. Я пихаю ее в ответ.

– Нет, у меня совершенно отсутствует самоконтроль. – Я не могу даже контролировать улыбку, в которой расползаются губы. Но от дальнейших сантиментов Дилан спасает Бруно Марс и его *Marry You*.

Все гости поднимаются, чтобы посмотреть, как Элла Ройал медленно идет по проходу, похожая на ожившую принцессу из сказки, в белом платье с облегающим атласным лифом, крошечными рукавами и огромной пышной юбкой, которая, кажется, сделана из тысяч слоев тонкого шелка. Ее светлые волосы убраны в изысканный пучок. На голове – бриллиантовая диадема, и за ней тянется шлейф такой длины, что если его растянуть, он достигнет расположенного в нескольких ярдах дома.

Рид Ройал стоит напротив Истона в темном смокинге и белоснежной рубашке, но все обращают внимание лишь на неподдельную любовь, которой сияют его голубые глаза.

Мне нравится считать себя не слишком сентиментальной особой, но всю свадьбу я плачу. Возможно, это отголоски прошлогодней травмы, связанной со смертью отца, ранением Истона и его долгим и болезненным выздоровлением после пересадки почки.

А может быть, это от счастья, что я жива, что Дилан со мной, что Истон сегодня здоров, как никогда, что его сестра и брат женятся, хотя ни одному из них еще даже не исполнилось двадцати. Рид сделал Элле предложение на Рождество, и, к всеобщему удивлению, девушка согласилась, но с многочисленными оговорками: она поступит в колледж, потом найдет работу, они будут жить только на собственные средства. Рид принял все. Думаю, он бы не спорил, даже если бы она сказала, что на свадьбе в платье будет он.

Мне кажется, она была готова, потому что потеряла многих – мать, отца. В последнее время я постоянно липну к Дилан, к ее большому разочарованию.

Кстати, я не единственная, кто плачет. Дилан рыдает. Как Вэл и Саванна. Клянусь, я замечаю, что даже Гидеон вытирает глаза. Каллум не скрывает своих слез. И все эти заявления про водостойкую тушь – дерьмо собачье. Каждая присутствующая здесь женщина теперь похожа на проклятого енота.

После того как церемония заканчивается, к нам подлетает отряд людей, нанятых, чтобы следить за нашей красотой, что-то кому-то подправляет, и теперь мы, снова идеально красивые, можем фотографироваться и отжигать на вечеринке. Истон произносит смешной, но деликатный тост, рассказывающий о том, как Элла стала частью их семьи.

– Рид клялся и божился, что она ему не нравится, а потом каждую ночь сидел у нее под дверями и ждал, когда она вернется домой, – разоблачает секреты Истон, и его брат и сестра краснеют, каждый по своей причине. – Он был ее личным сторожевым псом.

Рид пожимает плечами и изображает лающий звук. Элла становится еще краснее. И чем краснее она становится, тем громче ревет толпа. Когда Истон заканчивает дразнить их, встает Гидеон, а затем настанет черед близнецов поддаться жару.

Когда все тосты сказаны, диджей заводит музыку, и огромную лужайку наполняют танцевальные биты. Дилан прыгает с ноги на ногу, так ей не терпится выбраться на танцпол. Она оглядывает толпу, выискивая партнера. Ее взгляд останавливается на близнецах, которые сидят за столом в нескольких метрах от нее.

– Тут красиво, да? – спрашивает их Дилан.

Себ кивает. Или это Сойер. Я больше не могу их различать. Теперь они оба язвительные, очаровательные и опасные. За последние пять месяцев они разбили больше сердец, чем можно представить. Как будто это соревнование, кто кого обставит, затаскивая в постель всех девушек в Бэйвью. Но они добры к Дилан, о чем свидетельствует тот факт, что парни не язвят по поводу свадьбы своего двадцатилетнего брата и их совсем молоденькой приемной сестры, так что я не собираюсь ни в чем их винить.

Дилан мило улыбается им.

– И музыка классная.

Они снова кивают.

– И все вокруг такие счастливые!

Опять кивок.

Ее улыбка становится еще больше.

– Через четыре года настанет наша очередь.

Я моргаю, случайно услышав это заявление. Четыре года? О чем она говорит?

– Четыре года? – Один из близнецов выгибает бровь.

– Наша очередь? – В голосе другого звучит легкая паника.

– Да, когда мне исполнится восемнадцать.

– И что? – говорит тот, что выгнул бровь. Другой близнец, видимо, поумнее, потому что он уже привстал со стула и готовится к бегству.

– И мы поженимся! – объявляет Дилан.

Я теряю дар речи. Мальчишки переглядываются, видимо, там идет целый беззвучный разговор о наглости моей сестры. Они оба поднимаются.

– Наша свадьба тоже будет здесь, как у Эллы, но цветов будет больше. Я люблю розы.

Я закрываю рукой рот Дилан.

– Она шутит, – заверяю я близнецов.

Она просовывает свой влажный язык между моих пальцев.

– Фу, какая гадость, Дилан!

– Я не шучу, – заявляет она. – Когда мне исполнится восемнадцать, я выйду за них замуж.

– За кого именно?

– Ха! Попробуй их различить!

И она уходит, оставляя нас изумленно таращиться ей вслед. Вернее... я изумленно таращусь ей вслед. По лицам близнецов не понятно, что они думают. Нет. Я не хочу знать, что они думают. Специально отворачиваюсь. Говорю себе, что ничего не видела. Ничего.

Рядом со мной появляется Истон и вкладывает мне в руку высокий бокал.

– Хочешь настоящего шампанского или виноградный сок подойдет?

– Подойдет. – Я делаю глоток газированного сока и позволяю пузырькам щекотать себе нёбо. Ладно, буду беспокоиться о Дилан через четыре года. А Истону вообще лучше не рассказывать о том, что произошло. Иначе он запрет Дилан в гостевом доме и никогда не выпустит. Это просто такой период. Она перерастет его. Надеюсь.

– Я никогда не думал, что буду произносить тост на свадьбе или пить сок на вечеринке. – Ист морщится.

– И то, и то у тебя получается идеально. Из тебя вышел отличный друг невесты.

– Ша-фер!

Ухмыляясь, я делаю еще глоток, а потом перевожу взгляд на темные воды, плещущиеся о песок.

– Что мы здесь делаем? – спрашивает Истон, положив подбородок мне на макушку.

– Я создаю воспоминания.

– О! – Он обнимает меня за плечи. – Думаю, они станут еще лучше, если мы снимем с тебя это платье.

Я дрожу, но не от холода.

– Моя сестра недавно сказала, что нам надо снять комнату.

Жаркий поцелуй Истона обжигает шею.

– Дилан – самая умная девочка из всех, что я знаю.

Широко улыбаясь, он берет меня за руку и ведет через танцпол, под цветочную арку, на мощеный дворик, где потом мы поднимаемся по лестнице нашего дома, чтобы создать новое воспоминание.

Благодарности

Мы хотим выразить особую благодарность Джессике Клэр и Мелджин Брук, которые читали и перечитывали эту книгу и помогли нам сделать ее такой, какая она есть сейчас.

Все ошибки, конечно же, остаются на нашей совести.

И огромное спасибо всем читателям, которые так безоговорочно любят Ройалов. Мы надеемся, что вам нравилось читать эти книги не меньше, чем нам нравилось их создавать.

Оставайтесь с нами, чтобы не пропустить наши следующие приключения!

ОСТАВАЙТЕСЬ НА СВЯЗИ

Подпишитесь на наши новости, чтобы узнавать о новых книгах, обложках и прочей информации, доступной только подписчикам! Мы же обещаем отправлять вам письма только с самым важным. Оставайтесь с нами на связи, ставьте «лайки» на странице Эрин Уатт в «Фейсбуке», читая новости и забавные тизеры!

Мы на *FACEBOOK*:

<https://www.facebook.com/authorerinwatt>

Мы на *GOODREADS*:

https://www.goodreads.com/author/show/14902188.Erin_Watt

Об авторе

Эрин Уатт – это детище двух популярных писательниц, которых связали вместе любовь к хорошим книгам и страсть к писательству. У них одинаковое творческое воображение. Что они любят больше всего на свете (конечно, кроме своих семей и домашних животных)? Придумывать забавные – а порой и совершенно безумные – идеи. Чего они боятся больше всего на свете? Рассориться.

Связаться с Эрин Уатт:

authorerinwatt.com

authorerinwatt@gmail.com

notes

СНОСКИ

1

Бензодиазепины – медицинские препараты, оказывающие
успокоительное действие.

Сокращение от имени Хартли, Харт, по-английски произносится точно так же, как слово *heart* – «сердце».

Lay (*англ.*) – женщина легкого поведения.

Daughters of American Revolution (*англ.*) – женская общественная организация, основанная в 1890 г., в ряды могут вступить лишь прямые потомки участников войны за независимость США.

Южнокорейский бойзбенд.

Отсылка к роману «Алая буква» американского писателя Натаниеля Готорна.

Экспериментальный самолет США, оснащенный ракетным двигателем.

Самолет небольших размеров с двигателем малой мощности, чаще всего одно- или двухместный.

Место действия в фильме «Принцесса-невеста» режиссера Роба Райнера, снятом в 1987 году по мотивам одноименного романа американского писателя и сценариста Уильяма Голдмана.

Логотип магазинов американской сети Target.

«Би Муви: Медовый заговор» (*англ.* Bee Movie) – комедийный анимационный фильм 2007 г.

Jeopardy! (*англ.*) – американское телевизионное шоу, аналогом которого можно считать передачу «Своя игра».

Сокращенный вариант имени Истона – Ист, *East* – созвучно слову east (англ.), «восток».